

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ЧИТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

ВЕСТНИК
ЧИТИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА № 6 (63)

CHITA STATE UNIVERSITY JOURNAL

Чита 2010

Основан
в 1995 г.

Учредитель:
Читинский государственный университет

Журнал зарегистрирован как СМИ
29.11.2005, регистрационный номер
ПИ № ФС 13 – 2010

Журнал участвует в Российском индексе
научного цитирования (РИНЦ)

Периодичность издания: 12 номеров в год

Научные направления журнала, рекомендо-
ванные ВАК РФ для публикации результатов
исследований на соискание ученой степени
кандидата и доктора наук:

- 08.00.00 – Экономические науки;
- 09.00.00 – Философские науки;
- 10.00.00 – Филологические науки;
- 12.00.00 – Юридические науки;
- 13.00.00 – Педагогические науки;
- 17.00.00 – Искусствоведение;
- 19.00.00 – Психологические науки;
- 23.00.00 – Политология;
- 24.00.00 – Культурология;
- 25.00.00 – Науки о Земле

Подписку на журнал «Вестник ЧитГУ»
можно оформить в любом почтовом отде-
лении. Подписной индекс по федеральному
почтовому Объединенному каталогу Пресса
России и интернет-каталогу «Российская пе-
риодика»
www.arpk.org: 82102.

Подписка осуществляется и через редакцию.
Также журнал можно
приобрести в розницу. Цена 250 руб.

Тел.: +7 (3022) 41-67-18
E-mail: rik-romanova-chita@mail.ru
Web: www.journal.chitgu.ru

Все материалы, опубликованные в научном
журнале «Вестник ЧитГУ», являются авторски-
ми и защищены авторскими правами. Пере-
вод материалов и их переиздание в любой
форме, включая электронную, возможны толь-
ко с письменного разрешения Редакционной
коллегии.

Вопросы, касающиеся использования матери-
алов журнала, направляйте главному редакто-
ру по электронной почте либо по почтовому
адресу: 672039, г. Чита, ул. Александрo-Завод-
ская, 30, редакция журнала «Вестник ЧитГУ»

Мнение редакции не всегда совпадает с мне-
нием авторов.
Качество иллюстраций соответствует качеству
представленных оригиналов

ISSN 1999-9976
ISSN (on-line) 2071-7938

Вестник ЧитГУ теоретический и научно-практический журнал

Редакционная коллегия

- Резник Ю.Н.** – гл. редактор, д-р техн. наук, профессор, ректор ЧитГУ;
Малышев Е.А. – зам. гл. редактора, канд. техн. наук, доцент, проректор по научной и инновационной работе ЧитГУ;
Романова Н.П. – научный редактор, д-р социол. наук, доцент;
Шалавина А.А. – литературный редактор;
Витовская М.А. – технический редактор.

Редакционный совет

Председатель редакционного совета: Ю.Н. Резник, д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, ректор Читинского государственного университета.

Члены редакционного совета: Н.А. Абрамова, д-р филос. наук, профессор (Чита), С.Я. Березин, д-р техн. наук, профессор (Чита), И.В. Бычков, д-р техн. наук, профессор (Иркутск), Е.Т. Воронов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Чита), И.П. Глазырина, д-р эконом. наук, профессор (Чита), С.А. Иванов, канд. техн. наук, профессор (Чита), Н.Б. Иметинов, канд. техн. наук, профессор (Чита), К.И. Карасев, д-р техн. наук, профессор (Чита), Е.А. Кудряшов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (Курск), В.И. Летунов, канд. техн. наук, профессор (Чита), Л.М. Любимова, канд. филол. наук, доцент (Чита), А.В. Макаров, д-р юрид. наук, доцент (Чита), В.Н. Опарин, д-р физ.-мат. наук, профессор, член-корр. РАН (Новосибирск), И.И. Осинский, д-р филос. наук, профессор (Улан-Удэ), Ю.В. Павленко, д-р геол.-минер. наук, профессор (Чита), А.Б. Птицын, д-р техн. наук, профессор (Чита), Н.П. Романова, д-р социол. наук, доцент (Чита), Г.В. Секисов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, член-корр. Национальной Академии наук Киргизии (Хабаровск), Н.Я. Смольников, д-р техн. наук, профессор (Волгоград), В.А. Стетюха, д-р техн. наук, доцент (Чита), И.Ф. Суворов, д-р техн. наук, профессор (Чита), М.Л. Титаренко, д-р филос. наук, профессор, академик РАН (Москва), М.Н. Фомина, д-р филос. наук, профессор (Чита), И.И. Швецова, канд. физ.-мат. наук, доцент (Чита), К.Г. Эрдынеева, д-р пед. наук, профессор (Чита).

Ответственный за выпуск Н.П. Романова, д-р социол. наук, доцент.

Утверждено и рекомендовано к изданию решением редакционно-издательского совета ЧитГУ.

Вестник Читинского государственного университета
(Вестник ЧитГУ) № 6 (63). – Чита: ЧитГУ, 2010. – 126 с.
Chita State University Journal. № 6 (63). – Chita St. Univ. Pr. 2010.

Ю.Н. Резник, д-р техн. наук,
профессор, ректор ЧитГУ,
заслуженный деятель науки

Дорогие читатели!

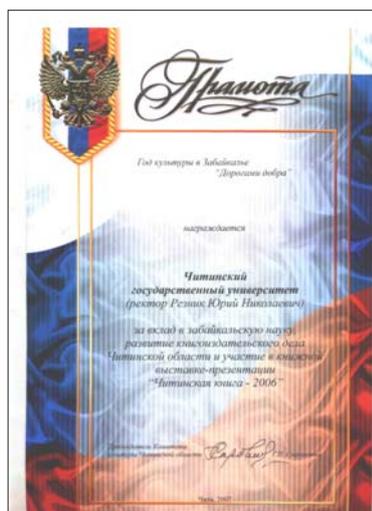
Поздравляю вас с Днем знаний! Новый учебный год должен стать для нас годом новых свершений, достижений и успехов в учебе, науке и в работе.

Читинский государственный университет с каждым годом стремится увеличить возможности для того, чтобы наши выпускники сделали блестящую карьеру. Наши студенты, аспиранты, сотрудники могут использовать в своей работе новейшее обо-

рудование, участвовать в творческих проектах, разносторонне проявлять себя в научных исследованиях.

Научный журнал «Вестник Читинского государственного университета» по-прежнему внесен в обновленный Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий России. Об этом было сообщено на сайте Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ.

Желаю, чтобы наш вуз креп и развивался дальше, а мы с вами работали и учились в хорошем, стабильном, известном в сибирском и других регионах вузе – Читинском государственном университете.

Философские науки

УДК 304.42

Букин Андрей Григорьевич
Andrey Bukin

КУЛЬТУРНО-СИМВОЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ: ФОРМИРОВАНИЕ ТОПОНИМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА КУЛЬТУРЫ

CULTURAL AND SYMBOLIC POLICY IN TRANSBAIKALIAN REGION: FORMING THE TOPONYMIC SPACE OF CULTURE

Рассматриваются возможности и особенности формирования пространств культуры в рамках действующей в Забайкальском крае культурной политики в контексте интеграционных процессов, приведших к формированию нового субъекта Федерации

This article discusses the features and formation of cultural space within the existing Transbaikalian Region cultural policy. It is observed in the context of integration processes that led to the formation of the new Region

Ключевые слова: культурно-символьная политика, смыслы, топонимы, пространство культуры, регион, объединение субъектов Федерации

Key words: cultural and symbolic policy, meanings, toponymy, space of culture, region, unification of Subjects of Federation, Transbaikalian Region

---

Одним из элементов, складывающих культурную политику на вновь образованной территории, стал закон Забайкальского края «Об увековечении памяти лиц, имеющих выдающиеся достижения, особые заслуги перед Забайкальским краем» [1]. Несмотря на название, далёкое от непосредственного контакта с пространственными объектами, данный закон призван во многом сформировать новое культурное пространство в регионе. Введение его в действие, прежде всего, является началом формирования нового специфического топонимического слоя на территории бывших Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа. Его основное назначение – это выделение, индивидуализация, идентификация именуемых объектов среди других. В настоящее время в условиях становления информационного общества трудно переоценить роль и зна-

чение топонимов как точных ориентиров на местности.

В окружающем нас пространстве нет «чистых» топонимических локусов. В процессе культурного и исторического развития возникают разнородные по происхождению пласты топонимии. Они формируются бытующей в данном пространстве культурой. Новая волна названий, как правило, входит в готовую систему топонимии [2]. И для населения, обитающего в рамках формирующегося культурного пространства, важное значение имеет то, какие культурные связи будут объединять «новую» и «старую» волны топонимии, насколько комфортным будет существование в формируемой среде. Существенное значение в таком контексте обретают нормативные акты, регламентирующие новые правила игры.

Принятие закона Забайкальского края «Об увековечении памяти лиц, имеющих

выдающиеся достижения, особые заслуги перед Забайкальским краем» является шагом, в результате которого сформируется новый пласт культурной политики в регионе и он запечатлеет в себе современное состояние культурных, политических и идеологических предпочтений. Об этом можно говорить с высокой степенью уверенности, поскольку из трёх разделов ст. 2 «Закона...», определяющей формы увековечения памяти, два посвящены именно присвоению имени пространственным объектам. Предполагается присваивать имена выдающихся деятелей предприятиям (п. 1); улицам, площадям, паркам и иным элементам планировочной структуры населённого пункта (п. 2.1), а также увековечивать их путём установки памятников и иных мемориальных сооружений, объектов (п. 2.3). Данный закон фиксирует нормы, в соответствии с которыми будет маркироваться окружающее пространство. Только п. 3 ст. 2 предусматривает возможность присвоения непространственным объектам имён лиц, «имеющих выдающиеся достижения, особые заслуги перед Забайкальским краем, а именно: премии и призы.

Взаимодействие новых названий с бытующими — один из самых интересных моментов развития топонимической системы. Судьба каждого топонима индивидуальна и зависит от многих факторов. Прежде всего, имя человека, переходя к пространственному объекту, не теряет присутствующую ему антропоцентрическую сферу применения и приобретает при этом гораздо большую, связанную с существованием материальных объектов. Можно провести параллели с традиционным для русского населения топонимическим приёмом — наименованием пространственного объекта по имени основателя, открывателя или перволадельца. Во взаимодействии с предыдущими слоями топонимии русские топонимы на территории Забайкалья отражают чаще всего сравнительно мелкие географические объекты, которые до прихода русского населения были безымянными или имели неустойчивые названия. Это малые реки, речки, озёрки, небольшие топографические

объекты и т. п., тогда как более или менее крупные географические объекты, как правило, имеют субстратные или автохтонные названия, например: Никишиха (Микишкина речка), но — Ингода; Титовская сопка (по дер. Титовой), но — Яблоновый хребет. Русские антропоцентрические топонимы чаще всего сравнимы с масштабами осуществляемой хозяйственной деятельности. При этом, в силу прилежания или принадлежности объекта основателю, открывателю или назывателю, возникает связь объекта и того лица, чьим именем объект назван. То есть, если что-то названо твоим именем, значит, оно принадлежит тебе и у тебя возникает ответственность за данный объект и всё, что с ним происходит. Человеческая активность многогранна, она включает массу действий, которые могут трактоваться как в нейтральном, положительном, так и в отрицательном ключе. Своим качеством действие в поименованном пространстве оказывает влияние на него самоё. При антропоцентрическом наименовании всё происходящее влияет на восприятие самого «хозяина» территории, на его сущность, репутацию. Таким образом возникает обратная связь, когда с именем места связывается произведённое на нём действие.

Интересна норма в п. 1 ст. 3 «Закона...», оговаривающая невозможность увековечения памяти при жизни лица, имеющего выдающиеся достижения или особые заслуги. Факт ухода в мир иной фиксирует деятельность человека и не позволяет ему совершить поступки, из-за которых пришлось бы стыдливо снова переименовывать объект. Однако в закон не вошла норма, включающая в себя мораторий, дающий срок для того, чтобы восприятие личности в обществе стало достаточно однозначным, по крайней мере, непротиворечивым. Опыт применения такого моратория мы имеем в нашей почтовой системе. Для того чтобы выдающиеся государственные деятели, деятели науки и культуры, искусства могли быть изображены на знаках почтовой оплаты Российской Федерации, должно пройти не менее чем 10 лет со дня кончины [3]. В случаях присвоения имени элементам фи-

зического пространства, особенно планировочной структуры населённого пункта, должно пройти гораздо больше времени.

В традиционной топонимии пространственный объект получает антропное наименование изначально и для пришлого населения «не имеет» других названий. Топонимы, являясь продуктом народного сознания, отражают все стороны духовной и материальной жизни человека. В топонимах, как и в других проявлениях духовной культуры человека, а именно в фольклоре, обрядах, заговорах, народных верованиях, отразилось своеобразие народа, его менталитет [4]. В случае переименования у носителей топонимической системы возникает раздвоение объекта.

Следует учесть то обстоятельство, что топоним при усвоении его окружающим культурным пространством, как правило, не функционирует самостоятельно, а адаптируется, приспособляясь к отражающей пространство языковой системе. Исчезает ситуация, уходит культура, меняется политика, а антропотопоним, видоизменяясь, остается жить, но уже вне исходного контекста.

За годы Советской власти сельской и городской топонимии был нанесен колоссальный и в ряде случаев непоправимый урон. Массовые переименования сельских поселений и городских объектов привели к потере топонимического своеобразия регионов страны и становлению политизированной топонимии [5]. Не исключение для этого и Забайкалье. Значительное количество мест, названных в честь партийных и советских деятелей, преобразило топонимическую карту региона. При этом осознаваемая культурная дистанция между прежним и новым наименованием бывала максимальной. Неудобные наименования получали новые, освященные новой идеологией названия. После революций в начале XX в. в Чите одна за другой начали появляться улицы – «Рабочие» и «Советские», в области с. Монастырское превращается в с. Калинино, а с. Журавлёво получает легенду, вытеснившую прежнего первооснователя и заменив его на легендарного красного

командира П.Н. Журавлёва. Новые переименования были очень привлекательны с точки зрения формирования идеологически правильного топонимического пространства, поэтому и появилось в областном центре четыре «Рабочих» улицы и ряд улиц с именами видных деятелей.

В связи с изменением идеологической платформы в конце XX в. изменился подход к называнию пространственных объектов. В этой ситуации было бы неплохо воспользоваться традиционной русской топографической практикой с её нейтральными наименованиями, исключая жёсткое следование наименования доминирующей идеологии. Пока же, с середины 90-х гг., городская администрация в Чите начала бороться с названиями-двойниками, заменяя их на нейтральные «Яблоневые» и «Черёмуховые». В районах края такой процесс идёт ещё медленнее, поскольку исходный контекст наименования уже чаще всего утрачен, а менять привычный уклад дел не в правилах консервативного провинциального общества, даже несмотря на встречающиеся неблагозвучия. При этом не учитывается необходимость в положительной мотивации при именовании географических объектов, что является важным признаком своеобразия народного самосознания, его менталитета. Проблема мотивации – это проблема проникновения в психологию номинатора, давшего то или иное наименование, проблема ценностной ориентации народа. Поэтому стоит отметить, что в содержательной стороне топонимии ярко и непосредственно выражены идеалы народа.

Одновременно наименования локусов, десятилетиями складывающиеся в историко-культурную систему, представляют собой памятники истории, языка, культуры, свидетельства духовных традиций и образа жизни Забайкальцев. Исторические названия являются таким же народным достоянием, как и памятники архитектуры, искусства, литературы, фольклора. Любое вторжение в эту систему должно быть гораздо жёстче регламентировано, чем это сделано в рассматриваемом «Законе...», и

опираться на принципы длительности использования (что снимает проблему трактовки значения), регионального происхождения, популяризацию и повышение узнаваемости региона [6].

Литература

1. Закон Забайкальского края «Об увековечении памяти лиц, имеющих выдающиеся достижения, особые заслуги перед Забайкальским краем» // Заб. рабочий. – 18 нояб. 2009 (№ 213). – Чита.
2. Керт Г.М. Топонимия в современном мире / Известия Уральского государственного университета. – 2001. – № 20. Режим доступа: <http://philology.ru/linguistics1/kert-01.htm> (19.11.2009).
3. П. 2.1.2. положения о знаках почтовой оплаты и специальных почтовых штемпелях Российской Федерации // Приложение к приказу Министерства связи Российской Федерации от [26.05.94 № 11].
4. Керт Г.М. Топонимное видение народа (на материале саамской топонимии) // Этническое и языковое самосознание: матер. конф., Москва, 13-15 дек. 1995 г. – М., 1995. – С. 70-71.
5. Керт Г.М. Сохранить память земли // Вопросы топонимики Подвинья и Поморья. – Архангельск, 1991. – С. 3-11.
6. Букин А.Г., Букина Н.В. Культурно-символьная политика Забайкальского края: кодирование смыслов // Вестник ЧитГУ. – 2009. – № 5(56). – С. 184.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Букин А.Г., канд. филос. наук, доцент кафедры социальной антропологии, религиоведения и философии, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
BukinAG@chitgu.ru

A. Bukin, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Social Anthropology, Religious Studies and Philosophy, Chita State University

Научные интересы: культурология, философия культуры, геральдика

Areas of expertise: cultural studies, philosophy of culture, heraldry

---

УДК 30:141.7

Скачков Алексей Сергеевич
Aleksey Skachkov

ОБЩЕСТВЕННО-СУБЪЕКТНАЯ СУТЬ «СОЦИАЛЬНОЙ АВТОТРОФНОСТИ»

SOCIAL-SUBJECTIVE MEANING OF «PUBLIC AUTOTROPHY»

На основе идей В.И. Вернадского дана экспликация социально-философского смысла понятий «общественная автотрофность» и «общественная гетеротрофность». Показаны ограничения и следствия при их индивидуально-организменном и общественно-субъектном понимании

Ключевые слова: социальная философия, общественная автотрофность, общественная гетеротрофность

Socio-philosophical analysis of such concepts as «public autotrophy» and «public het-erotrophy» based on the point of view of V.I. Vernadsky is given in the article. Restrictions and investigations under their individual-organismal and social-subjective understanding are shown

Key words: Social philosophy, public autotrophy, public heterotrophy

Понимание сути предикативации автотрофности признака «быть общественным явлением» проблемно. Автотрофность — вид трофической зависимости какого-либо организма, когда он, не питаясь другими неделимыми жизни, в пределе может существовать только за счёт косного вещества и рассеянной энергии. Это фиксация организмических особенностей неделимых, не могущая нести прямой информации о социентальных качествах каких-либо существ, но способная нести «недостаточное различие чисто социальных факторов от других: биологических и физико-химических» [1; С. 523] (чего надлежит избегать). Однако созданные В.И. Вернадским человекомерные понятия «социальная гетеротрофность» и «социальная автотрофность» [2; С. 482] стали достоянием социально-философской мысли. Различаются ли коренным образом значения конструктов «автотрофность» и «гетеротрофность» при их применении в контексте биологических, биогеохимических и т.п. и в контексте собственно социально-философских идей? Разве не несут в себе эти применения несводимые друг к дру-

гу без остатка смыслы? Ответы на данные вопросы не содержатся непосредственно в трудах Вернадского, чётко осознававшего необходимость разделения труда естествоиспытателей и философов [3; С. 102, 104, 154], а потому и не претендовавшего на философский анализ вводимых понятий. При этом, создавая названные конструкты, Вернадский в большей мере мог опереться на размышления естествоиспытателей (М. Бертелло, Д.И. Менделеева, В. Оствальда, К.А. Тимирязева, Н.А. Умова) и в меньшей — на наследие непрофессиональных философов (С.А. Подолинского, Н.Ф. Фёдорова). О том, что начиная с первых публикаций в конце XIX в. К.Э. Циолковский в духе «мировоззренческой фантастики» вёл размышления о разумных «зоофитах» и переломке в них людей, Вернадский, вероятнее всего, не знал. Особо следует отметить Э. Ренана, писавшего в «Философских диалогах и фрагментах» 1876 г. о возможной в будущем социальной революции и прогрессе в развитии чувств в случае промышленного синтеза пищи «из воздуха». И ответов на интересующие нас вопросы нет у назван-

ных лиц, нет их и у современных авторов, но эти ответы необходимы. Причём такие, что смогли бы «более определённо связать гуманистически направленные мысли о неразрывной связи человека и универсума с современными научными представлениями о перспективах человека» [4; С. 249].

Поскольку у Вернадского отсутствует философский анализ конструктов «социальная автотрофность / гетеротрофность», то следует понять, что в отношении них у него есть (начиная с рукописи «Живое вещество», дневниковых записей, писем, «Очерков геохимии» и заканчивая «книгой всей жизни» — «Химическим строением биосферы Земли и её окружения»). Есть «выходящие за пределы точного знания» (так он их оценивал сам) [5; С. 33], философски ориентированные рассуждения, в концентрированном виде представленные в статье «Автотрофность человечества» (1925 г.). Через них Вернадский, по сути, вёл поиск осмысленного сочетания двух смыслов:

1) «способ питания» (более ёмко — тип питания) людей (шире — тип удовлетворения ими своих потребностей);

2) «общественная жизнь» [2; С. 477].

Делая акцент на 1-м из них, он искал выяснения типов того, что П.А. Сорокин называл социальным явлением. Суть этих рассуждений:

Человеческая жизнь — частный случай проявления в биосфере «неделимых жизни», т.е. индивидно-организменное проявление людей; без биосферы ни одно неделимое не существует и существовать не может, находясь в разнообразной зависимости от монолита жизни и его конкретных частей. Есть основной, порождающий (генезисный) и функциональный типы зависимости «живого от живого»: 1-й определяется «принципом Реди», в рамках 2-го фундаментальна связь с «живым целым» «благодаря питанию» [2; С. 464, 468].

Неделимые, не имеющие прямой трофической зависимости от других неделимых, определяют «структуры самих основ биосферы» [2; С. 463]. Кооперативная система неделимых, не нуждающихся в поглощении других живых существ и ис-

пользующих потоки рассеянной энергии (т.е. автотрофов) — генетическое начало всего многообразия биосферы, ответственное за устойчивое воспроизводство её монолитности. Никакие неделимые (напр., люди в их индивидно-организменном аспекте) не могут выйти из генезисного типа зависимости, т.е. они, по Вернадскому, субстратно не могут разуподобиться находящимся в «начале» биосферы автотрофам, не могут быть в своей плоти не их генетическими наследниками; в отличие от генезисной, трофическая связь неделимых «может быть изменена, не затронув стойкости жизненного целого». Есть «указание», что «в эволюции некоторых групп бактерий» имел место переход от автотрофности к миксотрофности, или гетеротрофности, а затем вновь к автотрофности [2; С. 468]. Автотрофное в своём истоке «живое вещество» в силу «принципа Гюйгенса» есть «космическое явление». Род людей — носитель «быть может, космической, силы», которая суть «разум человека, устремлённая и организованная воля его, как существа общественного» [2; С. 472, 462], т.е. есть момент гомоморфности между этим родом и автотрофами. В рассуждениях о «социальном строе», «общественной и социальной конструкции человечества», «общественной жизни», «общественной идеологии» [2; С. 469, 477, 480] отстаивается тезис: «Зависимость человека от живого целого благодаря его питанию определяет всё его существование. <...> Вся жизнь человека, весь его социальный уклад... определяются этой необходимостью («уничтожать другие существа или использовать их биохимическую работу». — В.И. Вернадский)» [2; С. 468-469]. Гетеротрофность людей определяется как «неукротимое стремление» жить деструкцией других живых существ и их комплексов, извлекая энергию через разрушение её носителей; оно «управляет миром человека, строит всю его историю, и всё его существование» [2; С. 469]. Но «разум человека», когерентный «вековым духовным стремлениям», «всё изменяет»: «руководствуя им, человек употребляет всё вещество, окружающее его — косное и живое», «бла-

годаря земледелию... себя в своём питании освободил от стихийной зависимости от живой окружающей природы», добивается дальнейшего «увеличения с помощью науки мощности человечества», в силу чего им начата «систематическая замена... (источников энергии, получаемой из связанных форм. — А.С.) другими, независимыми от жизни (использование разных форм рассеянной энергии. — А.С.)» [2; С. 477, 480]. В названном стремлении люди выступают «не действием свободной воли..., а проявлением естественного процесса»; в таком случае «нет силы на Земле, которая могла бы удержать человеческий разум в его устремлении, раз он постиг, как в данном случае, значение истин, перед ним раскрывающихся», и «для решения социального вопроса необходимо подойти к основам человеческого могущества —... изменить форму питания (добиться синтеза питательных веществ. — А.С.) и источники энергии, используемые человеком (добиться улавливающей рассеянную энергию, а не извлекающей энергетике. — А.С.)» [2; С. 480-482].

Считаем, что в приведённых рассуждениях есть 1) индивидуально-организменный и 2) общественно-субъектный способы осмысления «социальной» автотрофности. И только 2-й способ не выводит за пределы осмысления собственно «социальных явлений».

Если же акцентируем 1-й, то придём в столкновение с законом необратимости эволюции в её биологическом понимании [6; С. 321]. Поэтому некритически поддерживаемые некоторыми парафилософские и паранаучные мечты об организменно-индивидуальной автотрофизации представителей человечества, если и продуктивны, то только в том ограниченном смысле, как продуктивными в некоторых итогах можно признать изыскания «трисекции угла» и «квадратуры круга». И следует думать о росте автотрофных сегментов техносферы в современную «эпоху нанобиологии», порождённую идеями «автотрофности и ноосферы» [7; С. 13], но не следует органопроективный потенциал техники обращать в проект подмены автотрофной техникой организмов людей. Не

подмена, но усиление роста общественной автотрофности, когерентной устойчивому саморазвитию биосферы.

В целом же мысль о возможности индивидуальной автотрофности людей возникает в силу их уравнивания с любым организмом. И когда Вернадский вводил «указание», что переход от гетеротрофного способа питания обратно к автотрофному имел место у некоторых бактерий, то считал это аргументом в пользу онтологической возможности такого перехода для людей, как «неделимых жизни». Мысль о таком переходе спорна. Кроме того, этот гипотетический переход — суть переход неделимых, ранее уже бывших автотрофными, хотя бы и питавшимися гипотетическими «коацерватными каплями», которые, с точки зрения Вернадского, не есть организмы, не есть «неделимые живого вещества». Человек же изначально организменно гетеротрофен, что отмечал сам Вернадский. Научно незыблемо: «По своему происхождению человек — гетеротроф» [8; С. 253]. Поколебать этого не могут никакие изредка развиваемые «экзотические» доводы.

Если акцентируем 2-й подход, то не только остаётся незыблемым твёрдое убеждение Вернадского в возможности лишь биосферосовместимой (коэволюционной) автотрофности людей без утраты ими белково-нуклеиновой природы, но появляется понимание того, как может возникнуть именно автотрофное человечество, значит, автотрофный человек в значении субъектно-личностного его представителя. Это понимание удаётся, если получается снять проблему, скрывающуюся за двойной предикативацией в отношении людей: «Человек — животное общественное, гетеротрофное» [2; С. 475]. Итак, человек 1) в индивидуально-организменном измерении — изначально гетеротрофное существо, но 2) в субъектном измерении — изначально общественное существо.

Но быть общественным, значит, быть носителем связки социентальных качеств, не существующей вне взаимосвязи и взаимообусловленности с другими общественными существами, в коей по определению

потребности не оторваны, а тесно увязаны со всеми социентальными качествами. Полный набор социентальных качеств в их неразрывной связке: сознание, деятельность, социальные потребности, интересы, отношения, нормативность [9; С. 26]. Не значит ли это, что говоря о типе питания людей в организменном аспекте, мы приходим к их биологическому определению в качестве гетеротрофных животных, а говоря о типах удовлетворения всех (а не только в пище) потребностей человека, которые так или иначе доопределяют все иные социентальные качества, мы вынуждены говорить об общественной автотрофности и гетеротрофности? По-иному: при удовлетворении каких бы то ни было потребностей какого-либо собственно социентального существа так или иначе выражены его сознание, деятельность, интересы, отношения, нормативность. Одну и ту же потребность, например, дефицитную потребность в пище, при прочих равных условиях можно удовлетворять типически по-разному: силой или манипуляцией изъять предмет удовлетворения потребности у другого субъекта этой же потребности или эгоистически завладеть предметом этой потребности, лишив доступа к нему некоторых других, или некоторых иных субъектов идентифицировать с предметом диссипации, как предметом удовлетворения потребности. При этом можно внушить диссипируемым субъектам (даже помимо их воли в модусе неконтролируемого сознанием внедрения соответствующих установок), что иное, в принципе, и невозможно, значит, подобного рода диссипация тотально необходима и неизбежна. В последнем случае будет иметь место крайняя степень выявления такого типа удовлетворения всевозможных (не только в пище) потребностей, что максимально разрушителен для субъектов и биосферы, т.е. что, например, «супраморалист» Н.Ф. Фёдоров называл «хорошо организованной ложью», хищническим отношением к природе и человеку. Значит, конструкты социальная гетеротрофность и социальная автотрофность могут и должны соотноситься с основными типами развёртывания

всей связки социентальных качеств, т.е. быть обозначениями для противоположенностей между субъектными взаимосвязей и взаимообусловленностей, или векторов развёртывания потенциала общественной сути людей. Вспомним при этом, что позитивный вектор развёртывания определяется различными авторами как негэнтропийный, и какое-либо развёртывание нашего потенциала происходит не в пустоте, а в социуме и Природе, как расширительно понимаемой (возможно, не только земной) биосфере. Природа для Вернадского (т.е. системная совокупность «живого вещества») – вечная реальность наряду с вечной реальностью косного и биокосного [3], т.е. в принципе есть система *causa sui*; её устойчивое развитие негэнтропийно (самоорганизующееся расширенное воспроизводство с увеличением свободной энергии, получаемой из рассеянных или рассеивающихся форм). В отношении к биосфере справедливо утверждение: «Смысл жизни в борьбе против увеличения энтропии» [10]; в отношении к социосфере это может быть продолжено следующим образом: «Смысл человеческой жизни в борьбе против увеличения бесчеловечности, как проявления энтропии в её социальной форме».

Негэнтропийное развитие человечества (человечность) подобно устойчивому развитию биосферы в целом, даже если Природа и не «субстанциональна». Но человеческая борьба с энтропией невозможна без сознания, без логической деятельности мозга. Это деятельность по производству знаний, наиболее значимыми из которых являются зрелые знания в понятийной форме. Последние служат основанием для создания всё новых орудий труда и технологий, которые (хотя далеко и не все) являются «усилителями мощности» [10]. При этом в сознании любого субъекта есть рефлексивные структуры, определяющие модель нормативности через этическую систему: поступки людей реализуются в соответствии с 1-й либо 2-й этической системами (по В.А. Лефевру, Ю.А. Шрейдеру), задающими аксиологическое содержание между субъектных отношений. Аттрактивно-пассионарный (по

Л.Н. Гумилёву) тип личности неразрывно связан с действием рефлексивных структур в рамках I-й системы, с доминантой на обобщение, понятийное раскрытие содержания космо-био-социального опыта людей, создание орудий труда и технологий, являющихся собственно усилителями мощности человечества, которые данный тип не использует в их возможном бесчеловечном применении. Но последнее, возможно, и осуществляется неаттрактивно-пассионарными и неаттрактивно-непассионарными субъектами, создающими, помимо прочего орудия, и технологии разрушающей эксплуатации как внечеловеческой, так и человеческой частей антиэнтропийного процесса в Универсуме. В связи с чем следует помнить: одно дело считать для субъекта достойным подражание не просто животным (в том числе — паразитам), но явным хищникам (что в отношении органопроективно пони-

маемой техники, как «тактики самой жизни», полагал О. Шпенглер, «вытравивший философию культуры» энтропийной версией «биологизма» [13; С. 48], другое дело — считать принципиально иначе [14].

Из сказанного следует суть социальной автотрофности (СА). СА — тип междусубъектных взаимосвязей и взаимообусловленностей, когерентных эффекту целостности автотрофной биосферы Земли и её управляющей автотрофной подсистемы, в рамках которого ведущей стороной жизнедеятельности субъектов является удовлетворение потребностей за счёт рассеянного вещества, энергии в противовес их удовлетворению за счёт паразитирования или причинения распада целостным системам в виде субъектов и вмещающих биоценозов. Противоположность СА — собственно общественная, а не индивидуально-организменная (т.е. не биологическая) гетеротрофность.

Литература

1. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. — М.: Политиздат, 1992. — 543 с.
2. Вернадский В.И. Автотрофность человечества // Владимир Вернадский: Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков / Сост. Г.П. Аксёнов. — М.: Современник, 1993. — С. 462-486.
3. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. — М.: Наука, 1991. — 271 с.
4. Казначеев В.П., Спиринов Е.А. Космопланетарный феномен человека: Проблемы комплексного изучения. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. — 304 с.
5. Переписка В.И. Вернадского с Б.Л. Личковым. 1918—1939 / Сост. В.С. Неаполитанская. — М.: Наука, 1979. — 270 с.
6. Большая энциклопедия: В 62 томах. Т. 1. — М.: ТЕРРА, 2006. — 592 с.
7. Казначеев В.П., Акулов А.И., Кисельников А.А., Мингазов И.Ф. Выживание населения России. Проблемы «Сфинкса XXI века». — Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2002. — 463 с.
8. Шугрин С.М. Космическая организованность биосферы и ноосферы. — Новосибирск: Сиб. предприятие РАН «Наука», 1999. — 496 с.
9. Бернацкий В.О. Человек и философия // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. — 1996. — № 1. — С. 19-27.
10. Кузнецов О.Л., Кузнецов П.Г., Большаков Б.Е. Система природа — общество — человек: Устойчивое развитие. — Дубна: Гос. науч. центр Российской Федерации ВНИИгеосистем; Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 2000. — 403 с. — [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://lib.uni-dubna.ru/search/files/main.htm> (12.03.2010).
11. Тавризян Г.М. Философы XX века о технике и «технической цивилизации». — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. — 216 с.
12. Скачков А.С. Общественная автотрофность в двух ракурсах философии техники // Вестник Томского государственного университета. — 2008. — № 309. — С. 39-45.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Скачков А.С., канд. филос. наук, доцент кафедры философии и социальных коммуникаций, Омский государственный технический университет (ОмГТУ)
welirta@gmail.com

A. Skachkov, Candidate of Philosophy, Senior Lecturer, Department of Philosophy and Social Communications, Omsk State Technical University

Научные интересы: изучение системы идей «Русского космизма», выявление детерминаций внутреннего мира человека, антропный космологический принцип, глобалистика

Areas of expertise: system of «Russian cosmism» ideas, revealing of determinations of a person's inner world, anthropic cosmological principle, global studies

---

Филологические науки

УДК 811.512

Афанасьева Елизавета Федоровна
Elizaveta Afanasieva

ПРИНЦИПЫ КЛАССИФИКАЦИИ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ ЭВЕНКИЙСКОГО ЯЗЫКА

TO THE QUESTION ABOUT PRINCIPLES OF THE CLASSIFICATION OF THE EVENK CONSONANT PHONEMES

Дан краткий обзор принципов классификации согласных фонем литературного эвенкийского языка и некоторых его говоров. Установлено, что исследователи эвенкийского языка при классификации согласных по-разному интерпретируют некоторые фонемы. Например, это касается согласных /dʲ/, /nʲ/, /h/, /tʃ/, которые в классификационных характеристиках различаются у разных авторов. Уточнены характеристики этих согласных баргузинского говора на основе экспериментальных данных

Ключевые слова: литературный эвенкийский язык, баргузинский говор, согласные фонемы, принципы классификации, экспериментально-фонетический анализ

The purpose of the given article is to specify classification characteristics of consonant phonemes of the modern Evenk language based on the classification of the academician L.V. Scherba used in the Saint Petersburg Phonological School

In the article the principles of the classification of the consonant phonemes of the literary Evenk language and its dialects are briefly presented. It is stated that scientists are not equal in the interpretation of some phonemes. It concerns the phonemes /dʲ/, /nʲ/, /h/, /tʃ/, which are classified in a different way. The characteristics of these phonemes within the Barguzin dialect are specified with the help of the experimental data

Key words: literary Evenk language, Barguzin dialect, consonant phonemes, principles of classification, experimental-phonetic analysis

В Российской Федерации эвенкийский язык имеет статус языка коренного малочисленного народа.

Предметом нашего исследования является консонантная система современного эвенкийского языка. В работе используется Международный фонетический алфавит (далее – МФА). В // скобках дается фонематическая транскрипция, в [] скобках – фонетическая транскрипция, буква обозначается в знаках < >.

В современном эвенкийском языке 18 исконно эвенкийских согласных фонем /b/, /β/, /g/, /d/, /dʲ/, /j/, /k/, /l/, /m/, /n/, /nʲ/, /ŋ/, /p/, /r/, /s/, /t/, /h/, /tʃ/ и 7 заимствованных из русского языка

согласных /z/, /ʒ/, /f/, /x/, /ts/, /ʃ/, /ʃʲ/.

Среди исследователей эвенкийского языка нет единого мнения по трактовке отдельных согласных фонем. Цель нашего исследования – уточнить классификационные характеристики согласных фонем по принципам классификации согласных Л.В. Щербы, используемой в Санкт-Петербургской фонологической школе.

Исследователи эвенкийского языка при определении состава фонем в основном используют описательный и сравнительно-исторический методы. Экспериментальный метод был впервые применен в начале 30-х гг. XX в. в Лаборатории эксперименталь-

ной фонетики Ленинградского (Санкт-Петербургского) университета (далее – ЛЭФ) М.И. Матусевич, которая провела со студентами-эвенками первые экспериментальные исследования звукового строя эвенкийского языка на базе ербогачёнского говора. Они легли в основу характеристики звуков в работе А.А. Горцевского [6], а официальные результаты были опубликованы М.И. Матусевич в 1960 г. [9].

В этой же лаборатории О.А. Константинова провела экспериментальное исследование долгих гласных при описании полигусовского говора как литературной базы эвенкийского языка [8].

Дальнейшие исследования звукового строя эвенкийского языка с применением экспериментальных методов были продолжены лишь в 80-е гг. XX в. в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований Института истории, филологии и философии (ЛЭФИ ИИФФ) СО АН СССР (г. Новосибирск). Так, экспериментальные методы были частично использованы при исследовании баунтовского говора М.Д. Симоновым [12; 13], полигусовского говора Г.В. Гулимовой [7]. Более полное и детальное экспериментальное фонетическое исследование вокализма и консонантизма томмотского говора восточного наречия было проведено Т.Е. Андреевой в ЛЭФИ ИИФФ АН СССР [1]. В этой Лаборатории также ею проведено исследование словесного ударения на материалах говоров эвенков Якутии [2].

В последние два десятилетия экспериментальные исследования звукового строя эвенкийского языка с использованием новейших методов не проводились. Современные технические возможности комплексного экспериментально-фонетического анализа языкового материала, развитие информационных технологий, широкое внедрение средств компьютерного анализа речи позволяют исследовать звуковую форму. Такие исследования проводятся по языкам народов Сибири, Севера и Дальнего Востока в ЛЭФ Санкт-Петербургского университета. Назрела необходимость и в современном исследовании не только лите-

ратурной основы, но и говоров современного эвенкийского языка, которых насчитывается более 50.

Обратимся к истории описания согласных фонем эвенкийского языка. Как правило, согласные фонемы любого языка принято представлять в виде таблицы. Сравним существующие таблицы по согласным эвенкийского языка у разных исследователей. При обозначении фонем мы сохраняем авторское обозначение.

В таблице, приведённой Г.М. Василевич, в «Очерке грамматики эвенкийского (тунгусского) языка», по месту образования выделяются губно-губные /б, п, м, w/; переднеязычные /д, т, н, ч, с, л, р/; среднеязычные /н', ž', j'/; заднеязычные /г, к, ц, б'/; переднегортанный /х/. Кроме того, Г.М. Василевич указала на варианты согласных. По способу образования согласные подразделены ею в таблице на взрывные (смычные), аффрикаты, проточные, боковые, дрожащие. В данной таблице согласный /ч/ отнесён Василевич к разряду переднеязычных [4: 21].

В.И. Цинциус в «Сравнительной фонетике тунгусо-маньчжурских языков» представляет таблицу и подробное описание артикуляции согласных эвенкийского языка. В таблице приводятся и заимствованные согласные из русского языка /ж, з, ф, ц, ш, х/ отмеченные курсивом. В отличие от данных таблицы Г.М. Василевич, в классификации согласных В.И. Цинциус находим иную трактовку некоторых согласных. Это касается согласного /ч/, который характеризуется ею как среднеязычный глухой смычной, обычно аффрицированный. Различаются по характеристикам щелевые согласные х, h: первый трактуется как заднеязычный согласный, второй как фарингальный [15: 45].

О.А. Константинова при характеристике звукового строя эвенкийского литературного языка также приводит таблицу состава согласных. Её таблица отличается от предыдущих таблиц по способу образования согласные эвенкийского языка подразделены на шумные и сонанты. В состав согласных Константинова включает губно-

губной плоскощелевой звонкий $\beta \sim w$, среднеязычный звонкий $d' \sim ʒ$, заднеязычный глухой x , варианты фонем, заключённые в скобки: (ф), (ɣ), (h). Согласный /ч/ характеризуется как среднеязычный [8: 22].

Анализ таблиц и классификационных признаков согласных выявил несоответствия в характеристике отдельных согласных фонем исследователями эвенкийского языка.

Среди сонантов выделяется фонема /nⁱ/, которая учёными-тунгусоведами характеризуется по-разному. Так, А.А. Горцевский [6: 33], А.Ф. Бойцова [3: 194] относят /nⁱ/ к переднеязычным палатализованным, а Г.М. Василевич [4: 21], В.И. Цинциус [15: 45; 213], О.А. Константинова [8: 23] характеризуют и размещают её в таблицы как среднеязычную фонему. В баргузинском говоре, по экспериментальным данным, фонема /nⁱ/ характеризуется как среднеязычная какуминальная согласная.

Среди шумных фонем разные трактовки имеют согласные /tʃ/, /dʃ/ (здесь и далее фонемы обозначены в символах МФА), которые характерны всем тунгусо-маньчжурским языкам. Так, М.И. Матусевич для одного из говоров эвенкийского языка – ербогачёнского – фонемы /tʃ/, /dʃ/ определяет как палатализованные переднеязычные аффрицированные /tʃⁱ/, /dʃⁱ/, но с оговоркой, что развились они «из типа среднеязычных согласных» [9: 145]. Такого же мнения придерживаются А.А. Горцевский [6: 33], А.Ф. Бойцова [3: 195]. Г.М. Василевич относит фонему /tʃ/ также к разряду переднеязычных как аффрикату [4: 21]. В.И. Цинциус [15: 45], О.А. Константинова [8: 22] относят эти фонемы к разряду среднеязычных как смычные чистые.

По данным экспериментальных исследований, в томмотском говоре согласные /tʃ/, /dʃ/ характеризуются как среднеязычные смычно-щелевые [1: 122]. В баргузинском говоре, по нашим данным, согласная фонема /dʃ/ является среднеязычной, /tʃ/ – аффрикатой.

Разноречивые мнения у учёных-тунгусоведов относительно согласного /x/. Г.М.

Василевич располагает согласный /x/ в таблице согласных как переднегортанный проточный глухой [4: 21]. В литературном языке, считает О.А. Константинова, согласный /x/ – это заднеязычный щелевой глухой, в абсолютном начале слова фарингализуется, в конце слов не бывает [8: 23]. А.Ф. Бойцова отмечает, что «в отличие от русского, в эвенкийском языке фонема /x/ – переднегортанная (фарингальная)» [3: 197]. По мнению А.В. Романовой, произношение заднеязычного щелевого глухого /x/ не характерно для эвенкийского языка [11: 63-64]. И в баргузинском говоре подобной фонемы не зафиксировано.

Таким образом, данный согласный /x/ эвенкийского языка должен быть зафиксирован в таблице как фарингальная фонема /h/. М.И. Матусевич по результатам экспериментальных исследований ербогачёнского говора [9: 152] также характеризует этот согласный как фарингальный щелевой глухой. Такие же характеристики фонема /x/ имеет и в баргузинском говоре.

Анализ существующих таблиц согласных эвенкийского языка показал отсутствие в них единого подхода к выбору классификационных категорий. На основе анализа существующих описаний и классификаций согласных современного эвенкийского языка, звуковых записей по баргузинскому говору нами составлена классификация согласных эвенкийского языка с применением принципов ленинградской фонологической школы. Таким образом, инвентарь согласных фонем эвенкийского языка можно охарактеризовать следующим образом:

1) *губные согласные* фонемы в эвенкийском языке представлены только губно-губными.

Это губно-губные смычные согласные: звонкий /b/, глухой /p/, носовой сонант /m/, губно-губной звонкий щелевой /β/.

Согласный /b/ встречается только в начале и середине слова, в абсолютном конце слов он не употребляется, имеет довольно низкую сочетаемость с другими согласными. Согласный /p/ встречается во всех позициях, но в начальной позиции встречается в очень небольшом количестве слов.

В отличие от русского /v/ эвенкийский /β/ характеризуется как губно-губной, а не губно-зубной согласный. Он имеет несколько аллофонов. В полигусовском говоре — основе эвенкийского литературного языка — он характеризуется как плоскощелевой [β], как в баргузинском и в ряде говоров северного и восточного наречий. В говорах южного наречия, в частности, в смыском, определяется как круглощелевой [ʋ] [5: 66]. Согласный /β/, хотя и не имеет в эвенкийском языке парной глухой фонемы, всё же перед глухими и в конце слов оглушается: *эвчэ* [ɛftʃə] «лёгкие», *таңивка* [taŋifka] «счёт», *дяв* [dʲaf] «лодка», *бакачав* [bakatʃaf] «я нашёл».

Необходимо отметить, что слов как с начальным, так и с конечным /β/ в эвенкийском языке мало. Конечный /β/ распространён как суффиксальный показатель. Например: *ама-в* «мой отец» (-в — лично-притяжательный суффикс I лица ед. ч.), *сурурэ-в* «мы ушли» (-в — лично-притяжательный суффикс I лица мн. ч.).

Из губно-губных согласных наиболее частотным в эвенкийском языке является сонант /m/, который встречается во всех позициях в слове;

2) *переднеязычные согласные*. По способу образования они подразделяются на смычные (взрывные, носовые), щелевые и дрожащие; по активному органу — на дорсальные, апикальные и какуминальные.

Переднеязычные смычные взрывные: звонкий /d/, глухой /t/, носовой сонант /n/. В эвенкийском языке они, как правило, являются апикальными.

Тунгусо-маньчжурские языки относятся к парадигматически консонантным языкам с подавляющим преобладанием согласных в системе — 60 %. Среди них высокой частотностью в тексте обладают сонанты: /n/ — 5,1 %, /m/ — 4 %, /j/ — 3 % [10: 16-17].

Как предполагают учёные, в прошлом в некоторых тунгусо-маньчжурских языках, в т.ч. в эвенкийском, «настоящими основами, оканчивающимися на согласный, были лишь основы с конечным /n/ и /l/, /r/ (как форманты мн.ч.)» [14: 291]. Сле-

довательно, именные и глагольные основы в этих языках распадались на две большие группы в зависимости от конечного звука основы:

1) основы с конечным гласным;

2) основы с конечным /n/.

В эвенкийских словах переднеязычная фонема /n/, широко распространённая во всех позициях слова: *нэжүн* «младший брат, сестра», *нанна* «шкура животного».

Переднеязычный смычный шумный глухой согласный /t/ в слове употребляется во всех позициях: *таткйт* «школа».

Согласный /t/ исторически претерпел изменения. Если смычный /t/ перед всеми гласными, кроме /i/, /i:/ не изменил своего качества и сохранился, то перед /i/, /i:/ он приобрёл новое звучание. В современном эвенкийском языке в конечном /t/ совпали три различные фонемы: /t/, /tʃ/, /dʲ/ [15: 185]. Поэтому в одних случаях наблюдается чередование /t/ / /tʃ/, в других — /t/ / /dʲ/, в третьих — /t/ / /t/. Например: *таткит* «школа» — *таткич-и-л* (мн.ч.), *амут* «озеро» — *амуд-и-л* (мн.ч.), *мавут* «аркан» — *мавут-ы-л* (мн.ч.).

Как предполагают учёные, в прошлом на конце слов был гласный /i/ [3: 191]. Отпадение гласного в одном случае повлекло за собой оглушение согласного /dʲ/ в /t/, потому что звонкие согласные в современном эвенкийском языке в конце слова не встречаются. В другом случае после исчезновения конечного гласного согласный /tʃ/ перешел в /t/, так как в современном слове конечный /tʃ/ невозможен. Подтверждением этому может также служить наличие в современном языке двух суффиксов творительного падежа: -т, -ди. Суффикс -т употребляется после основ, оканчивающихся на гласный (*й-т* «скребком», *хулла-т* «одеялом»), -ди — после основ на н- и множественного числа, оканчивающихся на -л, -р: *орон-ди* «оленем», *орор-ди* «оленьями», *адыллыл-ди* «сетями».

Суффикс -ди можно рассматривать как первичный, а суффикс -т как вторичный, образовавшийся в результате фонетических процессов, пережитых эвенкийским языком. Суффикс действительности и

краткости действия *-t* перед *и* переходит в *ч*: *ичэттэн* «он посмотрел» – *ичэчим* «я посмотрел».

Шумная переднеязычная фонема /tʃ/ является аффрикатой. В эвенкийских словах встречается только в начале и середине слова, на конце слов она не употребляется: *чэчэн* /tʃetʃen/ «умный», *чичагал* /tʃitʃagal/ «дети».

Переднеязычные щелевые согласные делятся на шумные и сонанты. Шумные в эвенкийском языке представлены одной согласной /s/, а сонанты – /l/, /r/.

Сибиллянтный свистящий глухой /s/ по месту образования относится к дорсальным. Встречается во всех позициях: *сүниэ* «твоя палто», *часки* «дальше». В начале слов и в середине между гласными в некоторых говорах имеет аллофон [š] с оттенком шепелявости: *согдонно* [šɔgdɔn:ɔ] «спина», *аси* [aši:] «женщина». В этих же позициях в говорах северного наречия, в частности, в наканновском, ербогачёнском, согласному /s/ соответствует /h/: [hɔgdɔn:ɔ], [ahi:].

Соответствие с // h // ш наблюдается и в говорах эвенков Бурятии. Так, в баргузинском говоре в середине слов между гласными употребляется /h/: *аһи* /ahi:/ «женщина», *оһа* /ɔ:ha/ «камыс», в баунтовском говоре /s/: /asi:/, /ɔ:sa/, в северобайкальском – /š/ с оттенком шепелявости: /aši:/, /ɔ:ša/.

Переднеязычный боковой щелевой сонант /l/ в эвенкийском языке апикулярный. Встречается во всех позициях: *лалбукал* «мхи».

Дрожащий сонант /r/ в эвенкийском языке является какуминальным. В эвенкийских словах его употребление ограничено, так же как и во всех языках тунгусо-маньчжурской группы. Как начальный согласный отсутствует, за исключением заимствований. Встречается только в середине и конце слова;

3) *среднеязычные согласные*. К согласным этой группы в эвенкийском языке относятся звонкие согласные /dʲ/, /nʲ/, /j/. При образовании среднеязычных активным речевым органом является средняя часть

спинки языка. По пассивному органу эти согласные называют ещё палатальными.

В эвенкийском языке отмечается буквенное несоответствие для фонем /dʲ/, /nʲ/, которые обозначаются буквами <д>, <н> в сочетании с йотированными гласными <е, ё, я, ю>: *делй* «таймень», *неңдэлэ* «ясная погода», *дэго* «внук», *негу* «первый, передовой», *дялан* «сустав», *няңня* «небо», *дйо* «дом», *нйориктэ* «волос».

Для фонемы /nʲ/ характерно сочетание с согласным <ң>: *анңу* /anʲɲu/ «правый», *тунңа* /tunʲɲa/ «пять».

В словах согласные /dʲ/, /nʲ/ встречаются только в начале и в середине слова, не входят в состав грамматических форматов.

Серединный сонант /j/ по своим характеристикам является однофокусным щелевым согласным. Обозначается буквой <й> и йотированными гласными <е, ё, я, ю>: *мбманай* /mɔ:manaj/ «отваренные кишки животного», *майгу* /majgu/ «рыба ленок», *ембу* /jembu/ «худощавый», *ётыла* /jɔtɪla/ «пчела», *юду* /judu/ «рыба елец», *япā* /jara:/ «человек со слезящимися глазами».

Число примеров в эвенкийском языке с начальным и конечным серединным сонантом /j/ незначительно. В интервокальном консонантном сочетании этот согласный преимущественно встречается в начальной позиции, например, *найдамй* «надеяться», *кэймй* «потеряться», *бэйчэн* «охотник».

В современном эвенкийском языке согласная фонема /j/ является суффиксом формы обращения: *ака* «брат» – *акай* «братец», *эка* «сестра» – *экэй* «сестрица», входит в состав только одного грамматического форманта – суффикса падежа совместности именного управления *-тай*: *Бэюмимнил цинакитай сурурэ* «Охотники с собаками ушли»; *Амтыл хутэтэй эмэрэ* «Родители с детьми пришли».

4) *заднеязычные согласные*. При артикуляции заднеязычных согласных активным речевым органом является задняя часть спинки языка, а пассивным – мягкое нёбо.

Смычные взрывные: звонкий /g/, глухой /k/. Встречаются во всех позициях в

слове. Например: *zogon* «лай», *kaŋirik* «двухгодовалый телёнок».

Согласная фонема /g/ имеет несколько аллофонов. В начале слова, в середине слов перед согласными и после них употребляется как заднеязычный смычный: *gara* [gɑrɑ] «ветка», *burgu* [bʊrgʊ] «жирный». В положении между гласными реализуется как звонкий щелевой [ɣ]: *daɣa* [dɑɣɑ] «близкий, близко», *того* [tɔɣɔ] «огонь». В конце слова реализуется как глухой [k]: *gag* [gɑk] «лебедь», *чукаг* [tʃʊkɑk] «луг».

В некоторых говорах южного наречия, в частности, в баунтовском и северо-байкальском, согласный /g/, находящийся между гласными, выпадает, например, в слове *daɣa* звучит: [dɑ:] «близкий, близко» а в слове *того* – [tɔ:] «огонь».

К заднеязычным согласным в эвенкийском языке относится сонант /ŋ/. В эвенкийских словах употребляется во всех позициях: *нэлэ* «рука», *дялаңкар* «травя гусятник», *яң* «сопка, голец». Слов с конечным /ŋ/ в эвенкийском языке относительно мало, как считает В.И. Цинциус, «он встречается в тех случаях, когда был утрачен конечный гласный» [15: 244]. На конце грамматических формантов не употребляется.

В баргузинском и в некоторых других говорах эвенкийского языка /n/ в начале слов перед узким гласным соответствует /ŋ/: *ни* (лит. *ни*) «кто», *ниңты* (лит. *ниңты*) «пятка».

5. Фарингальный согласный. В эвенкийском языке это согласный /h/.

В интервокальном положении эвенкийского слова фонема /h/ употребляется только между гласными, не сочетается ни с одним согласным. В конце слов /h/ не употребляется. Например: *hараһал* «давно оставленные места».

Таким образом, эвенкийский язык относится к парадигматически консонантным языкам с подавляющим преобладанием согласных в системе, в которой две основные противопоставляющие друг другу категории – шумные и сонанты. Из 18 согласных: шумные – /b/, /β/, /g/, /d/, /dʲ/, /k/, /p/, /s/, /t/, /h/, /tʃ/ (всего 11), сонанты – /m/, /n/, /nʲ/, /ŋ/, /l/, /r/, /j/ (7). Шумные эвенкийского языка подразделяются на две противоположные группы: смычные и щелевые. Из 11 шумных 7 смычных согласных являются сравнительно устойчивыми в начальной позиции.

Литература

1. Андреева Т.Е. Звуковой строй томмотского говора эвенкийского языка: Экспериментально-фонетическое исследование. – Новосибирск: Наука, 1988. – 142 с.
2. Андреева Т.Е. Словесное ударение в эвенкийском языке (на материалах эвенков Якутии): Экспериментально-фонетическое исследование. – Новосибирск: Наука, 2001. – 150 с.
3. Бойцова А.Ф. Сравнительная характеристика согласных звуков эвенкийского и русского языков // Известия АПН РСФСР. – 1952. – № 40. – С. 185-209.
4. Василевич Г.М. Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. – Л.: Учпедгиз, 1940. – 196 с.
5. Василевич Г.М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. – М.-Л.: Учпедгиз, 1948. – 352 с.
6. Горцевский А.А. Фонетические трудности при обучении эвенков (тунгусов) русскому языку. – Л.: Учпедгиз, 1939. – 136 с.
7. Гулимова Г.В. Настройки гласных полигусовского говора эвенкийского языка (по данным рентгенографирования) // Экспериментальная фонетика сибирских языков. – Новосибирск, 1982. – С. 96-132.
8. Константинова О.А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. – Л.: Наука, 1964. – 272 с.
9. Матусевич М.И. Очерк системы фонем ербогачёнского говора эвенкийского языка на основе экспериментальных данных // Учёные записки ЛГУ. – Л., 1960. – Т. 237. – С. 132-169.

10. Радченко Г.Л. О фонетическом типе нанайского языка // Грамматическая и семантическая структура слова в языках народов Сибири. – Новосибирск, 1988. – С. 15-18.

11. Романова А.В. О некоторых фонетических взаимоотношениях якутского и эвенкийского языков // Доклады XIV научной сессии. – Якутск, 1964. – С. 62-67.

12. Симонов М.Д. Опыт спектрографического анализа эвенкийских гласных (На материале баунтовского говора) // Исследование по фонетике сибирских языков. – Новосибирск, 1976а. – С. 153-174.

13. Симонов М.Д. Относительная длительность гласных в двусложных словоформах эвенкийского языка (На материале баунтовского говора) // Сибирский фонетический сборник. – Улан-Удэ, 1976б. – С. 3-17.

14. Цинциус В.И. Конечные плавные в тунгусо-маньчжурских языках // Памяти Л.В. Щербы. – Л., 1951. – С. 283-295.

15. Цинциус В.И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. – Л.: Наука, 1949. – 342 с.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Афанасьева Е.Ф., канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры языков коренных народов Сибири Национально-гуманитарного института Бурятского государственного университета
elizaveta_fedor@mail.ru

E. Afanasyeva, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Siberian Native People Languages, National Humanitarian Institute, Buryat State University

Научные интересы: эвенкийский язык, фонология и фонетика современного эвенкийского языка, экспериментальные исследования звукового строя баргузинского говора эвенкийского языка

Areas of expertise: Evenk language, phonology and phonetics of modern Evenk language, experimental research of phonemes in the Barguzin dialect

УДК 81'27

Кобец Елена Валерьевна
Elena Kobets

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВВ.: ПРАГМАТИКА ЮМОРА КАК ШАГ К ПОНИМАНИЮ И ЛОМКЕ СТЕРЕОТИПОВ ВОСПРИЯТИЯ

*(НА ПРИМЕРЕ РЕЧЕЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ
ЛИДЕРОВ ФЕДЕРАЛЬНОГО И РЕСПУБЛИКАНСКОГО
УРОВНЕЙ: В.В. ПУТИНА И А.И. ЛЕБЕДЯ)*

POLITICAL DISCOURSE IN THE END OF THE XX – BEGINNING OF THE XXI CENTURY: HUMOR PRAGMATICS AS A STEP TO UNDERSTANDING AND CHANGE OF PERCEPTION STEREOTYPES

*(BY THE EXAMPLE OF SPEECHES OF V.V. PUTIN AND A.I. LEBED –
POLITICAL LEADERS OF FEDERAL AND REPUBLICAN LEVEL)*

Прагматику политического дискурса определяют коммуникативные стратегии и тактики речевого воздействия, соотносимые с функциями языка. Одной из приоритетных стратегий является стратегия продуктивной манипуляции. Значимой коммуникативной тактикой названной стратегии в современной политической речи становится юмор, с помощью которого адресант, с одной стороны, получает возможность эвфемизировать поле коммуникативного воздействия, с другой стороны, привлечь собеседника к активному обсуждению значимых вопросов с ориентацией на положительную оценочную коннотацию, что обеспечивает эффективность политического воздействия

Ключевые слова: *политический дискурс, функции языка, коммуникативные стратегии, коммуникативные тактики, продуктивная манипуляция, юмор, стереотипы восприятия, прагматика, эффективная коммуникация*

One of the most important tools of modern political life of a state is a living word – bright, expressive speech, based on a metaphor. It takes a great interest to study metaphorical expressions of two political leaders of one and the same historical period: the President of Russian Federation Vladimir Putin and the Head of the Government of republic of Khakasia Aleksey Lebed (1996-2008). Both of them are bright charismatic individuals able to use metaphor in their political speeches

Key words: *Political discourse, functions of language, communicative strategies, communicative tactics, manipulation, humor, pragmatics, effective communication*

Язык в широком смысле (язык как система и речь) – многофункциональное явление, все функции которого проявляются в коммуникации. И от того, как и в какой интерпретации, в какой мере реализуются эти функции, напрямую зависит уровень эффективности общения.

Традиционно выделяются, по крайней мере, шестнадцать функций языка: коммуникативная (функция общения), когнитивная (мыслительная), познавательная (аккумулятивная), эмоционально-экспрессивная (выражение чувств, эмоций), волюнтативная (призывно-побудительная,

выражение воли), прагматическая (функция воздействия), метаязыковая (разъяснения средствами языка самого языка), фатическая (контактноустанавливающая), идеологическая (выражение идеологических предпочтений), омадательная (формирующая реальности), металингвистическая (язык является орудием объяснения и организации всех знаковых систем), номинативная (называние), денотативная, репрезентативная (передача информации, представление), конативная (ориентация на адресата), эстетическая (креативная), аксиологическая (оценка: хорошо/плохо).

Как видно из списка, до недавнего времени не принято было среди функций языка называть *манипулятивную*. Вместе с тем, манипуляция во все времена играла важную роль в любой коммуникации и сопровождала любую из названных функций реализации языка в речи, особенно – в речи политической.

В современной жизни, в том числе политической, одним из основных инструментов государства является прагматически значимое слово – яркая, выразительная, экспрессивная, а значит – эффективная речь.

Одной из возможностей создания такой речи становится, на наш взгляд, умение политика активизировать своё и чужое чувство юмора через пресуппозицию и установление ассоциативных рядов с целью реализации манипулятивной стратегии («психологического воздействия» на адресата речи для «достижения собственных целей субъекта речи» [Доценко, 1997; С. 59]).

Проблема манипулирования индивидуальным и массовым сознанием, по справедливому замечанию О.Н. Паршиной [Паршина, 2007; С. 63], в последние годы всё больше привлекает внимание психологов и лингвистов [Ермаков, 1995; Доценко, 1997; Московичи, 1998; Цуладзе, 2000; Шейнов, 2000; Панкратов, 2000; Карамурза, 2001; Панасюк, 2002; Грачев, 2002; Мельник, 2002; Седов, 2003; С. 20-27 и др.]. Однако на юмор в речи политика как на коммуникативную тактику манипу-

лятивной стратегии до сих пор внимание не обращалось (см., например, подробное описание манипулятивных тактик у О.Н. Паршиной [Паршина, 2007; С. 68-73], где юмор не назван в качестве коммуникативных приёмов воздействия).

Важно акцентировать внимание на том, что, по мнению К.Ф. Седова, существует два оппозитивных типа манипуляции:

1) продуктивная, которую он считает неизбежной в реальной повседневной коммуникации;

2) конфликтная.

«Цель продуктивной манипуляции – расположить к себе коммуникативного партнёра, используя его слабости, но не вызывая у него синдрома фрустрации» [Седов, 2003; С. 23-24].

Идея статьи такова: *юмор рассматривается нами как одна из коммуникативных тактик продуктивной стратегии манипуляции в политической речи*. Прагматика же юмора состоит в активизации таких функций языка, как коммуникативная, когнитивная, познавательная, эмоционально-экспрессивная, волюнтативная, прагматическая, фатическая, идеологическая, омадательная, номинативная, репрезентативная, конативная, эстетическая, аксиологическая. Юмор, таким образом, есть «шаг к пониманию и ломке стереотипов восприятия». Именно этот шаг становится значимым при создании воздействующей речи. Остановимся на характеристике юмора как «коммуникативной уловке» [Поварнин, 1996].

Политическая власть держится на власти воздействия, на управлении людьми разных политических ориентаций, а управление осуществляется через слово. В политическом взаимодействии собеседники нередко обмениваются шутками, остротами, дабы усилить воздействие или эвфемизировать свою речь. Вызывая улыбку, смех, сообщение несет в себе сигнал, значение которого может повлиять на итог политического дискурса того или иного момента в целом.

Безусловно, смех способен объединять. Он помогает осуществить фатическую

функцию языка — наладить контакт даже между малознакомыми людьми. Юмор в политическом дискурсе способен привлечь внимание к оратору, тем самым повысить его рейтинг. Живое и яркое слово освобождает речь от штампов и вызывает общий интерес публики к представителю политики. Именно поэтому вопросы юмора и стали обращать на себя особое внимание.

В лингвистическом аспекте проблему интерпретационных возможностей языка, в частности, юмора политиков, изучали исследователи Х. Вайнрих [Вайнрих, 1957], Р. Блакар [Блакар, 1987; С. 88-125], Дж. Лакофф и М. Джонсон [Лакофф, Джонсон, 1987; С. 126-172], Д. Болинджер [Болинджер, 1987], Р. Фоулер [Fowler, 1991], Д. Вильсон [Wilson, 1990], в отечественной лингвистике — А.Н. Баранов и П.Б. Паршин [Баранов, Паршин, 1986; С. 100-143], М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова [Китайгородская, Розанова, 1995; С. 93-116] и др.

В.В. Разуваев утверждает, что «у смеховой культуры есть место в структуре политической культуры» [Разуваев, 2002; С. 31]. В его логике смех связан с политикой постольку, поскольку связан со всем, является частью любой сферы деятельности человека. При этом дальше автор отмечает, что «политический смех присутствует во всех областях политики и проникает повсюду» [Разуваев, 2002; С. 50]. Он же говорит, что политический юмор, видимо, возник вместе с появлением политики как таковой, трансформировавшись из бытовой смеховой стихии.

Проблема политического юмора представляется актуальной не только в силу слабой её теоретической разработанности в отечественной литературе, но и ввиду наблюдаемого резкого сокращения самой сферы функционирования политического юмора в Российской Федерации. В современной России юмор политиков является скорее исключением, чем правилом. Возможно, отсутствие склонности к политическому юмору у российских политиков объясняется унаследованным с советских времён представлением, что политика — «вещь слишком серьёзная».

Действительно, в нашей стране право на риторическую стратегию на протяжении 70 лет было узурпировано одной партией. Исследования юмора политиков если и проводились, то «для служебного пользования». Тексты, озвучиваемые с политической трибуны, по определению не должны были обнаруживать образ автора (это был «голос партии», и ответом ему был «глас народа»). По замечанию О.С. Иссерс, политический имидж появился тогда, когда перед аудиторией возникли политические фигуры Михаила Горбачева, Владимира Жириновского, Бориса Ельцина и др. Они отличались не только цветом галстука или покроём костюма, но и манерой общения с аудиторией, наличием (или отсутствием) чувства юмора и мн. др. Экспансия ТВ сделала политическую жизнь театром, а политические выступления — спектаклем [Иссерс 1996: 71-74].

В эти годы на политическую арену выходят политики, которые являются объектом нашего исследования: президент России *Владимир Путин* (время президентства 2000 – 2008 гг.) и председатель правительства Республики Хакасия *Алексей Лебедь* (руководил Хакасией с 1996 по 2008 гг.).

Исследование текстов речей выступлений политиков показало, что они нередко оказывались в схожих ситуациях, при которых очевидна неразрывная связь юмора с политикой, а также возможность использования юмора в качестве политической технологии — коммуникативной тактики манипулятивной стратегии. Сравнительный анализ биографий политиков также показал некоторую схожесть жизненных достижений и очевидное влияние биографических фактов на формирование языковой личности.

Эти политики почти одного возраста: Путин родился в 1952 г., Лебедь — в 1955 г. Оба имеют высшее образование и государственные награды. Уже первые шаги трудовой деятельности сыграли ключевую роль в формировании будущих политических речей и В.В. Путина, и А.И. Лебеда.

Владимир Путин по распределению был направлен в органы государственной

безопасности. Алексей Лебедь начал строить карьеру как боевой офицер. Заметим, оба политика — полковники. Оба — яркие авторитетные личности, несмотря на то, что это политики разных масштабов: один — федерального, другой — регионального. Оба наделены *чувством юмора* и прекрасной памятью, изучают иностранные языки, хорошо знают поэзию и литературу. И Владимир Путин, и Алексей Лебедь — прекрасные ораторы. Причём, на их владение устным словом, безусловно, оказали влияние условия жизни. Путин мастерски владеет умением «завуалировать мысль», Лебедь чаще предпочитает «рубить с плеча».

А.В. Дмитриев говоря о том, что *формы политического юмора* могут быть различными, пришёл к выводу, что в своем высшем, а не банальном выражении политический юмор обычно восходит к общепринятым эстетическим нормам. В противном случае он воспринимался бы как вульгарный жест, как плоская шутка [Дмитриев, 1996; С. 4].

Как видим, у исследуемых политиков есть все предпосылки для того, чтобы рождать качественный политический юмор, используемый в границах общепринятых эстетических норм.

Владимир Путин прошёл хорошую школу спецслужб, а это включает в себя, в первую очередь, профессиональное владение приёмами политического дискурса. «Путин — величайший хамелеон, — пишет Елена Трегубова, автор бестселлера о закулисной жизни Кремля, — всех своих собеседников, а они бывают самые разные, он заставляет поверить, что он — такой же, свой. Это зеркало, в котором они видят самих себя. Иногда он даже имитирует их мимику, гримасы, манеру говорить. Этот талант, который Путин явно развил в КГБ, позволяет ему манипулировать кем угодно...» [Немцов: Персональный сайт].

А.И. Сосланд, изучая манеру речевого поведения Путина, заметил: «...на руку Путину и то, что он из спецслужб. Образ разведчика в данном случае несет с собой определенные преимущества. Он так или иначе связан с некоей тайной властью, с какой-

то потусторонней осведомленностью, причастностью к заветному знанию. Имидж шпиона, безусловно, демонический. Эмоция страха привязана к этому имиджу как ни к какому другому. Шпион — это скрытая проницаемость, грозное, но незаметное всеприсутствие...» [Сосланд, 2009].

Поскольку личность Лебеда сформировалась в годы, когда он был боевым офицером, его юмор попадает под определение — военный. Ему характерны прямолинейность, военная тональность, хлёсткость выражений, конкретика в высказываниях.

Газета «Новые известия» пишет: «Во многом Лебедь сохранил стиль и манеру, свойственные полковнику ВДВ, командиру воинской части» [«Новые известия», 24.08.2006].

Анализ выступлений, интервью, публичных высказываний двух политиков показал, что оба наделены несомненным ярким чувством юмора. «У президента есть своеобразное чувство юмора, которым он пользуется, чтобы понравиться не слишком взыскательным собеседникам» — пишет «Газета. Ру». На пресс-конференции у него спросили, получил ли он «валентинку». Путин признал, что жена «валентинку зажала» [«Газета. Ру» 15.02.2008].

Когда журналистка из Владивостока заявила, что готова завести ребенка, Путин тут же нашелся: «А вы зачем с этим ко мне обращаетесь!».

Юмор становится средством нахождения компромисса между элитами и обществом. Как пишет В.В. Разуваев, юмор может рассматриваться как «великий уравнитель, который либо воплощает мечту о равенстве, либо служит компенсацией за отсрочку её выполнения», при разрядке всё разделяющее отбрасывается, и все чувствуют себя равными [Разуваев, 2002; С. 37].

Об этом же писал академик Д. Лихачёв: «Смех «оглушает», «вскрывает», «разоблачает», «обнажает». Он как бы возвращает миру его изначальную хаотичность. Он отвергает неравенство социальных отношений и отвергает социальные законы, ведущие к этому неравенству, показывает

их несправедливость и случайность» [Лихачев, Панченко, Поньрко, 1984; С. 3].

Чувство юмора, уместное и удачное использование языковых приёмов являются наиболее яркой характеристикой Алексея Лебеда. На одном из заседаний правительства Хакасии шла речь о строительстве интерната для умственно отсталых детей. «Такое обозначение учреждения покорило первого заместителя губернатора Нину Пилпогину. По ее реплике, интернат следовало бы назвать иначе, поскольку статус «умственно отсталого» может здорово осложнить жизнь побывавшего в нем ребенка. С такой постановкой вопроса согласился председатель правительства Алексей Лебедь, заявив: «И вообще, мало ли из нас шизофреников, из здесь сидящих, просто еще не поставлен диагноз! Может, кто-то из них чуть-чуть просветлеет там!» [«Новости Хакасии», 16.08.2007].

Оценить в полной мере чувство юмора главы Хакасии могли члены правительства республики на своих заседаниях: «Лебедь дал понять своим подчиненным, что о заслуженном ежегодном отдыхе думать им еще рано, — отпуск будет только после того, как мы отметим День независимости Соединенных Штатов Америки! — категорично заявил министрам Алексей Иванович. Вы поняли, да? 4 июля, не раньше». Таким оригинальным способом председатель правительства напомнил всем, что за день до национального торжества США Хакасия начинает отмечать 300-летие вхождения нашей территории в Россию. И, независимо от погоды, лето для хакасских министров будет «жарким» [«Шанс», 14.06.2007].

Здесь уместно добавить утверждение Джорджа Оруэлла: «каждая шутка — это крошечная революция [Orwell G: Электронный ресурс].

На пресс-конференции 7 июня 2007 г., комментируя конфликт с федеральным центром, Алексей Лебедь пошутил: «Почему-то некоторые настойчиво хотят от меня избавиться. Ну, избавятся, посадят здесь скучного человека, и вам будет грустно. Вам не о чем будет писать, и все ваши таланты, которые должны развиваться, затух-

нут, и о вас не узнает цивилизованный мир» [«Шанс», 14.06.2007].

Смех — это, в первую очередь, здоровое поведение общества, его здоровая реакция на нечто, это, в конце концов, своеобразный тест на человечность. Уместный и качественный юмор как приём доброкачественной манипуляции политика способен обеспечить единство политика с группой слушателей. Это единство способно преодолеть отчуждение общества и личности от государства и политики. В результате этого создаётся некая смеховая утопия с полным равенством. В условиях отсутствия сколько-нибудь выраженных институтов гражданского общества данная ситуация позволяет восстановить относительную гармонию между властью и так называемыми «широкими массами». Политическая смеховая стихия, как отмечает В.В. Разуваев, не столько искажает мир политических, сколько цементирует его, действуя по вполне ясным и чётким законам последнего [Разуваев, 2002; С. 41].

Как видим, яркое чувство юмора обоих политиков становится для исследователя убедительной и детальной характеристикой личности как В.В. Путина, так и А.И. Лебеда.

Чаще юмор использует народ по отношению к власти, но здесь юмор уже не коммуникативная тактика манипулятивной стратегии, а «ответная реакция» на происходящее.

А.В. Дмитриев вообще называет политический юмор «пятой ветвью власти», потому что он «очищает общество и защищает часть населения от авторитарных поползновений властей» [Дмитриев, 1996]. Эстетический, уместно используемый юмор властей — явление менее распространённое. Если же юмор использует сама власть, она сама, проявляя адекватность, старается защититься, установить контакт, возможно, скрыть (эвфемизировать) свои истинные мысли.

Таким образом, юмор можно рассматривать как коммуникативную тактику продуктивной манипулятивной стратегии в политическом дискурсе, безусловно, вы-

полняет ряд важных функций. Он отражает действительность, способствует снятию напряжения, действует как компенсатор, поднимая человека над ситуацией, ослабляя межличностные и межгрупповые кон-

фликты. Кроме того, юмор обладает ещё одной важной функцией – он способствует ломке стереотипов восприятия, являясь дополнительным шагом к пониманию между оратором и аудиторией.

Литература

1. Баранов А.Н., Паршин П.Б. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой коммуникации. – М., 1986.
2. Блакар Р.М. Язык и моделирование социального взаимодействия // Язык как инструмент социальной власти. – М., 1987.
3. Болинджер Д. Истина – проблема лингвистическая // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987.
4. Вайнрих Х. Язык и моделирование социального взаимодействия // Лингвистика лжи. – М., 1957.
5. Грачёв Г.В., Мельник И.К. Манипуляция личностью: организация, способы информационно-психологического воздействия. – М., 2002.
6. Дмитриев А.В. Социология юмора: очерки. – М., 1996.
7. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е.Л. Доценко. – М., 1997.
8. Седов К.Ф. О манипуляции и актуализации в речевом воздействии // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2. – Саратов: Саратов. ун-та, 2003.
9. Ермаков Ю.А. Манипуляция личностью: смысл, приёмы, последствия. – Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 1995.
10. Иссерс О.С. Что говорят политики, чтобы нравиться своему народу // Вестник Омского университета. – Вып. 1. – Омск, 1996.
11. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М., 2001.
12. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. «Свое» – «Чужое» в коммуникативном пространстве митинга // Русистика сегодня. – М., 1995.
13. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987.
14. Лихачев А.С., Панченко А.М., Поньрко Н.С. Смех в древней Руси. – М., 1984.
15. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс: центр психологии и психотерапии. – М., 1998.
16. Панасюк А.Ю. Как убеждать в своей правоте: современные психологии убеждающего воздействия. – М., 2002.
17. Панкратов В.Н. Манипуляции в общении и их нейтрализация. – М., 2000.
18. Паршина О.Н. Российская политическая речь. Теория и практика. – М., 2007.
19. Поварнин С.И. Спор: о теории и практике спора. – СПб., 1996.
20. Разуваев В.В. Политический смех в современной России. – М., 2002.
21. Цуладзе А. Большая манипулятивная игра. – М., 2000.
22. Шейнов В.П. Искусство убеждать. – М., 2000.
23. Wilson J. Politically speaking: The pragmatic analysis of Political Language. 13 asil Blackwell, 1990.
24. Fowler R. Language in the News: Discourse and Ideology in the Press. London – N.-York, 1991.

Информационные источники

25. Инф. Агентство Волга Информ <http://www.volgainform.ru/images/vilogo.gif>, 01.04.2005.

26. «Газета.RU»: К. Смирнов. Опрос. — 15.02.2008.

27. «Новости Хакасии»: Евгений Шумский «Все мы немножко пизофреники» — 16.08.2007.

28. «Новые известия»: Евгений Зубченко «Интересное время». — 24.08.2006.

29. «Шанс»: Евгений Шумский «Два июня из жизни Хакасии». — № 24 14.06.2007.

Интернет-ресурсы

30. Сосланд А.И. Пси-фактор. Путин: Разгадка секрета / <http://psyfactor>. 2009.

31. Orwell G. Funny, but not Vulgar-http://orwell.ru/library/articles/funny/english/e_funny.

32. Борис Немцов. Персональный сайт [Электронный ресурс]: «Владимир Путин, крестный отец всея Руси» / Венсан Жовер www.inopressa.ru/nouvelobs.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Кобец Е.В., ст. преподаватель, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (ХГУ), помощник депутата Государственной Думы РФ
Тел.: 8-923-591-00-00

E. Kobets, Senior Teacher, Khakas State University named after N.F. Katanov; Assistant of the Deputy of the State Duma of Russian Federation

Научные интересы: изучение современного политического дискурса, исследование коммуникативных стратегий и тактик дискурса, метафоры Алексея Лебеда

Areas of expertise: modern political discourse, communicative strategies and tactics of discourse, metaphors of Aleksey Lebed

УДК 81.001.2

Огдонова Цырена Цыцьковна
Tsyrena Ogdonova

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ КАК НАУЧНЫЙ КОНЦЕПТ И ЯДРО ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНОГО ДИСКУРСА

LANGUAGE SITUATION AS A SCIENTIFIC CONCEPT AND BASIS OF SCIENTIFIC DISCOURSE FORMATION

Представлено научно-методологическое обоснование концепта «языковая ситуация». Данный концепт рассматривается как парадигмально структурируемый макроконцепт-фрейм и ядро формирования научного дискурса языковой ситуации. Выявляются основные когнитивные признаки рассматриваемого концепта

Ключевые слова: научный концепт, научный дискурс, концепт «языковая ситуация», полипарадигмальный подход, языковая ситуация, макроконцепт-фрейм, научный дискурс языковой ситуации

The article represents «language situation» concept scientific-methodological substantiation. This concept is considered as a paradigmally structured macroconcept-frame and the basis of language situation scientific discourse formation. The fundamental characteristics of this concept are discovered

Key words: scientific concept, scientific discourse, «language situation» concept, polyparadigmatic approach, language situation, macroconcept-frame, scientific discourse of language situation

За последние годы проделана огромная работа в области лингвоконцептологии, накоплено немало теоретических штудий и эмпирического опыта. Концепты рассматриваются в культурологическом, лингвистическом, философском и других аспектах, предлагается большое количество их интерпретаций, классификаций и методов исследования. Концепты изучаются на разных уровнях языка: лексическом (Н.Д. Арутюнова, Н.Г. Брагина, А.А. Вежбицкая, В.В. Воркачев, В.В. Воробьев, В.Г. Гак, Н.В. Гришина, В.В. Колесов, Ю.С. Степанов и др.), фразеологическом (В.Т. Малыгин, В.Н. Телия, И.Ю. Третьякова, О.А. Чибисева и др.), синтаксическом (Е.И. Давыдова, В.И. Казарина, З.Д. Попова и др.), текстовом (Н.С. Болотнова, В.А. Маслова, Л.Н. Чурилина, В.М. Шаклеин и др.), на материале паремий (Р.П. Веселова, Л.Б. Савенкова, Н.В. Ушакова, Ф.Ф. Фархутдинова и др.). (Особенно активно исследу-

ются лексические репрезентации концептов. По наблюдениям В.И. Карасика, список проанализированных концептов русской культуры составляет в общей сложности свыше ста [6; С. 126], по наблюдениям В.А. Масловой, — несколько сотен [7]. А отдельные исследователи утверждают, что определение точного круга концептов — задача неразрешимая.)

В результате наблюдается ситуация, когда практически каждый автор под термином «концепт» понимает нечто свое. Объясняется такая ситуация тем, что «концепт — категория мыслительная, ненаблюдаемая, и это дает большой простор для ее толкования» [10; С. 29]. Иными словами, употребляя термин «концепт», разные авторы, в зависимости от того, какую область знания они представляют, на каких методологических позициях стоят и какие цели преследуют, вкладывают в данный термин часто весьма разные смыслы.

Мы исходим из понимания концепта как сложной многомерной мыслительной единицы, представляющей собой «квант структурированного знания» [9] и являющейся вербализованным результатом окультуривания мира. В концептах концентрируется и кристаллизуется весь языковой и когнитивный опыт человека. Соответственно этому, типы концептов весьма разнообразны и по содержанию, и по структуре (одновременно подчеркивая удивительное многообразие концептов и размытость их определений, Ю.Е. Прохоров метко замечает: «Концептосфера может быть и у языка, и у отдельной лексемы; она может быть связана с отдельным жанром, с отдельным аспектом человеческого бытия и с отдельным наименованием некоторого социального статуса; концепт может быть представлен в языковом сознании и в языковой картине мира. В художественной картине мира и в отдельном литературном жанре; концептом может быть и понятие, и некоторая каузальность, и некоторая эмоция, и т.д. Среди концептов есть еще и константы, а сам он может состоять из лингвокультурем... И все это вместе может помещаться куда-то в район ментальности...» [11; С. 9]). Между концептами разных типов не существует резко очерченных границ. Они обладают относительной подвижностью, способны «стираться» со временем и формироваться заново.

Очевидно, что тип концепта определяется «строительным материалом», запрограммирован им. И если таковым является язык науки, то концепт может выступать в качестве единицы научного дискурса (дискурс — «произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения. Часто, но не всегда, *концентрируется вокруг некоторого опорного концепта: создает общий контекст*, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т.п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который «строится» по ходу развертывания дис-

курса...» [5; С. 7] (выделено нами — О.Ц.). Для нас в этом определении важна мысль о концепте как ядре дискурса.), формируемого в рамках той или иной парадигмы исследования. Научные концепты как «сгустки» понятийно-когнитивной информации, представляющей базовый, системообразующий элемент (фрагмент) соответствующего научного знания, выступают основой или ядром формирования и функционирования целостной структуры научного дискурса. Природа такого дискурса является эпистемической, связанной с научно-познавательной деятельностью. Научный дискурс представляет «когнитивно-событийное пространство речемышления ученого, идеальное смысловое поле, изменяющееся во времени и пространстве» [12; С. 133]. А. А. Абдулфанова, характеризуя научный дискурс как конкретное явление сущностных свойств научного текста, подчеркивает, что вариативность научного дискурса выражается в исследовательской парадигме, которую составляют:

- 1) способ научного видения проблемы;
- 2) характер лингвистических знаний;
- 3) особенности ментального пространства, времени и дискурса;
- 4) специфика метаязыка [1; С. 124].

Главная функция научных концептов — репрезентация максимально релевантных для науки или научной парадигмы смыслов, ассоциаций, знаний, опыта, научных понятий. «Выделение концептов является решающим для создания терминологической базы в любой области знания. Они распределяют все другие языковые единицы по соответствующим категориям и классам, служат фильтрами для всех обсуждаемых в конкретной науке объектов, состояний и связей, и потому необходимы для ее поступательного развития. Они также определяют границы поля данной науки, выделяют его составные части и ориентиры, по которым изучаются объекты и явления, в эти части включенные» [13; С. 144]. В этом смысле *научный концепт* можно квалифицировать как предельно конденсированное, многомерное и интегративное формообразование, относящееся к той или иной пара-

дигме научного знания и опирающееся на понятийный базис, закрепленный в значении соответствующего научного термина.

В настоящей работе рассматривается научный концепт «языковая ситуация». Базовыми в интерпретации данного концепта являются следующие положения:

1) термин «концепт» является «зонтиковым», он «покрывает» предметные области нескольких научных направлений [4; С. 20];

2) концепт – это единица, призванная связать воедино научные изыскания в области культуры, сознания и языка...» [14; С. 7].

Языковая ситуация (далее ЯС) имеет сложную дефиницию, по-разному определяемую отечественными и зарубежными лингвистами. Можно ограничиться узкими рамками традиционного определения ЯС как совокупности языков, подязыков и функциональных стилей или же включить в контекст ЯС ряд релевантных экстралингвистических факторов, что позволит лучше понять и объяснить те или иные изменения в ЯС, а также представить те или иные языковые явления на «фоне» ЯС. Отсюда изучение ЯС должно учитывать комплекс экстралингвистических параметров. В связи с этим все большую актуальность приобретает более широкое понимание языковой ситуации как совокупности «социолингвистических, этно- / лингвокультурологических и лингвистических компонентов, образующих некий континуум» [3; С. 5, 2; С. 37].

Широкий подход к изучению ЯС объясняется особенностями развития современной лингвистики, а именно – ее парадигмальностью. Научные парадигмы не существуют изолированно, а взаимодействуют и взаимопроникают. Результатом такого симбиоза явился так называемый полипарадигмальный подход (полипарадигмальный подход к языковым явлениям – «это своего рода интеграция результатов и достижений всей лингвистики ... При этом анализ объекта идет одновременно по разным парадигмам лингвистического знания, сочетаются и комбинируются различные методы исследования» [7; С. 7].

Преимущество данного подхода состоит в его возможностях создания более полного представления об объекте в его целостности), который, на наш взгляд, целесообразно использовать для анализа культурно-языковой жизни общества в рамках единой региональной лингвоэкологии.

Любая языковая ситуация определяется комбинацией социальных, политических, языковых, культурных, религиозных, экономических, административных параметров. В связи с этим классификативные признаки концепта «языковая ситуация» могут интерпретироваться в рамках нескольких научных парадигм, в частности, социолингвистической, лингвокультурологической и когнитивной, с привлечением, в зависимости от задач исследования, элементов концептуальных схем других парадигм. Соответственно, в результате интерпретации данного концепта формируются социолингвистический и лингвокультурологический дискурсы ЯС, создавая в совокупности содержание единой интегративной концепции. При этом когнитивная парадигма обеспечивает метаязыковую базу исследования, т.к. сопряжение нескольких парадигм в рамках единой концепции возможно только благодаря «объяснительному» инструментарию когнитивной лингвистики.

В целом научный дискурс ЯС на основе парадигмального подхода можно представить в следующем виде: когнитивно-понятийная система (концепции и термины) + методологическая база (проблематика и методы) + интерпретации + иллюстративный материал. Создаваемые при этом фрагменты текста входят в научный дискурс объекта исследования. Важно отметить, что само понятие «научный дискурс языковой ситуации» относится к разряду базовых в теории языка. Специфика его заключается в том, что он создается на основе анализа множества региональных языковых ситуаций. Следовательно, все многообразие ЯС входит в концептуальное поле научного дискурса. Предполагаем, что он представляет собой жестко неструктурированное образование и устроен по ядерно-перифе-

рийному типу, т.е. выделяются инвариантная и вариативная части характеристик ЯС, представляющих региональное своеобразие существования культурно-языковых обществ. Сформированный таким образом научный дискурс и составляет содержание интегративной концепции ЯС.

Научный дискурс как когнитивно-событийное пространство прежде всего составляет совокупность дискурсивных событий (идей, теорий, концепций и др.). Поскольку языковая ситуация выступает одним из главных объектов социолингвистики, инвариантная часть научного дискурса ЯС является по преимуществу социолингвистической и репрезентирует, соответственно, социолингвистическую парадигму (социолингвистическая парадигма – парадигма лингвистических исследований, проводимых «на стыке языкознания, социологии, социальной психологии и этнографии» в рамках антропоцентрической суперпарадигмы, и связанных с «социальной природой языка, его общественными функциями, механизмом воздействия социальных факторов на язык и той ролью, которую играет язык в жизни общества» [16; С. 481]) научных исследований. Так, в интерпретации концепта «языковая ситуация» базовыми являются дискурсивные события, отражающие развитие научных представлений о феномене языковой ситуации и попытки установления ее сущностных структурно-содержательных свойств. Это теоретико-методологические разработки В. А. Аврорина, А.И. Домашнева, Ч. Фергюсона, Б. Тошовича, Дж. Гамперца, Р. Белла, У. Лабова, А. Едлички, В.М. Жирмунского, Ю.Д. Дешериева, А.Д. Швейцера, М.И. Исаева, Ф.П. Филина, Л.Б. Никольского, А.Н. Баскакова, В.А. Виноградова, Э.Г. Туманян, В.Ю. Михальченко, В.М. Солнцева, Г.П. Нецименко, Н.Б. Мечковской, Л.Л. Аюповой и др.

Осмысливая приводимые учеными дефиниции понятия «языковая ситуация» и опираясь на разрабатываемый нами полипарадигмальный подход к изучению данного феномена, мы определяем языковую ситуацию как социокультурно и комму-

никативно обусловленную совокупность языковых образований, зависящих от экстралингвистических факторов и функционирующих в границах социальной среды или регионального пространства. В зависимости от объекта и аспекта изучения описание ЯС может быть организовано по различным векторам, задающим определенное концептуальное поле исследования.

Впервые научное понимание ЯС как сложного концепта и представление концептуального поля ЯС были предложены В.Ю. Михальченко (1995). По мнению автора, концепт «языковая ситуация» включает ряд компонентов: языковую общность, языковую традицию, языковую компетенцию, речевую практику (синхронную), ценностные ориентации, юридический статус языка и функциональный статус языка [8; С. 194]. Л.Л. Аюпова считает необходимым включение в данное концептуальное поле еще одного компонента – «витальности языка», т.к. это «важно и принципиально при определении тех языковых ситуаций, которые касаются изучения функционирования малочисленных языков или языков, использующих ощутимые ассимиляционные процессы...» [2; С. 34].

В нашей интерпретации концепт «языковая ситуация» как многомерная концептуальная система представляет собой макроконцепт-фрейм. Понятие «фрейма», на наш взгляд, приемлемо для организации и репрезентации знаний в концепте, вербализуемом термином. Фрейм в данном случае понимается как объемный, многокомпонентный концепт, представляющий собой совокупность единиц, организованных вокруг некоторого опорного терминопонятия. Таким образом, рассматриваемый концепт представляет собой «знание, структурированное во фрейм, а это значит, что он отражает не просто существенные признаки объекта, а все те, которые в данном языковом коллективе заполняются знанием о сущности» [15; С. 96]. В противоположность простому набору ассоциаций эти признаки содержат основную и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с базовым понятием, и

удерживаются вместе логической связью. Данный концепт структурируется парадигмально, т.е. в зависимости от парадигмы/парадигм исследования. Каждая парадигма при этом манифестирует определенный фрейм данного макроконцепта, слоты или блоки которого заполняются содержанием «подчиненных» концептов.

Макроконцепт «языковая ситуация» включает в себя следующий набор концептов: этноязыковая ситуация, коммуникативная ситуация, лингвокультурная ситу-

ация, лингвокультурное пространство. Это концепты первого уровня, каждый из них при дальнейшей смысловой детализации распадается на концепты второго уровня. Например, концепт «этноязыковая ситуация» актуализируется в концептах: «этническая ситуация» и «языковое разнообразие», «демографическая мощность языка» и «этнодемографическая мощность языка», «язык мажоритарного этноса», «язык миноритарного этноса», «эстимационная характеристика этноса» (см. схему).

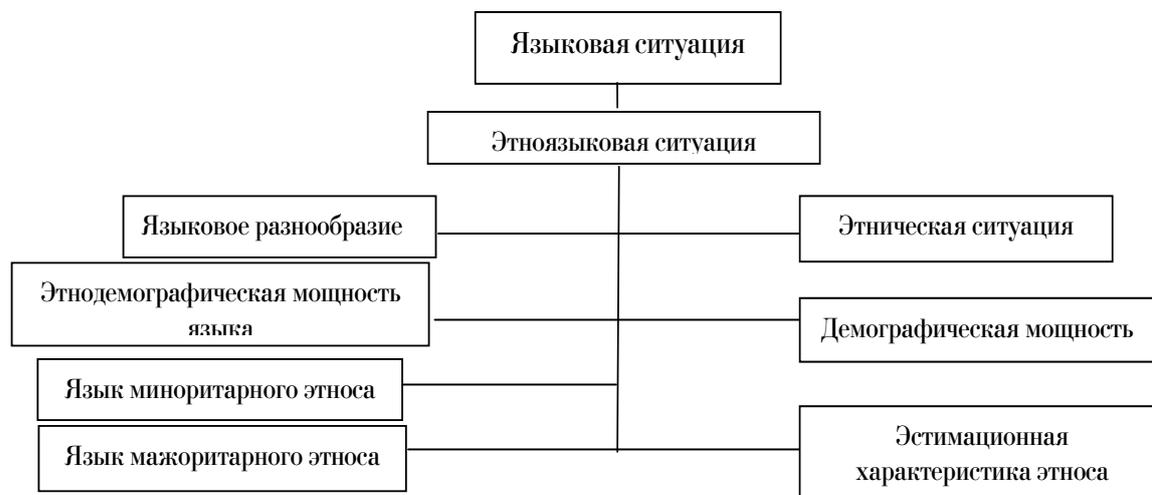

Схема фрагмента научного концепта «языковая ситуация»

На основе анализа научного дискурса ЯС мы определили основные когнитивные признаки концепта «языковая ситуация»:

- 1) количественно-квалификационные признаки ЯС зависят от унILINGвальной или полиLINGвальной конкретной ЯС;
- 2) характер и конфигурация компонентного состава ЯС, а также экстралингвистических факторов, влияющих на данную ЯС, «диктуют» набор «подчиненных» концептов в пределах концептосистемы языковой ситуации;
- 3) концепт «языковая ситуация» многомерен и моделируется через интерпретацию в координатах социолINGвистической и лингвокультурологической парадигм;
- 4) данный макроконцепт имеет ие-

рархическую структуру, в которой по актуальности для концептуализации денотата концепта выделяются базовые социолINGвистические концепты;

- 5) социолINGвистические и лингвокультурологические репрезентанты данного концепта не рядоположны, но взаимообусловлены и представляют разные аспекты существования и развития языков и культур в пределах социальной среды или регионального пространства.

Таким образом, интегративная концепция языковой ситуации представляет собой научный дискурс, формируемый посредством анализа научного концепта «языковая ситуация» на основе полипарадигмального подхода.

Литература

1. Абдулфанова А.А. Научный дискурс о тексте // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональные аспекты исследования: сб. науч. тр. / под ред. Л.А. Манерко. – Рязань, 2002. – С. 119-124.
2. Аюпова Л.Л. Языковая ситуация в Республике Башкортостан: социолингвистический аспект: дис. ...д-ра филол. наук. – Уфа, 1998. – 336 с.
3. Баскаков А.Н. Социолингвистические проблемы тюркских языков в Российской Федерации // Социолингвистические проблемы в разных регионах мира. – М.: Наука, 1996. – С. 5-7.
4. Воркачев С.Г. Концепт как «зонтиковый» термин // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24. – М., 2003. – С. 5-12.
5. Демьянков В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Вып. 2: Методы анализа текста; Всесоюзный центр переводов ГКНТ и АН СССР. Тетради новых терминов, 39. – М.: ВЦП, 1982. – 288 с.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2004. – 417 с.
7. Маслова В.А. Современные направления в лингвистике: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2008. – 272 с.
8. Михальченко В.Ю. О принципах создания словаря социолингвистических терминов: к постановке проблемы // Методы социолингвистических исследований. – М., 1995. – С. 191-204.
9. Попова З.Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж, 1999.
10. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.
11. Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 176 с.
12. Ракитина С.В. Научный текст: когнитивно-дискурсивные аспекты: монография. – Волгоград: Перемена, 2006. – 278 с.
13. Соломоник А. Семиотика и лингвистика. – М.: Мол. гвардия, 1995. – 352 с.
14. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
15. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
16. БЭС: Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

Коротко об авторе**Briefly about the author**

Оздонова Ц.Ц., канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, методики и общего языкознания, Восточно-Сибирская академия образования (Иркутский государственный педагогический университет)
irk-tsyrena@mail.ru

T. Ogdonova, Ph.D. (Philology), Assistant Professor, Department of Russian Language, Methodics and General Linguistics, Eastern-Siberian State Academy of Education (Irkutsk State Teachers' Training University)

Научные интересы: социолингвистика, лингвокультурология, этнолингвистика, проблемы языковой ситуации

Areas of expertise: sociolinguistics, linguistic cultural studies, ethnolinguistics, problems of language situation

Педагогические науки

УДК 378.14

Пиралова Ольга Федоровна
Olga Piralova

ГУМАНИТАРНЫЙ АСПЕКТ ОПТИМИЗАЦИИ ИНЖЕНЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

HUMANITARIAN ASPECT OF THE OPTIMIZATION OF THE INSTRUCTION OF ENGINEERING PERSONNEL

Показаны гуманитарные составляющие, позволяющие подготовить профессиональных инженерно-технических работников в условиях оптимизации образовательных процессов

Ключевые слова: гуманитаризация, оптимизация обучения инженерных кадров, диалогическая составляющая, деонтология

In the article humanitarian components, which make it possible to train professional engineering and technical personnel under the conditions of the optimization of educational processes, are shown

Key words: Humanitarization, optimization of the instruction of engineering personnel, dialogue component, deontology

---

Многие талантливые советские инженеры различных направлений были выходцами традиционной образовательной парадигмы высших технических школ. При этом целью обучения являлась возможность «снабдить будущего работника комплексом знаний и умений, который позволит ему в дальнейшем создавать «механическое благо» для общества» [4]. Однако еще при создании первых инженерных конструкций, задолго до развития научно-технического прогресса и развития научно-технических революций в различных странах мира, целью инженеров было создание чего-либо, что могло бы помочь в решении вопросов, которые до определенного момента не рассматривались. Решений не было, потому что не существовало знания и опыта, связанных с такими задачами. Иногда человечество просто не осознавало, что необходимо упростить (усложнить) какую-то существующую конструкцию для увеличения, например, скорости движения. Таким образом, все инженерное искусство,

включая механизацию, автоматизацию, создание новых, а также модернизацию существующих технологий и другие виды деятельности, основанные на фундаментальных знаниях, должно быть в первую очередь направлено «на благо социального общества, а также каждого представителя этого общества в отдельности» [4].

Современные инженеры, как правило, за основные задачи принимают промышленно-производственную эффективность разрабатываемой ими технологии или конструкции и ее экономическую эффективность (т.е. возможность быстрой окупаемости, изготовления массовых партий изделий, заинтересованности инвесторов и т.д.), поэтому при современном обучении инженерных работников особое внимание отводится их технико-технологической и экономической подготовке. Однако современные промышленные тенденции показывают, что «сейчас уже недостаточно быть просто профессионалом в своей предметной сфере» [8]. Существующая социальная

и техническая реальность требует специалиста, разбирающегося как в своей профессиональной деятельности, так и в сфере, которая, казалось бы, и не связана с его «профессиональным бытием». Это связано с тем, что «техника составила целую среду обитания, внутри которой человек живет, чувствует, мыслит, изобретает... Все глубокие впечатления, получаемые им, приходят к нему от техники» [11]. Сегодня любое инженерно-техническое решение вторгается в социальное бытие человека – трансформирует его, создает и навязывает новые материальные потребности, устанавливает новые стандарты качества жизни. При этом происходит изменение мышления, образа жизни, окружающей реальности. Эти «вторжения» многообразны, трудно предсказуемы, а в некоторых случаях даже фатальны для человека [7, 9].

Оценивая данную ситуацию развития и внедрения новых технологий, а также модернизации существующей техники с учетом запроса времени, следует заметить, что именно оптимизация обучения профессиональным дисциплинам призвана сформировать у инженерных работников не только квалификационные знания и навыки, но и профессионально-личностные характеристики. Для формирования и развития последних используется так называемая гуманитарная составляющая инженерного образования.

Однако следует отметить, что в последнее время наблюдаются острые столкновения в вопросе гармонизации гуманитаризации и профессионализации инженерного образования, их сбалансированном соотношении в рамках учебного процесса. Без качественной профессионализации не может быть сформирован специалист, как профессионал в своем деле. Без гуманитаризации не может быть сформирована личность. Профессия должна помогать человеку функционально включаться в социум, в разветвленную систему общественной деятельности при использовании его навыков и умений. Однако помимо функциональной адаптации к социуму через профессию «человек должен вписываться в пространство

культуры, освоить ее смыслы и ценности» [1]. При этом должны формироваться духовность, мировоззрение человека, понимание его места в обществе. Вне этой духовности может получиться ущемленный человек, функционер в заданной системе общественного разделения труда «ученого винтика в гигантской машине» [1].

Профессия обретает «человеческий» смысл для личности лишь тогда, когда за ней обнаруживается нечто более высокое и самоценное, а именно обретение своей индивидуальности в многогранном и противоречивом мире культуры, своего неповторимого человеческого лица. Это не является какой-то внешней физиогномикой, автоматически формируемой стереотипами массового сознания. Массовое сознание может сформировать лишь «человека в массу» либо «среднего человека», лишенного внутренних духовных опор. Свободное самоопределение предполагает осознанный выбор. Помочь в этом выборе может продуманная гуманитаризация инженерного образования.

Ценностно-смысловой характеристикой гуманитаризации инженерного образования является обеспечение гармоничного единства естественно-научной и гуманитарной культуры познания и деятельности, единства, основанного на взаимопонимании и диалоге. При этом следует помнить, что инженер – это социотехническая профессия, поскольку 50 % его работы связано с техникой, а 50 % обращено на взаимодействие с людьми.

Осуществление различных видов инженерной деятельности невозможно без ценностно-смыслового общения, основанного на диалогическом осознании. Субъективация инженерных ценностей происходит в ходе изобретательской, проектной, презентационной и др. видов деятельности – это показатель профессионально-личностного развития инженерного работника и один из показателей диалогичности общения инженеров в профессиональной среде, а также общения с заказчиками и потребителями. Кроме того, диалог важен при обучении инженерных кадров, поскольку становле-

ние диалоговой составляющей происходит именно на уровне обучения (начального, профессионального, специального и т. д.). Поэтому приоритетным качеством гуманитарной составляющей педагогических систем, связанных с образованием инженерных кадров, является не только целесообразность использования гуманитарных аспектов оптимальных алгоритмов обучения, но также и ценностнообразность данных аспектов для определенной категории работников. В данном случае перевод гуманитарного знания в гуманитарное сознание предполагает становление ценностного сознания личности. При этом определяющим в педагогическом диалоге является понятие инженерных ценностей. При обучении инженеров диалог — это форма освоения сознанием действительности, связанная с раскрытием ее смыслового содержания в процессе оценочной деятельности.

Диалогический подход при обучении инженеров осуществляется не просто в системе «субъект-субъектных» отношений. Поскольку инженерная деятельность связана с разработкой техники и технологий различных направленностей, то диалог должен осуществляться в более сложной системе «субъект-объект-субъектных» отношений. Это связано с тем, что техника и технологии создаются для потребителей теми же потенциальными потребителями. Однако исключать систему «субъект-субъектных» отношений нельзя, поскольку обучение инженеров ведется именно на уровне диалога, с применением (иллюстрированием) механизмов и технологий. Поэтому субъекты должны пониматься как активные личности, которые являются творцами собственного образования, собственной жизни, способными формировать высоконравственные качества и на их основе строить такие личностные взаимоотношения с окружающими, которые бы способствовали ее творческому росту, расширению степеней свободы и пространства саморазвития. При этом ответственность, инициативность, самовыражение, творчество, устойчивость познавательного интереса по существу раскрывают субъективную позицию учас-

тников взаимодействия и выступают определяющим моментом в содержательной сущности и системообразующим свойством инженерно-педагогического диалога.

По мнению О. А. Мацкайловой, «гуманитарная стратегия усматривает самоцель в искреннем диалоге с Другими и требует от человека не только самореализации, но и выбора ценностей, основанных на выявлении собственной идентичности, встречах с другими» [6]. Кроме того, в условиях диалога необходимо различать понятия свободы выбора и свободного выбора. Свобода выбора — это свидетельство возможности участников диалога в рамках определенных условий самостоятельно выбирать ту или иную нравственную позицию. Свободный выбор — это категория более высокого уровня развития, когда осуществление выбора связано и согласуется с требованиями «следования высоким нравственным ценностям» [2]. При этом между абстрактными, не имеющими временных изменений «вечными ценностями» и конкретной поведением людей в разных ситуациях находится слой «ценностных отношений». Нравственный выбор осуществляется не из наличия разновеликих альтернатив, а чаще из создания новых смысловых отношений, радикально преобразующих ситуацию в целом. Остановившись на этом, можно сделать вывод о том, что при оптимизации обучения инженеров профессиональным дисциплинам, а также созданию оптимальной модели выпускника, в гуманитарной составляющей также реализуется сравнительно-оценочная функция, позволяющая при альтернативном выборе в процессе диалога создать новые качественно-нравственные составляющие специалиста. Для личности, участвующей в диалоге, одним из главных является критерий нравственной приемлемости, так называемый «нравственный порог», по которому она либо отвергает складывающуюся ситуацию, либо включается в нее, пока ее внутреннее содержание, видоизменяясь, не становится ценностно-приемлемым и разрешенным. Важными являются те нравственные усилия, которые совершаются в ходе анализа проблемных

ситуаций участниками диалога, и их достижение — т.е. построение новых ценностных отношений. Тогда диалогические отношения в инженерно-педагогической ситуации становятся «элементом гуманитарного опыта личности, направленностью на открытое, эмпатическое, вопросно-ответное, ценностно-смысловое, сознательное и конструктивное взаимодействие с объектами познания» [10].

Чтобы будущий специалист инженерной направленности мог стать профессиональной личностью, у него следует формировать осознанность необходимости продуктивной преобразующей профессиональной деятельности. Подлинно профессиональными знания инженеров становятся, когда он осмысливает действительность не только на уровне бытийных представлений, но и в исследовательских (изобретательских), научно-технических, а также научно-педагогических категориях. Формирование такого сознания является одной из важнейших задач профессиональной деонтологии. В настоящее время при обучении инженерных специалистов соответствующих направлений и ступеней кроме основополагающих научно-технических разделов следует изучать и основы научно-педагогических понятий и категорий. Данный вопрос связан с тем фактом, что 10...15 % выпускников технических вузов поступают в магистратуру (а впоследствии и в аспирантуру). Успешно заканчивая данную ступень обучения (и получая научную степень), имеют право преподавания общепрофессиональных, профессиональных (специальных) дисциплин. Поэтому кроме инженерно-технических, научно-исследовательских знаний им также необходимо овладеть и педагогическими (а иногда и научно-педагогическими).

Специфика деятельности инженеров, по аналогии с деятельностью врача, предполагает некий свод правил, запретов или ограничений. Причем эти правила должны касаться таких сторон деятельности инженеров, как социально-психологическая, морально-этическая, экологическая, эстетическая.

Отображение нормативных требований, профессиональных норм в сознании позволит инженеру полнее и адекватнее воспринимать окружающую действительность, ориентироваться в ней, вырабатывать стратегию, тактику, планы и цели обновленной профессиональной деятельности, а также сознательно регулировать свое поведение. Кроме того, эти правила и нормы являются условием, продуктом и средством познания действительности инженера. С их помощью инженер должен выработать отношение к себе как профессионалу, к другим участникам инженерно-технического процесса либо инженерно-педагогического процесса (процессов изготовления, модернизации, изобретения и др.).

Нормы профессионального поведения инженера должны быть всегда конкретизированы. Они вырабатываются самими людьми в соответствии с условиями и требованиями реальной жизни и деятельности в соответствии со своими представлениями о должном, допустимом, возможном, ценном, желательном, отвергаемом, порицаемом. Предписанный характер профессиональных норм не означает пассивного усвоения их специалистами. Воспроизводя и преобразуя нормативно-заданную деятельность, инженер может сформировать свое «профессиональное кредо» и заявить о себе как об индивидууме.

Настоящий период жизни современного общества, характеризующийся профессиональными социально-экономическими и политическими преобразованиями, делает особенно актуальным вопрос о разработке четких ориентиров и принципов профессионального поведения инженерных работников. В настоящее время требуется переконструировать их систему ценностей, переориентировать на развитие творческих качеств личности, как субъекта жизни — показатель социального прогресса. Это важнейшая характеристика нового качества жизни, ее цивилизованности.

Любой профессионал должен оцениваться не только по знаниям, умениям и навыкам, которыми он владеет, но еще и потому, какие роли он выбирает, как строит

свои отношения с коллегами, начальниками и подчиненными и т.д. При этом субъект рассматривается как носитель предметно-практической деятельности и познания, это «активный делатель», источник осознанной, целенаправленной активности. Понимание субъекта в современных науках о человеке (в том числе и инженерной/инженерно-педагогической деонтологии) связывается с тем, что он (субъект) должен обладать активностью, самостоятельностью, способностью к осуществлению специфических форм жизнедеятельности, так называемой предметно-практической деятельности.

В этом случае появляется категория «субъект деятельности» [2]. Данная категория как нельзя лучше подходит к учащимся и выпускникам инженерно-технических вузов. Поскольку инженер по определению – это создатель, творец чего-либо. Человек, который изобретает что-либо для улучшения жизни (материальной, социальной и т. д.). «Возрастание роли личности как субъекта жизни – это показатель социального прогресса, важнейшая характеристика нового качества жизни, ее цивилизованности» [1].

Настоящий период жизни человеческого общества в целом характеризуется социально-экономическими преобразованиями. Это делает особенно актуальным вопрос о необходимости разработки четких ориентиров и принципов профессионального поведения инженеров. Со всей определенностью обозначилась проблема продуктивности жизни каждого человека, повышения ее социальной ценности и самооценки. Следовательно, при современном профессиональном обучении инженеров вузам необходимо переориентироваться на

продуктивный тип учения, напрямую (или косвенно) связанный с производством. Это требует совершенствования системы ценностей производственных, педагогических, научных ценностей, а также переориентации на развитие творческих качеств личностей.

Чтобы соответствовать социальным ожиданиям, инженерам, а также инженерно-педагогическим кадрам, необходимо постоянно формировать объектные и субъектные эталоны профессионального поведения, которые базируются на совокупности профессиональных требований. По мнению К.М. Левитана, профессиональными нормами являются исторически сложившиеся или установленные стандарты профессионального поведения и деятельности [5]. В сфере профессионального поведения работники инженерной индустрии должны выполнять установленные формы, формализованные и закреплённые в различных нормообразующих документах (законах, уставах, положениях, инструкциях, правилах и т. д.). Однако не менее важно знать и выполнять нормы, сохраняющиеся в социокультурной среде в виде обычаев, представлений и традиций, т. е. в сфере неформализованных отношений. При этом сущность обычая заключается в признании людьми определенных требований за норму и воспрепятствованию всякому ее нарушению. Любые существующие производственные нормы подразделяются на нормы-рамки (которые жестко регламентируют поведение специалистов в настоящем), а также нормы-идеалы (нормы проектного характера, которые позволяют создать проект наиболее оптимальных моделей профессионального поведения).

Литература

1. Борытко Н.М. В пространстве воспитательной деятельности: монография / Науч. ред. Н.К. Сергеев. – Волгоград: Перемена, 2001.
2. Борытко Н.М., Моложавенко А.В., Соловцова И.А. Методология психолого-педагогических исследований: учебник для магистрантов и студ. пед. вузов / под ред. Н.М. Борытко. – М.: Академия, 2007.
3. Бочкарева О.В. Аксиологическая направленность дидактического диалога // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2008. – № 4 (28).

4. Крупская Н.К. Педагогические сочинения. – М.: Высшая школа, 1959.
5. Левитан К.М. Основы педагогической деонтологии. – М.: Наука, 1994. – С. 8.
6. Мацкайлова О.А. Тупиковые варианты и перспективы гуманитаризации учебного процесса в системе среднего профессионального образования // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2008. – № 6.
7. Петрунева Р.М. Социоинженерные задачи // Высшее образование в России. – 2003. – № 3.
8. Петрунева Р.М. Модель специалиста-инженера: от деятельности к компетентности: монография / Р.М. Петрунева. – Волгоград: Политехник, 2007.
9. Савицкий И. Философия образования для XXI века: кризис образования, необходимость принципиально новых воззрений // Современная школа. – 1990. – № 1.
10. Степанчук О.А. Диалогические отношения как главный структурообразующий элемент гуманитарного образования // Известия волгоградского государственного педагогического университета. – 2008. – № 1(25). – С. 20-23
11. Эллюль Ж. Другая революция // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Пресс, 1986.

Коротко об авторе _____ **Briefly about the author**

Пиралова О.Ф., канд. техн. наук, доцент каф. «Начертательная геометрия и инженерная графика»
Служ. тел.: 8 (3812) 31-06-77

O. Piralova, Candidate of Engineering, Senior Lecturer, Associate Professor, Department of Descriptive Geometry and Engineering Graphics

Научные интересы: оптимизация профессионального обучения в инженерно-технических вузах

Areas of expertise: optimization of professional training in technical institutes

---

УДК 371

Северов Валерий Геннадьевич
Valery Severov

Баракова Ирина Сергеевна
Irina Barakova

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩЕГО ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОГО СПЕЦИАЛИСТА МАЛОГО БИЗНЕСА

FORMATION OF SOCIAL AND CULTURAL COMPETENCE OF FUTURE PRACTICE- FOCUSED SMALL BUSINESS EXPERT

Описывается формирование социокультурной компетентности, как основополагающей способности человека развиваться, реализовывать себя в социокультурном пространстве, формируя внутренний стержень, объединяя в единое целое духовно-нравственное, интеллектуальное, практическое обучение и воспитание, опирающееся на исторический социокультурный опыт общества

Ключевые слова: социокультурная компетентность, социокультурное пространство, профессионализм, практико-ориентированный специалист малого бизнеса, истоки, структура

This article describes the formation of social and cultural competence as basic ability of the person to develop, actualize in social and cultural space, by forming an internal core, uniting spiritual, moral, intellectual, practical training and education basing on historical social and cultural experience of a society

Key words: social and cultural competence, social and cultural space, the professionalism, the practice-focused expert of small business, sources, structure

---

В условиях современного процесса мировой интеграции выдвигаются новые требования к человеческой личности, главным достоянием которой должна являться общечеловеческая культура и общечеловеческие ценности личности, способной и желающей совершенствоваться в своей деятельности. Это связано непосредственно с проблемой взаимопонимания людей, поиска путей осуществления прогресса как мирового сообщества, так и внутригосударственного.

Педагогическая наука не единожды подчеркивала необходимость тесной связи в обучении с потребностями практики, науки и техники с культурой, духовностью и нравственностью. Ряд исследований, пос-

вященных гуманитарной направленности профессиональной подготовки кадров, во многом изменили данную ситуацию. Вместе с тем, при всей неоспоримости этого в реальной практике продолжает иметь место недостаточность связей обучения предметов с духовной культурой общества. По нашему мнению, для многоаспектного развития личности любого будущего специалиста необходимо формирование его социокультурной компетентности.

Формирование социокультурной компетентности будущего практико-ориентированного специалиста для малого бизнеса представляется многоаспектной проблемой, имеющей актуальное социальное и научное значение. Противоречие между требова-

ниями современного общества к разносторонне развитой личности и недостаточно разработанной системой профессиональной подготовки такой личности в образовательном процессе определяет актуальность обращения к проблеме формирования социокультурной компетентности будущего специалиста.

Социокультурная компетентность будущего практико-ориентированного специалиста малого бизнеса имеет достаточно широкий диапазон. Большое значение данной компетентности уделяют ученые-лингвисты. Ими написано достаточно большое количество работ разного уровня.

Н.М. Андронкина отмечает, что профессиональное владение языком невозможно без социокультурного аспекта, т.к. любой язык изучается в контексте определенных культур, национального менталитета, специфически национальной картины мира, что и обеспечивает эффективность межкультурного общения.

В.П. Фурманова рассматривает концепт социокультурного образования в теории и практике межкультурной коммуникации, определяя задачи обучать иностранному языку не только как средству общения, но и формировать «культурно – языковую личность».

На основании исследования И.В. Султановой можно утверждать, что наполнение содержания языкового курса социокультурным компонентом может служить средством мотивации иноязычной речевой деятельности общающихся и развития социокультурных образовательных потребностей студентов.

В работах М. Байрама, А.А. Бердичевского, М. Бернса, Я. Ван Эка социокультурная компетенция понимается как комплекс знаний, умений и навыков о ценностях, языке, традициях, достижениях культуры, овладение которыми во многом определяет успешность общения с представителями иноязычной культуры, позволяя чувствовать себя уверенно и комфортно в иноязычной среде.

По их мнению, социокультурная компетенция составляет важную часть профес-

сиональной подготовки, а формирование данной компетенции является значимой для исследований в области иноязычного образования.

В то же время С.В. Санникова отмечает, что, несмотря на существенный интерес ученых и значительность полученных результатов, проблема формирования социокультурной компетенции будущих педагогов остается недостаточно разработанной.

Основные причины следующие:

– отсутствие в существующих исследованиях понимания значимости социокультурной компетенции будущих педагогов как феномена, обладающего мощным потенциалом в решении проблемы повышения качества подготовки будущих специалистов;

– недостаточная разработанность теоретических и практических основ процесса формирования социокультурной компетенции будущих педагогов, отражающих его сущность и возможности совершенствования;

– преобладание фрагментарного освоения отдельных компонентов социокультурной компетенции (страноведческого, социолингвистического), ведущего к нарушению целостного представления о данной компетенции как комплексном феномене, требующем специальных мер по его формированию;

– недостаточная разработанность содержательного и методико-технологического аспектов формирования социокультурной компетенции будущих педагогов в условиях профессиональной подготовки.

Мы согласны с мнением С.В. Санниковой, а также считаем формирование данной компетенции актуальной при подготовке любого специалиста, в частности, практико-ориентированных кадров для сферы малого бизнеса.

При формировании социокультурной компетенции целесообразно использовать три взаимосогласованные стратегии обучения:

- 1) стратегия отбора;
- 2) стратегия поэтапного длительного обучения;
- 3) стратегия обучения на социокультурном опыте.

Данные стратегии можно переложить на любую дисциплину.

Важной является стратегия отбора, поскольку в любой курс вкладывается определенная часть знаний. В каждом предмете имеются свои истоки, составляющие основу отбора и построения содержания, из которых формируются основные стержни курса. Этот определяющий принцип построения курса некоторые ученые называют принципом генерализации знаний. Это означает, что начинать построение курса следует с истоков, с выделения основных структур в порядке их логического развертывания в систему науки.

Системность курса предполагает не только четкое выделение стержней курса, его основных идей, а также рассмотрение всего многообразия их связей, обеспечивающих целостность изучаемого объекта. Еще Я.А. Коменский говорил: «то, чему учат, должно иметь много связей».

Данное положение лежит в основе внутрипредметных и межпредметных связей.

Основой стратегии поэтапного длительного обучения является принцип развертывания процесса обучения по спирали, обеспечивающий единение непрерывного и дискретного в обучении.

В спиральной структуре нет перерывов в изучении материала, нет места ограничению одноразовому представлению отдельных тем. Благодаря такому спиралевидному построению программ удается сочетать последовательность и цикличность изучения учебного материала.

Принцип спиралевидного освоения знаний разбивается на две взаимосвязанные части:

1) *преемственность*, выражающую непрерывность процесса обучения;

2) *поэтапность обучения*, выражающую его дискретность.

Стратегия обучения на социокультурном опыте предполагает процесс формирования и развития ведущих понятий от их истоков до становления (принцип историзма). Материал, изложенный по данному

принципу, нагляден, доступен и интересен.

Стратегия обучения на социокультурном опыте предполагает необходимым проводить обучение в тесной связи с потребностями практики, науки и техники, т.е. с культурой, причем как материальной, производственной, так и духовной. Обучение с потребностями производственной и материальной культуры освоено давно (принципы политехнизации обучения, принцип связи обучения с жизнью, принцип практической направленности обучения, принцип компетентности), связь обучения с духовной культурой общества просматривается выборочно, только в некоторых дисциплинах, в основе в гуманитарной направленности обучения.

Лишь социокультурный подход позволяет в комплексе рассматривать связь обучения со всеми сторонами культуры общества, строить стратегию обучения, опираясь на социокультурный опыт в целом.

В основе такого обучения лежит идея полноценного использования всех психических процессов, функций и свойств личности и в целом человеческих ресурсов. Применение социокультурных технологий в образовании дает возможность не только более эффективно организовать учебную деятельность, но и ведет ее к естественному гармоничному психическому развитию, что является главным условием становления целостного развития личности, мотивированной на дальнейшее самосовершенствование.

Таким образом, социокультурная компетентность — это основополагающая способность человека развиваться, реализовывать себя в социокультурном пространстве, формируя внутренний стержень, объединяя в единое целое духовно-нравственное, интеллектуальное, практическое обучение и воспитание, опирающееся на исторический социокультурный опыт общества. А ее формирование — важнейшая задача в процессе профессиональной подготовки практико-ориентированных кадров для сферы малого бизнеса.

Литература

1. Кузьмин И.А., Камкин А.В. О развитии духовно-нравственных ценностей в контексте программы «Социокультурные истоки». – М: Истоки. Институт содержания и методов обучения РАО 2007. – 328 с.
2. Тестов В.А. Стратегия обучения математики в контексте духовно-нравственного развития. – М: Истоки. Институт содержания и методов обучения РАО 2007. – 328 с.
3. Жарковская Т.Г., Матвеева Н.В., Куприянова Н.С., Моисеева О.П., Кудрова И.А. Интеграция духовно-нравственного образования в различные учебные дисциплины. – М: Истоки. Институт содержания и методов обучения РАО 2007. – 328 с.
4. Современные проблемы педагогики: парадигмы науки и тенденции образования // Парадигма педагогики в контексте развития научного знания: материалы Всероссийской методологической конференции / гл. ред. В.В. Краевский; ред. Харламов А.А., Бережнова Е.В. – Краснодар: КГПУ, 2006. – 232 с.

Коротко об авторах _____ *Briefly about the authors*

Северов В.Г., канд. пед. наук, доцент, профессор, директор Иркутского политехнического колледжа
Тел. раб.: (8-3952)30-3011

V. Severov, Candidate of Pedagogical sciences, Associate Professor, Director of the Irkutsk Polytechnical College

Научные интересы: формирование социокультурной компетентности будущего практико-ориентированного специалиста, как основополагающей в процессе профессиональной подготовки кадров

Areas of expertise: formation of social and cultural competence of the future practice-focused expert as a basic of vocational training of the staff

Баракова И.С., ст. методист Иркутского политехнического колледжа
Тел. раб.: (8-3952)30-28-76

I. Barakova, The Senior Methodist of the Irkutsk Polytechnical College

Научные интересы: формирование социокультурной компетентности будущего практико-ориентированного специалиста, как основополагающей в процессе профессиональной подготовки кадров

Areas of expertise: formation of social and cultural competence of the future practice-focused expert as a basic of vocational training of the staff

УДК 378.14:5

Старостина Светлана Ефимовна
Svetlana Starostina

КОНЦЕПЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО НАПРАВЛЕННОГО ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

CONCEPTION OF PROFESSIONALLY ORIENTED NATURAL SCIENCE EDUCATION OF STUDENTS OF HUMANITARIAN SPECIALTIES

Представлена концепция профессионально направленного естественнонаучного образования студентов-гуманитариев, в которой выделены следующие компоненты: блок основания, теоретический блок, прикладной блок. В основу концепции положена идея, что средствами и методами естественных наук возможно формирование профессионально значимых качеств личности, которые позволят не только повысить общую культуру выпускников вузов, но и будут способствовать становлению их профессиональной компетентности

Ключевые слова: концепция, естественнонаучное образование, профессионально направленное обучение, теоретико-методологический базис, положения концепции, комплекс педагогических условий

The article presents the conception of professionally oriented natural science education for students of humanitarian classes. It has different components: foundation unity, theoretical unity, and applied unity. The conception is based upon an idea of possibility to form by means and methods of natural science professionally valued person features which permit to augment common culture of university students and help to make its professional competence

Key words: conception, natural science education, professionally oriented education, theoretical and methodological basis, principles of conception, complex of pedagogical conditions

---

Совершенствование системы высшего профессионального образования осуществляется в соответствии с тенденциями, обусловленными требованиями общества, государства, личности. Для обоснования нововведений разрабатываются различные концепции. В нашем исследовании под концепцией мы будем понимать *системный теоретический подход* к исследуемой проблеме, основу которого составляют совокупность ведущих идей, принципов и положений, обеспечивающих теоретическое обоснование и указывающих пути практического решения поставленных задач.

Выбор системного подхода для нашего исследования обоснован, поскольку единая система высшего профессионального обра-

зования представляет собой сложноорганизованную систему определенного класса, в которую входит система естественнонаучной подготовки как система более низкого порядка. И соответственно появляется возможность исследовать реализацию идеи интеграции фундаментальности и профессиональной направленности обучения при решении задач естественнонаучного образования, установить интегративные связи естественнонаучного и профессионального образования.

На основе теоретического анализа ряда концепций, имеющих отношение к содержанию образования, образовательным технологиям, естественнонаучному образованию, мы определились с содержанием

концепции профессионально направленной естественнонаучной подготовки студентов гуманитарных специальностей. В структуре концепции нами выделены три основных компонента:

- 1) основание;
- 2) теоретический блок;
- 3) прикладной блок.

При определенной деятельности эти компоненты вступают в определенные функциональные связи. Каждый компонент концепции состоит из ряда взаимосвязанных элементов, содержание которых выявляется из условий создания педагогической системы. Разработанная концепция является открытой системой, она может быть дополнена и расширена. Раскроем содержание элементов, входящих в каждый компонент концепции.

Основание концепции составляют цели естественнонаучного образования, источники, факторы, её особенности.

Цели являются системообразующим элементом образовательного процесса. Формирование целей и задач происходит на начальном этапе разработки концепции. Анализ требований к результатам освоения основных образовательных программ, представленных в форме перечня компетенций, которыми должен обладать выпускник вуза (ФГОС ВПО третьего поколения), позволил нам сформулировать цели естественнонаучного образования в высших учебных заведениях. *Естественнонаучная подготовка студентов должна обеспечить* становление целостной системы научных знаний об окружающем мире, законах развития Природы; формирование у студентов системы методологических знаний, знакомить с методами научного познания и культуры мышления, способности к восприятию, обобщению, анализу информации; повышение уровня общекультурной и профессиональной компетентности; развитие психических качеств личности, необходимых для успешной реализации конкретной профессиональной деятельности.

Основная идея, составляющая основу проектирования данных целей естественнонаучного образования, заключается в

том, что средствами и методами естественных наук возможно формирование профессионально значимых качеств личности, которые позволят не только повысить общую культуру выпускников вузов, но и будут способствовать становлению их профессиональной компетентности.

При определении источников и факторов мы исходили из теоретических положений, разработанных Л.Я. Зориной, В.В. Краевским, И.Я. Лернером, Н.С. Пуршевой и др.

Источник – это объекты, содержание и сущность которых становится в той или иной степени содержанием образования. «Содержательная сторона концепции определяется источниками» [2, 103]. *Основными источниками* нашей концепции являются: представление о естествознании как единой целостной науке о Природе и элементе культуры; фундаментальные концепции современного естествознания; система методологических знаний; естественнонаучные знания прикладного характера, необходимые для успешной деятельности в профессиональной области.

Под фактором понимаются обстоятельства, с которыми соотносится исследователь при определении содержания образования, т.е. это те закономерности, на которые необходимо ориентироваться при разработке концепции. *Факторами концепции* будем считать новую образовательную парадигму, основанную на компетентностном подходе; фундаментальность и целостность образования; возрастание роли естественных наук в современном постиндустриальном обществе; падение престижа и утрата традиций российского естественнонаучного образования; увеличение разрыва между достижениями в развитии естественных наук и уровнем естественнонаучного образования и другие тенденции современного этапа развития высшего образования.

Особенности концепции связаны с тем, что она ориентирована на обучение основам естествознания студентов гуманитарных направлений. Концепция основана на субъект – объект – субъектных отношени-

ях, где объектом выступает предметное содержание естественнонаучной подготовки, используемые технологии обучения, жизненный опыт студентов и преподавателя. При разработке концепции мы исходили из концептуальных положений психологии профессиональной деятельности, психологии труда учителя, дидактики высшей школы, теории и практики изучения отдельных естественных наук.

Теоретический блок концепции включает ведущие идеи, основополагающие принципы, теоретико-методологический базис концепции, основные положения концепции, комплекс педагогических условий, обеспечивающих реализацию концепции.

В основу концепции положена идея профессионально-направленного обучения естественнонаучным дисциплинам. Под *профессионально направленным обучением* мы понимаем образовательный процесс, в котором условия для становления будущего субъекта профессиональной деятельности в образовательной среде естественнонаучных дисциплин создаются путем суперпозиции проблемного поля фундаментальной естественной науки и проблемного поля предмета предстоящей профессиональной деятельности. Реализация профессионально направленного обучения обеспечивается через содержание предмета изучения, а также технологию учебного процесса по предмету.

Ведущие идеи концепции.

1. Рассмотрение естественнонаучного образования как составной части целостного профессионального образования.

2. Формирование профессиональной компетентности как целостной системы ключевой, базовой и специальной.

3. Преимущественная ориентация естественнонаучного образования на формирование общекультурных компетентностей с проекцией на профессиональную деятельность.

4. Выделение в образовательном процессе содержательного, технологического и организационно-методического аспектов, которые рассматриваются во взаимосвязи и единстве.

5. Представление содержательного, технологического и организационно-методического аспектов, через основные элементы позволяющие реализовать профессионально-направленное обучение.

Важным элементом теоретического блока являются *основополагающие принципы*. По мнению Е.Н. Шиянова и И.Б. Котовой, знание принципов обучения «дает возможность организовать учебный процесс, обоснованно определить цели и отобрать содержание учебного материала, выбрать адекватные целям формы и методы обучения» [6, 63].

Анализ существующих принципов в качестве исходной системы теоретических положений и одновременно требований к образовательному процессу позволил нам определить совокупность принципов, лежащих в основе концепции, которые распределены нами на три группы:

1) методологические (культуросообразности, целостности, фундаментальности, интегративности, дополнительности, самоорганизации, открытости системы, неопределенности);

2) дидактические: определения содержания (общие принципы отбора содержания, предметно-содержательные, представления и структурирования содержания) и организации учебного процесса (организации взаимодействия обучаемого с содержанием, преподавателем, коллективом, ориентации на становление личности познающего субъекта);

3) профессиональной направленности (единства фундаментальности и профессиональной направленности, контекстности, профилизации вариативных компонентов, связи обучения естественнонаучных дисциплин с предстоящей профессиональной деятельностью).

С помощью представленной совокупности принципов преподаватель может творчески подойти к построению педагогического процесса. Выделенные принципы определяют стратегию реализации естественнонаучного образования студентов гуманитарных специальностей. Каждый из представленных принципов выполняет

характерную, свойственную ему методологическую или дидактическую функцию, в своей системно-целостной совокупности они реализуют единые системообразующие функции по отношению к процессу обучения и его компонентам, поэтому их нельзя ранжировать по степени важности.

Принципы профессиональной направленности являются ведущими для нашего исследования и реализуются на всех этапах организации учебного процесса: при определении содержания, выборе образовательных технологий, методов, форм и средств обучения.

Взаимодействие данных принципов с методологическими и дидактическими принципами способствует повышению эффективности естественнонаучного образования, изменяет акценты в некоторых методологических и дидактических принципах. Так, по мнению Л.В. Медведевой, «принцип системности обеспечивает процесс взаимодействия будущего субъекта профессиональной деятельности с объектом познания; принцип неопределенности — запрещает одновременно «жестко закреплять» алгоритмы решения и алгоритмы практических действий, осуществляемых в условиях профессионально-подобных ситуаций; дополнительности — обуславливает выбор объектов познания, построение профессионально-подобных ситуаций и средств деятельности обучающихся» [3, 221]. Дидактические принципы, касающиеся определения содержания и организации учебного процесса, обеспечивают условия суперпозиции проблемного поля фундаментальной естественной науки и проблемного поля предмета предстоящей профессиональной деятельности [1; 3].

В качестве *теоретико-методологического базиса концепции* выступают три подхода:

- 1) компетентностный;
- 2) личностно-деятельностный;
- 3) контекстный.

Выбор данных подходов обусловлен значимостью естественнонаучной подготовки, которая должна способствовать становлению личности студента, обеспечить

повышение уровня его общекультурной и профессиональной компетентности, формировать индивидуальный стиль творческой деятельности, необходимый для успешной реализации конкретной профессиональной деятельности.

В традиционной образовательной системе происходит искусственное разделение модели специалиста на три обособленные характеристики — как профессионала, личности и исследователя. Основные процессы (учебный, научный, воспитательный) оказываются изолированными и слабо согласованными. Данное противоречие находит свое разрешение в предложенной модели. Формирование личности студентов в трехмерном пространстве векторов (вектор личностного становления, вектор профессиональной подготовки, вектор индивидуально-творческой деятельности) возможно при системной интеграции компетентностного, личностно-деятельностного и контекстного методологических подходов. Основой интеграции выступает компетентностный подход, поскольку, согласно современным воззрениям, понятие «компетенция» включает когнитивную составляющую; функциональную оставляющую; личностную оставляющую; этическую оставляющую [4, 101].

Личностные качества человека формируются в деятельности, профессионально значимые качества — в процессе профессиональной деятельности, формирование всех составляющих элементов компетенции возможно только при объединении, взаимопроникновении, слиянии в единое целое компетентностного, личностно-деятельностного и контекстного подходов.

Основные положения концепции естественнонаучного образования студентов гуманитарных направлений сформулируем следующим образом:

- 1) целью естественнонаучного образования в высшей школе является становление личности студента, формирование индивидуального стиля творческой деятельности, повышение уровня общекультурной и профессиональной компетентности;
- 2) для реализации целей естественно-

научного образования в образовательных программах подготовки специалистов всех направлений должен быть включен специальный предмет, интегрирующий знания всех естественных наук, обеспечивающий становление целостной системы научных знаний об окружающем Мире;

3) содержание естественнонаучного образования должно соответствовать современным достижениям естественных наук, включать материал общекультурного и общенаучного характера, иллюстрирующий единство и целостность науки и культуры, позволяющий познакомить с системой методологических знаний, показать значение рационального естественнонаучного стиля мышления;

4) структура естественнонаучного образования должна представлять собой систему дидактических модулей, причем в каждом дидактическом модуле необходимо выделить инвариантную часть и вариативную, соответствующую профилю образовательной программы;

5) методика организации естественнонаучного образования должна быть основана на использовании современных технологий обучения и методов квазипрофессиональной деятельности, предусматривать создание условий для обеспечения индивидуальной образовательной траектории;

6) дидактические средства для организации самостоятельной работы студентов по овладению основами естествознания должны обеспечить возможность самостоятельного изучения и переработки информации, включать задания, требующие выполнения квазипрофессиональной деятельности, способствующие формированию общекультурных компетенций;

7) содержание и форма представления дидактических материалов должна обеспечить возможность оперативного взаимодействия преподавателя и студентов;

8) методика обучения должна быть построена таким образом, чтобы обеспечить возможность построения системы контроля за ходом формирования всех составляющих общекультурных компетенций

(когнитивной, функциональной, личностной, этической).

Неотъемлемыми компонентами теоретического блока являются *комплекс педагогических условий*, обеспечивающий наиболее эффективную реализацию концепции профессионально направленной естественнонаучной подготовки студентов гуманитарных специальностей, который включает:

1) компетентность преподавателя, проявляющаяся в организации деятельностного характера процесса образования, направленности образования на создание условий для проявления самостоятельности, творчества, ответственности студентов;

2) изменение взаимодействия в системе преподаватель – студент. Если раньше преподаватель, имеющий достаточно обширные знания, выполнял роль носителя этих знаний, то сегодня он должен быть способен принять позицию партнерства во всем разнообразии ее проявлений;

3) наличие банка материалов для формирования и оценки сформированности общекультурных компетентностей, методического обеспечения самостоятельной работы, программного обеспечения учебного процесса;

4) особая организация технологического компонента образовательной среды. Для реализации естественнонаучного образования необходимо создание нового качества материально-технической базы (мультимедийное, компьютерное обеспечение, демонстрационное и лабораторное оборудование, имитационные классы и др.), нового поколения познавательных ресурсов (IT-сайты, технологии и др.). Создание современной инфраструктуры естественнонаучного образования возможно посредством интеграции имеющихся ресурсов: использования научных и учебных лабораторий отдельных естественнонаучных дисциплин, ресурсного центра университета, проведения занятий в музеях города, ботаническом саду и др.

Прикладной блок включает варианты дидактических средств; варианты учебных курсов, предлагаемых в вариативной

части основной образовательной программы; учебно-методический комплекс по дисциплине «Концепции современного естествознания»; электронный образовательный ресурс (электронный учебник), который можно рассматривать и как дидактическое средство, и метод обучения.

В заключение отметим, что представленную концепцию профессионально-направленной естественнонаучной подготовки студентов-гуманитариев можно рассматри-

вать как систему, которая характеризуется иерархичностью и разветвленными связями, благодаря которым возможно формирование оптимального общесистемного результата, или, как говорят, самоорганизации системы. Данная система является динамичной, открытой, способной к изменениям, перестройке, предполагает взаимодействие и взаимосвязь всех компонентов, допуская корректировку отдельных компонентов.

Литература

1. Авво Б.В. [и др.] Образовательные стратегии и технологии обучения при реализации компетентностного подхода в педагогическом образовании с учетом гуманитарных технологий. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. – 108 с.
2. Бордонская Л.А. Отражение взаимосвязи науки и культуры в школьном физическом образовании и подготовке учителя: монография. – Чита: ЗабГПУ, 2002. – 237 с.
3. Медведева Л.В. Теоретико-технологическая система профессионально направленного обучения естественнонаучным дисциплинам в техническом вузе: дис. ... д-ра пед. наук. – СПб., 2001. – 438 с.
4. Татур Ю.Г. Высшее образование: методология и опыт проектирования: учебно-методическое пособие. – М.: Университетская книга, Логос, 2006. – 256 с.
5. Шиянов Е.Н., Котова И.Б. Развитие личности в обучении: учеб. пособ. для студентов педвузов. – М.: Академия, 1999. – 288 с.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Старостина С.Е., канд. пед. наук, доцент, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского, кафедра физики, теории и методики обучения физике sestarost@mail.ru

S. Starostina, Candidate of Pedagogical Science, Senior Lecturer, Transbaikalian State Humanitarian and Pedagogical University named after N.G. Chernyshevsky, Department of Physics, Theory and Methods of Teaching Physics

Научные интересы: развитие личности, образовательные стратегии и технологии обучения

Areas of expertise: Development of the person, educational strategy and technologies of training

---

УДК 378

Чернышёва Анастасия Владимировна
Anastasiya Chernysheva

ВОЗМОЖНОСТИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ДИСЦИПЛИН В ФОРМИРОВАНИИ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

POTENTIAL OF SPECIALIZED DISCIPLINES IN SHAPING STUDENTS READINESS FOR PROFESSIONAL ROLES IN SOCIAL WORK

Рассматриваются потенциальные возможности специальных дисциплин в формировании готовности студентов к профессиональной деятельности специалиста по социальной работе. Определены взаимосвязи и значение специальных дисциплин в процессе профессиональной подготовки специалиста по социальной работе

The author considers the potential of specialized disciplines in shaping students readiness for professional roles in social work. The author determined the relationship and the importance of special disciplines in the process of professional training in social work

Ключевые слова: профессиональная деятельность, специалист по социальной работе, специальные дисциплины, готовность к профессиональной деятельности

Key words: professional activities, social work specialist, special discipline, readiness for professional activity

---

Содержание цикла специальных дисциплин отражает специфику деятельности специалиста по социальной работе и направлено на подготовку выпускника к выполнению конкретных функций в профессиональной деятельности. Совокупный перечень дисциплин специального цикла представляет обобщенную информацию о структуре деятельности специалиста: целях, предметах, средствах труда и основных способах его будущей профессиональной деятельности.

Для определения возможностей специальных дисциплин в формировании готовности студентов к профессиональной деятельности необходимо определить долю специальных дисциплин в составе примерного учебного плана, а также взаимосвязь и содержание дисциплин федерального компонента профессиональной подготов-

ки специалиста по социальной работе (см. таблицу).

Из таблицы видно, что время, отводимое на изучение специальных дисциплин, составляет 31 % от времени, предназначенного для теоретического обучения. В блоке специальных дисциплин значительную часть занимают следующие дисциплины: «Содержание и методика психосоциальной работы в системе социальной работы», «Содержание и методика педагогической деятельности в системе социальной работы (социальная педагогика)», «Содержание и методика социально-медицинской работы», «Опыт организационно-административной работы в системе социальных служб, учреждений и организаций», имеющих тесные межпредметные связи. Их доля составляет 46 % времени, отведенного для изучения специальных дисциплин.

**Взаимосвязь и доля специальных дисциплин
в структуре подготовки специалиста по социальной работе**

Теоретическое обучение (7378 ч) – 85 %	Общие гуманитарные и социально-экономические дисциплины (1260 ч) – 17 %
	Общие математические и естественнонаучные дисциплины (600 ч) – 8 %
	Общепрофессиональные дисциплины (3213 ч) – 44 %
	Специальные дисциплины (2305 ч) – 31 %, в т.ч. дисциплины специализации (937 ч)
Практическое обучение (1296 ч) – 15 %	Ознакомительная практика (108 ч) – 8 %
	Учебная практика (216 ч) – 17 %
	Производственная практика (540 ч) – 42 %
	Преддипломная практика (стажировка) (432 ч) – 33 %

Таким образом, объем времени, отводимый на изучение специальных дисциплин, позволяет, по нашему мнению, преподавателю вести целенаправленную работу по формированию готовности студентов к профессиональной деятельности специалиста по социальной работе.

Наряду с этим рассмотрим возможности специальных дисциплин для формирования готовности к профессиональной деятельности по продолжительности их изучения в соответствии с графиком учебного процесса. Формирование готовности к профессиональной деятельности – длительный процесс. Поэтому необходима систематическая, целенаправленная работа коллектива преподавателей в течение всего срока обучения студентов, чтобы обеспечить высокий уровень готовности к профессиональной деятельности. Специальные дисциплины изучаются на протяжении всего нормативного срока освоения основной профессиональной образовательной программы, а именно: «Семьеведение», «Гендерология и феминология» – в 3 семестре; «Проблемы социальной работы с молодежью» – в 5 семестре; «Социальная геронтология», «Содержание и методика педагогической деятельности в системе социальной работы (социальная педагогика)» – в 7 семестре; «Содержание и методика психосоциальной работы в системе социальной работы», «Содержание и методика педагогической деятельности в системе социальной работы (социальная педагоги-

ка)» – в 8 семестре; «Занятость населения и ее регулирование», «Содержание и методика психосоциальной работы в системе социальной работы», «Содержание и методика социально-медицинской работы», «Опыт организационно-административной работы в системе социальных служб, учреждений и организаций», «Пенсионное обеспечение в РФ» – в 9 семестре.

Из этого следует, что временные возможности специальных дисциплин позволяют реализовать требования стандарта как по овладению профессиональными знаниями и умениями, так и по формированию готовности студентов к профессиональной деятельности специалиста по социальной работе.

Рассматривая содержательный аспект специальных дисциплин, необходимо отметить, что конкретное содержание каждой дисциплины отражает содержание профессиональной деятельности специалиста по социальной работе.

Формирование готовности к профессиональной деятельности специалиста по социальной работе имеет особое значение при изучении специальных дисциплин в связи с тем, что они содержат материал, тесно связанный с будущей профессиональной деятельностью – специалиста по социальной работе. Поэтому наряду с усвоением значительного объема разнообразных знаний студенты приобретают специальные умения, непосредственно связанные с их будущей профессиональной деятельностью. На

практических занятиях содержание специальных дисциплин направлено на формирование умений решать учебно-профессиональные задачи и выполнять основные виды деятельности, определенные государственным стандартом [3]. Именно содержание специальных дисциплин позволяет задать контекст будущей профессиональной деятельности. Другая важная особенность содержания специальных дисциплин – это органическая связь с практическим обучением. Связь теории с практикой, как установлено рядом ученых (В.Ф. Бессараб, О.С. Гребенюк, В.Г. Рыжков и др.), является одним из условий формирования готовности студентов к профессиональной деятельности. Эти связи, как правило, непосредственные и по логике построения, и по содержанию учебного материала. Сформированные в процессе практического обучения навыки и умения являются осознанными, прочными и выступают результатом эффективности усвоения специальных дисциплин.

В образовательном процессе, в том числе при изучении специальных дисциплин, можно выделить, кроме трех основных функций (дидактическая, воспитательная, развивающая), еще четыре «узловые» функции:

- 1) сообщение учебной информации (знаний);
- 2) формирование и совершенствование профессиональных умений;
- 3) активизация освоения передового опыта, обмена знаниями и опытом;
- 4) контроль результатов обучения [179; С. 81], их обобщение и анализ.

Остановимся подробнее на потенциальной возможности содержания специальных дисциплин по формированию готовности к профессиональной деятельности в каждой из перечисленных функций.

1. Сообщение учебной информации реализуется в форме лекционного занятия. С одной стороны, лекция является экономичным по времени способом сообщения студентам значительного объема информации. С другой стороны, определенная пассивность студентов, вызываемая преимущес-

твенно информационной ролью лекции, требует специальной активизации деятельности обучаемых в процессе занятия.

Поскольку учебная деятельность студентов на лекции менее разнообразна и активна, чем при других формах обучения, в целях повышения познавательной активности, внимательности и заинтересованности студентов при изучении специальных дисциплин возможно применение следующих методов и приемов: раскрытие практической значимости изучаемого материала (Г.И. Щукина и др.); использование занимательного материала (Ю.К. Бабанский, О.С. Гребенюк, Г.И. Щукина и др.); постановка перед студентами репродуктивных вопросов, направленных на освоение текста, и информационных вопросов с целью актуализации уже имеющихся у студентов знаний (А.А. Вербицкий [2; С. 21], Л.Г. Семушина, Н.Г. Ярошенко и др.); решение по ходу лекции практических упражнений (Н.Г. Ярошенко, Л.Г. Семушина); применение техники обратной связи (С.А. Ярушева, В.М. Лизинский и др.).

Таким образом, лекционные занятия позволяют не только дать студентам знания, но и при использовании перечисленных приемов способствовать формированию готовности к профессиональной деятельности.

2. Функция формирования и совершенствования профессиональных умений, которая реализуется на практических занятиях, где происходит закрепление полученных знаний, формируется умение применять их на практике. Практические занятия имеют еще большие возможности по формированию готовности студентов к профессиональной деятельности специалиста по социальной работе.

На практических занятиях при изучении специальных дисциплин возможно использование метода моделирования профессиональной деятельности с помощью решения учебно-профессиональных задач, возможности которого позволят сформировать у студентов готовность к профессиональной деятельности. Такие задачи являются материальным выражением модели, которые в совокупности охватыва-

ют все основные действия, входящие в профессиональную деятельность специалиста по социальной работе. Применение учебно-профессиональных задач позволяет моделировать предметное и социальное содержание будущей профессиональной деятельности специалиста по социальной работе. Также появится возможность трансформировать познавательную мотивацию студентов в профессиональную, тем самым создавая условия для формирования готовности к профессиональной деятельности.

Применение на практических занятиях таких средств обучения, как учебно-профессиональные задачи, позволяют моделировать профессиональную деятельность в образовательном процессе, дают студентам представление о целостности такой деятельности, о междисциплинарных связях.

Специфика учебного материала требует определенных форм организации учебного процесса. Возможно проведение занятий нестандартного типа (И.П. Подласый): занятие-конкурс, занятие-конференция, а также олимпиады и экскурсии. О роли нестандартных занятий с целью возбуждения и удержания интереса у учебной деятельности говорит И.П. Подласый и другие авторы. Однако нельзя все занятия проводить в нестандартной форме, поскольку их занимательная направленность снижает эффективность обучения, что является следствием низкой результативности занятия.

3. Другая функция учебно-воспитательного процесса — активизация освоения передового опыта, обмена знаниями и опытом реализуется в процессе прохождения различных видов практики (учебная, производственная, преддипломная). Поскольку студенты проходят практику в различных учреждениях, организациях и службах социальной работы в разных сферах жизнедеятельности, т.е. непосредственно включены в процесс будущей профессиональной деятельности, учебно-профессиональная деятельность по внешнему виду и по результату почти не отличается от профессиональной деятельности.

Практика содержит потенциальные возможности по формированию готовности студентов к профессиональной деятельности, т.к. в процессе ее прохождения студенты вынуждены проявлять высокую познавательную активность (т.к. помощь руководителя практики от учебного заведения и от предприятия оказывается только в рамках консультаций); становятся более информированы о специфике профессиональной деятельности, определяются не только в своем отношении к будущей профессиональной деятельности, но и в намерении работать по специальности; появляется возможность преобразования познавательного мотива в профессиональный.

4. Контроль, обобщение и анализ результатов обучения реализуется через такие его виды, как предварительный (индивидуальные задания, тесты), текущий (индивидуальные задания, тесты), рубежный (контрольные работы), итоговый (в форме экзаменов по билетам и зачета), комплексный (итоговая государственная аттестация в виде междисциплинарного экзамена). По итогам прохождения практики студенты получают дифференцированный зачет. Особенностью изучения специальных дисциплин является обязательность выполнения курсовых проектов, в ходе которых студенты приобретают необходимые навыки для будущей профессиональной деятельности.

Таким образом, в содержании специальных дисциплин заложены достаточные возможности по формированию готовности студентов к профессиональной деятельности специалиста социальной работы. Однако успешная реализация педагогического процесса определяется не только содержанием, но и процессуальным аспектом в виде конкретных методов, средств и форм обучения. Более того, результативность обучения, на наш взгляд, зависит не столько от отдельных методов, средств и организационных форм, сколько от их единства, возникающего благодаря их направленности на достижение поставленных целей.

Литература

1. Бочарова В.Г., Григорьев С.И. Стратегия и технология образования в области социальной работы. – М.: ИСП РАО, 1996.
2. Вербицкий А.А. Вопросы генезиса и саморегуляции познавательной и профессиональной деятельности // Новые исследования в психологии. – М., 1997. – № 1(16). – С. 19-28.
3. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования: требования к минимуму содержания и уровню подготовки специалистов по специальности 350500 – Социальная работа. – М., 2003. – 33 с.
4. Санжаева Р.Д. Психологические механизмы формирования готовности человека к деятельности: дис... д-ра психол. наук. – Новосибирск. – 1997. – 354 с.
5. Шмелева Н.Б. Формирование и развитие личности социального работника как профессионала. – М., 2005.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Чернышёва А.В., аспирантка, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
nasta.m@mail.ru

A. Chernysheva, Post-graduate student, Chita State University (ChitGU)

Научные интересы: профессиональная подготовка, методика профессионального образования

Areas of expertise: professional training, methods of vocational education

---

Искусствоведение

УДК 008

Шейко Анна Николаевна
Anna Sheiko

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ПОПУЛЯРИЗАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ

GENERAL PRINCIPLES OF POPULARIZATION ACTIVITIES OF THE FAR EASTERN ART MUSEUM

Автор прослеживает эволюцию форм популяризации Дальневосточным художественным музеем коллекции мирового художественного наследия и способов его включения в специфическую культуру дальневосточного региона. Изложен местный опыт проведения «Музейной ночи», подчеркивающий усиление роли артизации, синкретичного характера работы музея: постмодернистских тенденций, характеризующих явление «нового синкретизма» в культуре XX столетия

Ключевые слова: Дальневосточный художественный музей, артизация, «новый синкретизм», синкретичные методы просветительной работы музея

The author describes the evolution of popularization activities of the Far Eastern Art museum and methods of its inclusion into the specific culture of the Far Eastern region. The article considers local experience in realization of the «Museum Night», underlining the role of artization and syncretical character of museum work, in particular, postmodernism tendencies which characterize the culture of the «new syncretism» of the XXth century

Key words: the Far Eastern Art museum, artization, «new syncretism», syncretical methods of museum work

Процессы гуманизации культуры и гуманитаризации образования, определившие поиск инструментов для осуществления новой культурологической парадигмы, задали общие координаты развития музея в пространстве современной культуры.

С одной стороны, сама необходимость существования традиционных принципов музейного просвещения на протяжении XX столетия ставилась под сомнение. Музей подвергался критике как представителями всевозможных авангардных течений в искусстве, так и политическими движениями, обвиняющими его в элитарности. С другой стороны, в последние десятилетия ушедшего века резко возрос интерес к музею у широкой публики, получивший название

«музейного бума», во многом спровоцированного введением новых принципов популяризации в повседневную практику музея.

В настоящей статье на основе материалов Государственного архива Хабаровского края автор прослеживает эволюцию принципов популяризации деятельности Дальневосточного художественного музея, регламентированных с 1930-х по 1990-е гг. директивными указаниями руководящих органов и постановлениями ЦК КПСС «О повышении роли музеев в коммунистическом воспитании трудящихся» (1964) и «О повышении идейно-воспитательной работы музеев» (1982). Представляется практический опыт вариаций форматов

просветительной работы, соответствующих действующему Уставу ГУК «Дальневосточный художественный музей», принятому в 1994 г. (новая редакция 2002 г.) и ежегодной отчетной типовой форме 8-НК «Сведения о деятельности музея» (постановление Росстата от 20.06.2006 г. №22) [1].

Образ музея в контексте культурной жизни провинциального города интересует теоретиков и практиков музейного дела с конца XIX в. и по сей день. Среди них М.Б. Гнедовский, Н.М. Инюшкин, Л.Г. Ионин, И.М. Коссова, Д.С. Лихачев, О.С. Сапанжа и др. В последние десятилетия вопросами музеологии на Дальнем Востоке занимаются местные специалисты-музеееды: С.Ю. Жук, Л.В. Корнева, Н.В. Кочешков, Н.И. Рубан и другие.

В начале XXI столетия Дальневосточный художественный музей – крупнейшее региональное хранилище коллекции численностью более 12 тыс. произведений мирового искусства, переданной в 1931 г. из ведущих музеев страны Советской властью. Учреждение явилось правопреемником Дальневосточного художественного музея II категории, организованного в Хабаровске решением Дальсовнаркома № 741 от 5 июля 1931 г.

ДВХМ курирует работу сети художественных музейных учреждений региона. Помимо хранительской, экспозиционной и практической направленности деятельности музей занимается научно-исследовательской работой, руководствуясь Законом о культуре, Гражданским Кодексом РФ, внутренним уставом и другими нормативными актами РФ и Хабаровского края. Это формирование научно-информационного банка данных о музейном фонде ДВХМ, научные изыскания по вопросам атрибуции предметов искусства, реставрация станковой живописи, участие в культурных проектах российского и международного масштабов и подобное.

Дальний Восток – регион с особым культурным пространством, мощнейшую основу которого составляет пласт традиционного искусства аборигенов Амура. Поэтому подавляющее большинство ученых

(П.П. Семенов-Тянь-Шаньский, А.П. Окладников, В.Е. Медведев, О.Г. Кусакин, А.В. Жирмунский, А.И. Крушанов и др.) посвящали свои труды именно краеведению: истории, этнографии, антропологии, археологии. Организация музейного хранилища классического европейского и русского искусства явилась следствием появления переселенцев из центра России. Научные изыскания за 79 лет существования коснулись коллекции и деятельности ДВХМ, в основном, в приложении к истории региона: становление музея, формирование коллекции работ аборигенов и местных художников, патронаж подопечных музеев.

Уникальная культура, начавшая формироваться полтора века назад во время мощных организованных переселенческих потоков на российском Дальнем Востоке, охарактеризована Л.Е. Бляхером как «проточная культура» [2], особый тип социальной организации в условиях постоянной миграции населения. Вследствие краха централизованной системы организации переселенческих потоков «проточность» исчезла, но культурное целое, объединяющее аборигенные традиции и жизненные уклады поселившихся в окраинном дальневосточном регионе, не сформировалось. В таких условиях развитие социальной и досуговой сфер не стимулировалось, а подавляющее большинство предприятий были созданы и курировались не местной, а центральной властью.

Постоянная «проточность» стала традицией, которая адаптировала к себе официальные нормы. ДВХМ, как все крупные учреждения культуры, ставил задачей поднятие духовного уровня населения, поиск и культивирование местных художественных талантов:

«... Художественных мастерских в ДВК нет. Специальных домов художника, творческих командировок и так далее – нет. В ДВК имеется один ДВ краевой Художественный музей в г. Хабаровск. Организован в 1931 г. С момента организации музея количество экспонатов возросло до 2052 штук. Посещаемость в среднем до 10 тыс. чело-

век, с выставками — 15... 18 тыс. человек...» [3].

Эти первые музейно-социологические данные значительны, учитывая, что количество населения Хабаровска на тот момент, по данным дальневосточного историка, архитектора Н.В. Кочешкова, составляло более 52 тыс. человек [4].

Пассивная демонстрация части общероссийской художественной коллекции, переданной на Дальний Восток, изначально не входила в планы деятельной Советской власти. Принцип коллективизма был взят за абсолют: музей ориентировался не на одиночного посетителя, а на сложившиеся коллективы. В числе постоянной аудитории ДВХМ, по данным Государственного архива Хабаровского края от 1936 г., значились части ОКДВА, Краевой дом Пионера и Школьника, комсомольский актив города, рабочие трех ведущих городских заводов и др. Постановление президиума Далькрайсовпрофа «О краевых художественных выставках» от 17 мая 1936 г. в п. 3...4 гласило, что на выставке работ художников-самоучек профсоюзов стимулировать организованное массовое посещение рабочими-служащими и членами их семей необходимо при помощи «специалистов-групповодов», которых готовы выделить сами ДКСПС, а также систематически популяризировать работу выставки — «рецензии о творчестве отдельных художников-самоучек, отзывы зрителей и т.д.» — было предложено крупнейшей дальневосточной газете «Тихоокеанская звезда» [5]. Нарастающее привлечение в практику работы ДВХМ экскурсоводов и СМИ позволяло сделать походы в музей не только плановым культурным мероприятием, но и рождало личный интерес экскурсантов к искусству. Тем более, что к концу 1930-х гг. количество идеологически малонасыщенных искусствоведческих лекций увеличилось: в плане работы ДВХМ на последний квартал 1936 г. из двенадцати проведенных занятий по «освоению трудящимися культурного наследия прошлого» только пять имели выраженное политически-современное звучание: «Пути развития советского искусства», «Западно-

европейское искусство в эпоху капитализма» и др. Был разработан «Особый годовой план по проведению лекций для учащейся, рабочей и красноармейской молодежи» [6], что подтверждает ориентацию просветительской работы именно на воспитание художественного вкуса у юного поколения.

К началу 1940-х гг. задачами Дальневосточного краевого художественного музея явились «широкое ознакомление трудящихся с лучшими образцами материальной культуры; изучение национального искусства; сплочение вокруг музея местных художественных сил для непосредственного внедрения искусства в быт трудящихся» [7]. ДВХМ применял только регламентированные профильной деятельностью формы работы с посетителем: экскурсия и лекция.

Великая отечественная война и восстановление народного хозяйства сузили выставочную тематику ДВХМ до единственно важной темы. Пропаганда через изобразительные произведения велась в русле укрепления духа патриотизма. Пополнение коллекции и развитие художественных талантов детей и аборигенов края было отложено. Актуальными стали именно выездные формы работы, позволяющие максимально охватить взрослую аудиторию.

В период с 1941 по 1945 гг. Дальневосточным художественным музеем было организовано около 30 выставок в духе времени: «Выставка батальной живописи», «Били, бьем и будем бить!», «Великая отечественная война советского народа против фашистских разбойников» и др. Музей принимал активное участие в выпуске оконных плакатов «Удар по врагу», проводил большую работу по организации передвижных выставок и лекций для бойцов Второго Дальневосточного фронта, в Северной Манчжурии для местного населения [1].

В 1950-1970-е гг. на Дальнем Востоке было организовано большинство музеев на общественных началах. По профилю обладали музеи историко-краеведческие, т.к. создавались они при общественных организациях: заводах, школах, разных предприятиях. Музейное дело стало доступным

и казалось понятным каждому. Это повысило его популярность, но нивелировало ценность и самобытность. Требованием дальневосточного социума к ДВХМ стало оказание патроната музеям на общественных началах: обучение заводских рабочих навыкам экскурсоведения, реставрация и атрибуция портретов политиков, передовиков производства, написанных местными профессионалами и художниками-самоучками.

Процесс инкультурации дальневосточников силами регионального художественного музея опирался на госзаказ: воспитание всесторонне развитой личности на благо Советской стране. Выездная форма работы оставалась востребованной и легкой в воплощении, т.к. лекции музеев об актуальном искусстве подкреплялись демонстрацией известных репродукций и обширным передвижным фондом современных художественных произведений, недавно переданных в музей авторами. Основными категориями посетителей оставались организованные группы учащихся, рабочей молодежи и воины срочной службы.

1980-е гг. — время активизации образовательной деятельности ДВХМ в краевом масштабе для трех подопечных зональных музеев:

- 1) Приморской картинной галереи;
- 2) Якутского республиканского музея изобразительного искусства им. М.Ф. Габешева;
- 3) Музея советского изобразительного искусства Комсомольска-на Амуре.

В это десятилетие анализируются недостатки работы художественного музея в регионе. Проведены 3 конференции и 5 ученых советов по формам и методам научной пропаганды в художественных музеях ДВ, принципам построения экспозиции, вопросам развития профессионального и народного искусства региона. Осуществлены 34 выезда ДВХМ с методической помощью в «музеи Зоны», систематически рассылаются материалы по каталогизации, хранительской документации, методике ведения экскурсий, экспозиционной деятельности, оперативно публикуются директивные до-

кументы и материалы МК СССР и Государственного Русского музея. Цель акций — поднятие профессионального уровня музейных сотрудников региона, не имеющих возможности совершенствования в ведущих музеях Москвы и Санкт-Петербурга [1].

Сознание удаленности и разобщенности с другими художественными музеями сходного масштаба заставляет ДВХМ стимулировать творческую деятельность сотрудников в области позиционирования учреждения: госзаказ остается главной доминантой в планировании работы, но ее принципы меняются в направлении интересов публики.

Политический и финансовый кризис конца 80-х гг. впервые заставляет ДВХМ, как и все музеи страны, задуматься о новых стратегиях привлечения посетителей в свои залы. Среди принципов информирования экскурсантов превалирует комплексный. Так, при выезде в военные части реализуется формат «лекция — выставка — экскурсия — беседа по выставке» с вручением буклетов о коллекции ДВХМ, местных художниках и организованным сбором письменных отзывов о мероприятии.

Передвижные выставки подлинников дальневосточных художников составляют 1/8 от общего количества выставок музея. По данным текущего архива ДВХМ за 1985 г., посещаемость музея находится на высоком уровне (48325 чел.), но на втором месте среди зональных музеев по отношению к показателям музея советского изобразительного искусства г. Комсомольск-на-Амуре (50010 чел.).

В 90-х гг. Дальневосточный художественный музей размещается в историческом здании бывшего Офицерского собрания на «красной линии» Хабаровска. Расширяется поле для осуществления разнообразных культурных и образовательных программ для широкой публики и специалистов: появляются циклы занятий по патриотической тематике; Недели Школы и Мастерской Снегурочки и др. В практику вводится проведение концертов с подбором экспонатов к теме и чтением лекций по искусству

на протяжении мероприятия. Усиливается обменная выставочная деятельность с Японией, Китаем, Кореей: в год проводится около 5...8 выставок.

Формы просветительной работы ДВХМ, традиционные и сформировавшиеся под влиянием «проточной культуры» в начале XX в. на Дальнем Востоке, взаимодействуют по синкретичному принципу калейдоскопа.

Не перечисляя традиционные пути взаимодействия с культурной жизнью региона, автор статьи выборочно остановится на новых и обновленных форматах общения ДВХМ с посетителями.

К 2000 г. музей занял значимые позиции на международном культурном пространстве, — за период с 2001 по 2007 гг. в целях популяризации художественного наследия и укрепления культурных связей ДВХМ участвовал в организации и проведении 36 международных проектов со странами АТР, Германией, Америкой и др.

Для пропаганды своей лучшей в России художественной коллекции работ аборигенов Приамурья и севера Дальнего Востока ДВХМ, определяя полем своих исследований изучение художественных особенностей культурного наследия маочисленных народов Амура, использует принцип наглядности: издание продукции по традиционному искусству края: набор открыток «Рисуют дети Амура», альбом «Люди Амура» и подобное.

С 2006 г. деятельность ДВХМ строится как череда эффектных популяризаторских проектов: международных и российских; социальных и экологических; патронажных и образовательных. Так, широкий общественный резонанс получил социальный проект «Зона» О. Шагаутдиновой (Канада), затрагивающий проблему интерактивного общения в женских пенитенциарных учреждениях.

В 2006 г. начала свой ход по дальневосточному региону передвижная выставка 30 постеров картин знаменитых художников из коллекции ДВХМ (И.И. Шишкин, А.И. Куинджи, Е. Лансере, С. Щедрин, К.Коровин и др.). После демонстрации в

Ванино, Советской Гавани, Комсомольске-на-Амуре и других населенных пунктах Хабаровского края коллекция постеров стала востребованным музейным ресурсом для осуществления бесплатных просветительных выставок на центральных площадях Хабаровска в дни массовых гуляний.

В мае 2008 г. в день 150-летия Хабаровска экспозиция постеров, выставленная на площади им. В.И. Ленина, собрала огромное количество зрителей. Экскурсии велись безостановочно на протяжении 10 часов работы вернисажа, акция стала возрожденной средствами компьютерных технологий формой музейной просветительной работы, безопасной с позиции сохранения собрания подлинных картин.

Более 20 лет Дальневосточный художественный музей выполняет функции концертного зала: только за период с 2006 по 2008 гг. было организовано более 60 концертов и 7 балов. Это популяризует не только экспозиции подлинного изобразительного искусства, но и качества старинного здания бывшего Офицерского собрания, где размещен музей: пространства, особенности интерьера, тонкая акустика; удобное расположение здания в центре Хабаровска.

Памятуя, что образовательная составляющая является важной частью институциональной роли музея, отношения музея с университетами, колледжами и школами всех уровней образуют еще одно важное измерение его институционального контекста, также требующее квалифицированного позиционирования.

По данным внутренней статистики, ДВХМ группы учащихся составляют 70 % посетителей музея. Поэтому использование ДВХМ в своей коммуникационной стратегии образовательных курсов является логической константой.

ДВХМ заключает договоры с руководителями региональных образовательных учреждений о реализации в течение года определенных курсов для групп учащихся за фиксированную плату [6].

В числе самых востребованных музейно-образовательных курсов ДВХМ:

1) курс для дошкольников «Здравствуй, музей!» (по образцу ГРМ (ГРМ – Государственный Русский музей (г. Санкт-Петербург));

2) художественно-музыкальный курс «Музыка для глаз»;

3) художественно-литературный курс «У Кастальского ключа»;

4) арттерапевтический курс «Арттерапия – творческий поиск» (по образцу ГРМ);

5) художественно-исторический курс «Арт-Ист» и др.

Цель курсов – изменение эмоционального отношения к музейному предмету, рост заинтересованности в нем. Образовательные проекты ДВХМ стремятся соответствовать интересам и возможностям аудитории: имеют довольно широкий диапазон (мастерские, учебные курсы, лекции, фильмы, концерты, семейные занятия, экскурсии, семинары, симпозиумы и работу художников непосредственно в музее).

В современной «цивилизации досуга» изменяется отношение к роли и функциям организаций культуры. «Просветительская» модель сменяется «гедонистической» концепцией (Т.В. Абанкина) [8], согласно которой культура должна доставлять удовольствие, развлекать, успокаивать. Граница между «элитарной» и «массовой» культурой размывается. Современный ресурс художественного творчества очень динамичен – то, что вчера было радикальным, сегодня становится классикой.

В этом отношении показательны ежегодные майские акции «Ночь в музее», за три года проведения, ставшие традицией в просветительской работе Дальневосточного художественного музея, имеющей положительный общественный резонанс.

В Международный день музеев акция объединяет музеи мира, способствует активному их общению и обмену информацией. Бюро Национального американского комитета ИКОМ в 1999 г. так определило характер одной из «Музейных ночей»: «Изучение мнений посетителей показало, что они приходят в музей, как ради удовольствия, так и для приобретения знаний, не отделяя

эти два аспекта один от другого. Сочетание мотивов и возможностей их одновременно удовлетворения делает посещение музея аналогичным другим культурным мероприятием. ... Позволяет нам лучше познать друг друга и пробудить наши чувства».

Опыт проведенных «Ночей в музее» в ДВХМ свидетельствует, что экспозиции посещает в сотни раз больше гостей, чем в обычные дни.

Если в 2007 г. с 21.00 до 2.00 ч ДВХМ посетило 470 человек, то в 2008 г. в «Ночи» участвовало более 5000 экскурсантов, а в 2009 г. количество музейных гостей по примерным подсчетам составило около 6 тыс., что явилось опасным с точки зрения сохранения коллекции и безопасности посетителей.

Главным акцентом мероприятия в ДВХМ всегда являются экскурсии по постоянной экспозиции в темноте. По идее «Ночи в музее» экскурсоводы работают с группами, освещая произведения фонарями.

Посетителям, кроме традиционных музейных зрелищ (вернисажи, экскурсии), предлагалось шоу от организаций, смежных по видам деятельности: инсценировка сражения рыцарей в облачении; абстрактный портрет от профессионального художника. Предоставлялась возможность позировать шаржисту; слушать декламацию нецензурных стихов, сочиненных хабаровскими поэтами группы «Альманах»; игра на музыкальных инструментах, мастер-класс по японской каллиграфии, знакомство с нанайскими танцами, китайским боевым стилем тай-цзи и тому подобное.

«Ночь в музее» 2007 г. в Хабаровске стала началом нового формата просветительской работы. Опросные листы с акции вывели основной ряд пожеланий к проведению последующих «Ночей»: продление мероприятия до утра, ограничение количества посетителей для более детального их знакомства с представленными областями искусства, оповещение о программе праздника задолго до Дня музеев и подобное. Эти требования представляют музей в роли клуба с уникальным собственным культурным ресурсом.

В таких акциях, как «Музейная ночь», проявляется и развивается синкретичное начало музейной просветительской работы, характерное для развивающейся постмодернистской культуры (В.К. Крутоус, В.И. Самохвалова и др.) [11].

Означенный факт в контексте философии музея являет собой пример процесса *артизации*, формирующий у посетителя представление о художественном музее как об учреждении досуга. Если определить артизацию как перемещение границы семантического поля эстетического явления, то, по мнению автора статьи, ДВХМ избрал этот путь коммуникации доминантой своей просветительской работы. Обилие интерактивных событий культурного искусства, (культурное искусство — разновидность концептуального творчества, использующего в своих композициях в качестве основного материала произведения художников различных эпох, что роднит его с постмодернистской традицией) реализуемых в ДВХМ в течение «Музейной ночи» в режиме «сеанса одновременной игры», атакует зрительное, слуховое, эмоционально-чувственное восприятия и сознание посетите-

ля. Становится логичным говорить о синкретизме музейных и пара-, квазимузейных принципов просветительской работы.

Ученые-музеееды опасаются, что переход в имидже музея от Храма Искусства к Дому Культуры смещает акценты восприятия зрителями в негативную сторону. Музейные педагоги В. Васильев, Е. Медведева и М. Юхневич [9] выделяют как опасную проблему дисбаланс движения и одновременного количества посетителей относительно правил хранения музейных фондов. Музеевед А.А. Никонова считает, что в подобных проведению «Музейной ночи» ситуациях музей теряет свою индивидуальность, примеряя на себя различные аспекты имиджа как других учреждений культуры, так и досугово-развлекательных направлений [12].

В духе общемировой тенденции ДВХМ позиционирует себя как учреждение с многоуровневой направленностью: инкультурация, досуг, образование, наука, арттерапия и тому подобное, что опасно опрочением института музея, и ДВХМ, в частности, в его стремлении к широкой артизации просветительской работы.

Литература

1. Материалы текущего АДВХМ.
2. Бляхер Л.Е. Потребность в национализме, или Национальное самосознание на Дальнем Востоке России // Политические исследования (ПОЛИС). — 2004. — № 3.
3. ГАХК. Р-1629. 11-х-36. 132/5.
4. Кочешков Н.В. Изобразительное искусство и архитектура советского Дальнего Востока в 1922-1937 гг. // История культуры ДВ СССР XVII-XX веков. Советский период. Сборник. — Владивосток: ДВО АН СССР, 1990. — 200 с. — С. 93-103.
5. ГАХК. Ф. Р-1629. С. 35.
6. Там же. С. 37.
7. ГАХК. 7.20.П. 400 экз. Утверждено Зам. Наркома по просвещению РСФСР т. Крупской Н.К. 11/П 1936 г. С. 55.
8. Абанкина Т.В. Культура постиндустриального общества // Справочник руководителя учреждения культуры. — 2007. — № 8.
9. Васильев В. Интерактивность и ее мифы // Музей. — 2008. — № 3.
10. Джордж Х. Хейн. Международный день музеев. Радость познания // ИКОМ НЬЮС. — 1999. — № 1-2. — С. 14-15.
11. Крутоус В.К. К истокам постмодернизма: философский бунт Льва Шестова // Искусствознание. 1-2/09 (XXXV). — М.: Наука, 2009.
12. Никонова А.А. Имидж как объект управления // Справочник руководителя учреждения культуры. — 2007. — № 10.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Шейко А.Н., аспирантка, Дальневосточный государственный гуманитарный университет, методист по музейно-образовательной деятельности Дальневосточного художественного музея
Телефон-факс: (4212) 32-83-38

A. Sheyko, Post-graduate student, Far Eastern State Humanitarian University; Methodist, Far Eastern Art Museum

Научные интересы: культурология, музеология, изобразительное искусство

Areas of expertise: culturology, museology, fine arts

Политология

УДК 341(430)

Дашкевич Владимир Владимирович
Vladimir Dashkevich

ГЕРМАНСКАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: ВЫЗОВ ВРЕМЕНИ

THE CHALLENGE OF GERMAN SOCIAL POLICY MODEL

Рассмотрены основные аспекты формирования и реализации принципа «социального государства» в Германии. Определены особенности социальной рыночной политики государства, эффективность ее проведения в послевоенный период и на современном этапе развития

Ключевые слова: социальное государство, экономическое чудо, социальное равноправие, социальное неравенство, народный капитализм, общество всеобщего благосостояния

The article considers basic aspects of formation and implementation of “the social state” principle in Germany. The author determines features of national social market policy, speaks on efficiency of its implementation in the post-war period and at the present time

Key words: social state, economic miracle, social equality, social inequality, national capitalism, welfare society

Социально-экономическая и политическая эволюция Федеративной Республики Германия в течение последних шестидесяти лет выявила ряд характерных тенденций в общественном развитии, которые, на наш взгляд, следует учитывать при определении стратегических задач и тактических целей российского государства, провозгласившего себя, по конституции 1993 г., «социальным». Социальные тенденции Германии сформировали общую концепцию социального прогресса, ознаменовали собой качественно отличный этап в общественно-политическом и социально-экономическом развитии страны и ее регионов, связанный с формированием и дальнейшим функционированием такого государственного устройства нового типа, каковым является «социальное государство».

Однако современная социальная политика Германии вызывает ряд вопросов, связанных с эффективностью её дальнейшего проведения в рамках принципа «социального государства».

Германская модель социально-экономического развития может считаться одной из лучших политик XX в.: уже в 1950-1960-е гг. немецкий опыт был воспринят в Японии, а теперь страна занимает лидирующие позиции в мире по среднему душевому доходу, объёму экспорта и социальных расходов. Феномен «экономического чуда», соединивший в себе высокие темпы экономического роста и значительные социальные гарантии, стал хрестоматийным. Но Германия ищет новые пути развития, адекватные коренным изменениям в характере труда, ускоренной глобализации и современным демографическим переменам.

Социальная политика Германии не была неизменной последние 60 лет. Несмотря на то, что первые полтора десятка лет после войны прошли под лозунгом строительства социального рыночного хозяйства, теперь каждая партия перед выборами стремится показать свою приверженность принципам Людвиг Эрхарда (Людвиг Эрхард (нем. Ludwig Erhard, 4 февраля 1897,

Фюрт — 5 мая 1977, Бонн) — западногерманский экономист и государственный деятель). Значительные изменения в политике происходили после прихода к власти каждой новой партии.

Целесообразно определить особенности социальной рыночной политики Людвига Эрхарда в послевоенной ФРГ. Следует отметить, что политика 1950-1960-х гг. отличалась комплексным подходом к решению социальных проблем: использовались инструменты и для перераспределения, и для создания необходимых условий для экономического роста, а следовательно, дохода всего общества. Л. Эрхард писал: «Представляющийся мне идеал покоится на том, чтобы человек мог сказать: «У меня достаточно сил, чтобы постоять за себя, я хочу сам нести риск в жизни, хочу быть ответственным за свою собственную судьбу. Ты, государство, не заботься о моих делах, но предоставь мне столько свободы и оставь мне от результата моей работы столько, чтобы я мог сам и по собственному усмотрению обеспечить себе существование, мою судьбу и судьбу моей семьи» [3].

Таким образом, задачей государства в социальной сфере было не распределение социальных благ, а обеспечение условий деятельности индивидов, способных создавать эти блага и самостоятельно заботиться о себе. Этот принцип был положен в основу всей государственной политики и создал необходимые условия для «экономического чуда» («Экономическое чудо» (англ. Economic miracle) — образное наименование форсированно развивающейся экономики какой-либо страны или региона на протяжении некоторого времени). Важными составляющими политики в этот период были «народный капитализм» — система поощрения инвестиционной активности населения через «производственное соучастие» (например, распространение акций среди трудовых коллективов, приватизацию крупнейших национализированных предприятий), «диффузию собственности» (массовое акционирование через эмиссию «народных» акций с номиналом); и антикарательное законодательство (первый тако-

го рода закон был принят 4 июня 1957 г., а затем постоянно совершенствовался), защищающее мелкий и средний бизнес.

Особенностями этого периода были стабильность макроэкономических показателей и обеспечение условий для конкуренции (равные возможности получить образование, профессию, рабочее место), позволяющие индивидам реализовывать свои долгосрочные стратегии в социальной сфере, а следовательно, увеличить сбережения (инвестиции), обеспечить себе пенсию. Сам Л. Эрхард считал, что государство должно оказывать социальную помощь социально моральным установкам общества, если это касается действительно нуждающихся людей (инвалидов, сирот и т.д.), но поддерживать конкуренцию и бороться с иждивенческими настроениями. В этот период ценностями немецкого общества оставались высокая лояльность государства и стремление работать на благо всего общества. Необыкновенным примером может служить история налогообложения: несмотря на то, что к 1946 г. ставка подоходного налога составляла 95 %, он выплачивался полностью подавляющей частью населения. К середине 1960-х гг. бремя налогов снизилось до 35...40 %, а отношение к их выплате осталось прежним [3].

После отставки канцлера Л. Эрхарда во внутренней политике стали использовать методы экономического стимулирования. С этого времени социальные расходы уже не уменьшались в абсолютных показателях, а государство взяло на себя роль распределителя национального дохода. Социальные привилегии трудящихся были объявлены неприкосновенными, а набор социальных услуг постоянно рос вне зависимости от экономической конъюнктуры. Ярким примером защиты прав рабочих стало решение проблемы иностранной рабочей силы в Германии. Во время бурного экономического роста из-за нехватки рабочих рук был разрешён въезд в страну гастрабайтеров из юго-восточной Европы, и к середине 1970-х гг. в стране на постоянной основе проживало около 4 млн эмигрантов (11 % рабочей силы), но после нефтяных шоков государ-

тву оказалось накладно обеспечивать социальные расходы.

Было решено ограничить иммиграцию (нельзя принимать всерьёз предложение правительства о выплате рабочим, желающим вернуться на родину, разовой компенсации — никто не захотел покинуть самую богатую страну Европы).

Обратной стороной медали оказалось повышение налогов, приведшее к росту издержек на заработную плату. Хотя из соображений справедливости социальные налоги были поделены поровну между работниками и работодателями, но очевидно, что уменьшение спроса на рабочую силу привело к увеличению доли платежей занятых. Для защиты от экономической нестабильности приняты законы о защите от увольнений и тарифной автономии. С одной стороны, это привело к тому, что на рынке осталось только три крупных игрока: государство, профсоюзы и работодатели, что ослабило конкуренцию и позволило профсоюзам требовать повышения заработной платы, уменьшения рабочей недели, компенсаций при увольнении (или даже запрета на сокращение штатов).

С другой стороны, в профсоюзы входит не более трети активного населения, в основном, старшего возраста, что определяет их относительно одностороннюю позицию.

Третьей особенностью этого периода можно назвать стремление государства осуществлять перераспределение не по вертикали (уменьшать дифференциацию общества), а по горизонтали (внутри среднего класса). Проявлениями этой политики были гарантии сбыта для угледобывающих предприятий в 1960-е гг. (спад добычи угля произошёл во многих странах, и многие из них предоставили такие гарантии — более знаменит скандал по закупкам Пентагона угля из США для военных баз в ФРГ), искусственное сохранение рабочих мест в железнодорожном транспорте в 1970-е гг., стимулирование судостроительной отрасли в 1980-е и, наконец, политика сохранения «промышленных ядер» на территории бывшей ГДР. Мало того, что ресурсы вкладывались в явно неэффективные проекты, но

также вызывалась цепная реакция: работники других отраслей тоже требовали льгот и привилегий.

В Германии государство не вмешивается в семейную жизнь, объектом приложения политики выступают рабочие, безработные, малоимущие, студенты. Целью политики выступало сглаживание доходов между супругами. Несмотря на то, что отрицательный естественный прирост наблюдается в стране с 1972 г., правительство не проводило стимулирующей политики из-за сопротивления общества, в частности, молодежи.

Социальное рыночное хозяйство имеет целью «связать свободную инициативу с застрахованной рыночно-экономической системой социальным прогрессом». Федеральный министр экономики 1988-1991 гг. Хельмут Хаусманн говорил: «Неотъемлемая составляющая германской экономической системы — свобода человека. Рыночная экономика несовместима с системами, где центральные инстанции предписывают гражданам, как они должны жить. Она дает каждому шанс свободно проявить себя. Не инфантильный гражданин, а ответственно действующий человек нужен обществу». Социальное рыночное хозяйство ориентируется на социальное равноправие, но не на социальное равенство. Социальное неравенство — движущая сила экономических процессов, кто больше работает, должен больше зарабатывать. Социальное равноправие должно предотвращать попадание членов общества «под колеса жизни»: каждый имеет возможность принимать участие в общественной жизни, никто не отгорожен от общества, и каждый, кто что-то делает для общества (например, растит ребенка), поддерживается им [6].

В настоящее время доля социальных услуг в совокупном общественном продукте Германии (квота социальных услуг) составляет свыше 30 %. Почти треть услуг приходится на пенсионное страхование, более 20 % — на предписанное законом страхование на случай болезни. Оказывая эти услуги, государство стремится выполнить положение Основного закона. Согласно

Конституции ФРГ ст. 20, п. 1, Германия является демократическим и социальным государством. Цель социального государства – не всестороннее обеспечение и обслуживание человека. Наоборот, оно строится на индивидуальных правопритязаниях, добытых в результате собственного труда. С этой целью разработан широкий спектр социальных законов, которые охватывают обеспечение по болезни, старости и в связи с несчастным случаем, вплоть до пособия на детей, на частичную оплату жилья или по безработице.

Однако, несмотря на высокие стандарты социальной помощи, современный этап социальной политики Германии, по нашему мнению, можно определить как кризис прежней модели социально-экономического развития. На наш взгляд, связано это со следующими обстоятельствами.

Прежде всего, налоговое бремя достигает 80 % от дохода населения, высокая безработица носит хронический характер, распределение действует неэффективно и непрозрачно, качество общественных услуг не соответствует требованиям времени. Общество теперь требует от государства поддержания всех его обязательств, притом, что оплачивать их никто не стремится. Самым обычным делом стали поиски «лазеек» в законодательстве для уменьшения налогов, а крупнейшие компании зачастую добиваются для себя привилегий. Общественный сектор достиг 60 % ВВП, но управляется крайне неэффективно, примером чего может служить приватизация компании «Deutsche Telekom» в конце 2007 г. Так, отмечает Б.Е. Зарицкий, после появления конкурентов и акционирования цена услуг связи упала на 90 %, а услуги мобильной связи подешевели на 20,5 % за 1997-1999 гг. [1].

В пенсионной сфере неофициально провозглашена политика «договора по-

колений», когда пенсионные отчисления производятся из доходов работающего населения. Но при общем демографическом старении и снижении пенсионного возраста для отдельных групп населения на 3...5 лет налоговая нагрузка резко возростала, и средств для выплат из пенсионного фонда не хватает.

Таким образом, прежняя модель социальной политики показывает свою неэффективность и не может справиться с вызовами времени. По мнению ряда авторов, одной из причин такой социальной политики является то, что она могла действовать только в специфических условиях послевоенной Германии [2]. Так, например, А.Ю. Чепуренко отмечает: «Послевоенная Германия была обществом с крайне малочисленными категориями неработающего населения... [поэтому] открытие возможностей для предпринимательского старта, поощрение малого и среднего бизнеса было наилучшей формой социальной политики» [2]. Следует согласиться с этим, но в свою очередь эффективная социальная политика должна иметь потенциал длительного развития.

Необходима глубокая модернизация, и сохранит ли она черты прежней модели или окажется принципиально новой, покажет ближайшее время. Важно отметить, что система социальной защиты в Германии сложилась за многие годы. Ее высокая эффективность признается и определяется такими достижениями, как «благополучие для всех, превращение Германии в своеобразное акционерное общество («народный капитализм»), обеспечение условий для здоровой конкуренции на благо общества, высокие стандарты социальной помощи», что является несомненным успехом стремления к обществу всеобщего благополучия.

Литература

1. Зарицкий Б.Е. Экономика германии: путь по лестнице, ведущей вниз. – М.: «Юрист», 2003.
2. Ковалев С.Н. История национального успеха или история национального провала? Материалы интернет-конференции «Социальное рыночное хозяйство: концепция, практический опыт

и перспективы применения в России» // [Электронный ресурс] www.ecsoeman.edu.ru

3. Синицын М.В. Основные черты германской модели социальной политики / Материалы интернет-конференции «Социальное рыночное хозяйство: концепция, практический опыт и перспективы применения в России» // [Электронный ресурс] www.ecsoeman.edu.ru

4. Социальное рыночное хозяйство в Германии: истоки, концепция, практика / Под ред. А.Ю. Чепуренко. – М.: РОССПЭН, 2001.

5. Эрхард Л. Благосостояние для всех / Пер. с нем. – М.: Начала-Пресс, 1991.

6. Opielka M. Leitlinien einer sozialpolitischen Reform // Aus Politik und Zeitgeschichte. – Nr. 50. – 1997; <http://www.bundestag.de/dasparlament/>.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Дашкевич В.В., аспирант, Красноярский государственный аграрный университет (КрасГАУ)
vvdrus86@mail.ru

V. Dashkevich, Post-graduate student, Department of the Theory and History of the State and Law, Krasnoyarsk State Agrarian University

Научные интересы: изучение и исследование концепции социального государства

Areas of expertise: concept of the social state

УДК 321

Очирова Виктория Мункоевна
Victoria Ochirova

ПОНЯТИЕ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА» В КОНТЕКСТЕ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

TO THE PROBLEM OF THE «POLITICAL ELITE» NOTION

Одним из актуальных вопросов в современной элитологии является формирование единого терминологического аппарата. В отечественной и зарубежной научной литературе исследователями предлагаются разнообразные трактовки понятий «элита», «политическая элита», которые вызывают затруднения при идентификации базовых для элитологии терминов. Представляет интерес провести анализ существующих в литературе определений и выявить подходы, применимые к выделению политической элиты

Ключевые слова: элитология, элита, политическая элита, понятийный аппарат

One of the most acute problems of the modern elitology is the formation of the single terminology apparatus. The researchers of the patriotic and foreign scientific literature give different tracts for the notions of «elite» and «political elite», difficult for the basic elitology term identification. The analysis of the definitions and terms and determination of political elite search approaches are of interest

Key words: Elitology, elite, political elite, notion apparatus

Термин «элита» (от латинского «eligere» – выбирать) в современной литературе получил широкое употребление, от французского слова «elite» – лучший, отборный, избранный. Только с XVI в. слово приобрело данный вид (ранее оно выглядело как «eslite», XII в.) [4; С. 132]. Первоначальное употребление понятия в близком к современному смыслу относится к XVII в., когда им стали обозначать товары наивысшего качества. В XVIII в. термин уже использовался для наименования избранных людей. Так, во французском словаре «Ларусс» даются следующие примеры данного словоупотребления: «Лучшая, выдающаяся (изысканная) элита парижского общества. <...> Жандармерия является лучшей (отборной) частью французских солдат. <...> Элитный, чрезвычайно изысканный, выдающийся, предпочтительный. Изысканный мужчина, изысканная женщина, порода. Соколы элитных пород замечательны своей храбростью, умом и мощью своего полета»

[4; С. 133]. С XIX в. понятие широко используется и в селекции, генетике, семеноводстве для обозначения наилучших семян, растений, животных. В начале XX в., с появлением теории элит Вильфредо Парето, термин «элита» вводится в широкий научный оборот и преимущественно употребляется для наименования группы лиц, находящихся на вершине социальной иерархии.

В нашей стране всестороннее изучение проблем элиты началось лишь с распадом СССР в начале 1990-х гг. Ранее в советской научной литературе термин «элита» в основном фигурировал в духе «критики буржуазной социологии» в виду того, что разработка элитологической проблематики находилась под запретом, а само существование элиты в советском обществе категорически отрицалось. Тем не менее, появление данного слова в советских научных изданиях фиксируется с 1930-х гг. [4; С. 136]. Несмотря на существовавшие затруднения при изучении данного направления в политологии,

анализ правящих слоев СССР осуществлялся за рубежом политическими эмигрантами — М. Восленским, А. Авторхановым, М. Джиласом, которые положили начало изучению базовых для элитологии вопросов, в том числе и определению понятия элиты, ее специфических признаков.

Всплеск интереса к элитологической проблематике в нашей стране наблюдается в постсоветский период, когда развернулись бурные дискуссии о понятии «элита», особенностях рекрутирования политической элиты, ее ценностных ориентациях, качественных характеристиках и т.д. Изучение литературы, посвященной проблемам элит, приводит к выводу, что среди исследователей нет единства по поводу понятийного аппарата элитологии. Существует большое количество определений понятий «элита», «политическая элита», причем часто не совпадающих друг с другом. Некоторые авторы вообще уходят от употребления слова «элита» и предлагают заменить его иными понятиями. Между тем, для научного изучения проблем элиты и проведения качественных исследований в данной области крайне важно четко определиться с терминологией.

В «Трактате о всеобщей социологии» Вильфредо Парето, который и ввел в научный оборот термин «элита», определил ее как лиц, получивших наивысший индекс в своей области деятельности, достигших высшего уровня компетентности, занимающих высокое положение соответственно степени своего влияния, политического и социального могущества. Так называемые «высшие классы», по его мнению, и составляют элиту, «аристократию» (в этимологическом значении слова: «aristos» — лучший). Те члены данного класса, которые прямо или косвенно играют заметную роль в правительстве, составляют правящую элиту, остальные являются контрэлитой. Подход к определению элиты Парето сформулировал так — допустим, что во всех областях деятельности каждый индивид получает индекс своих способностей, приблизительно так, как ставят оценки на экзаменах. Таким образом, мы составим класс тех, у

кого самые высокие индексы в их сфере деятельности, и назовем это элитой.

Другой основоположник теории элит, итальянец Гаэтано Моска, считал, что элита — это наиболее активные в политическом отношении люди, ориентированные на власть, организованное меньшинство, осуществляющее управление неорганизованным большинством. Вместо понятия «элита» Г. Моска использовал категорию «правящий класс», которая демонстрировала, что наряду со свойствами, отличавшими его представителей от остальных (в частности, богатством, военной доблестью, происхождением или владением искусством управления), главной причиной его властного могущества являлась высокая степень внутренней организованности и сплоченности данной группы.

Существуют и другие определения элиты: люди, обладающие высоким положением в обществе и благодаря этому влияющие на социальный процесс (Дюпре); «высший господствующий класс», лица, пользующиеся в обществе наибольшим престижем, статусом, богатством; лица, обладающие наибольшей властью (Г. Лассуэлл); лучшие, наиболее квалифицированные представители определенной социальной группы; люди, обладающие интеллектуальным или моральным превосходством над массой безотносительно к своему статусу (Л. Бодэн); люди, обладающие наивысшим чувством ответственности (Ортега-и-Гассет); лица, обладающие позициями власти (А. Этциони); чиновники высшего звена, обладающие формальной властью в организациях и институтах и диктующие правила организации жизни в обществе (Т. Дай); меньшинство, осуществляющее наиболее важные функции в обществе, имеющее наибольший вес и влияние (С. Келлер); «богдохновенные» личности, которые откликнулись на «высший призыв», услышали «зов» и почувствовали себя способными к лидерству (Л. Фройнд), харизматические личности (М. Вебер), творческое меньшинство общества, противостоящее нетворческому большинству (А. Тойнби); сравнительно небольшие группы, которые

состоят из лиц, занимающих ведущее положение в политической, экономической, культурной жизни общества (соответственно политическая, экономическая, культурная элиты) (В. Гэттсмен и другие теоретики элитного плюрализма); наиболее квалифицированные специалисты, прежде всего из научной и технической интеллигенции, менеджеров и высших служащих в системе бюрократического управления (представители технологического детерминизма); люди, обладающие качествами, которые воспринимаются в данном обществе как наивысшие ценности (сторонники ценностной интерпретации элиты); лица, осуществляющие в государстве власть, принимающие важнейшие решения и контролирующие их выполнение посредством бюрократического аппарата (Л. Сенистебан); деятели, занимающие такие социально-политические позиции, которые дают им возможность возвыситься над средой обыкновенных людей и принимать решения, имеющие крупные последствия (Р. Миллс); люди, занимающие высшие места в обществе благодаря своему биологическому и генетическому происхождению (Р. Уильямс); лица, получающие материальные и нематериальные ценности в максимальном размере (Дж. Бернхейм).

Социологи А. Сванн, Дж. Мэнор, Э. Куинн, Э. Райс полагают, что: «элиты по определению – люди, которые контролируют большую долю материальных, символических и политических ресурсов общества, чем любая другая страта общества. Они занимают высшие посты в иерархии статуса и власти, полученные им аскриптивно (по предписанному статусу) или ресептивно (благодаря собственным заслугам). Элита – те люди, которые занимают высшие властные позиции, контролируют большую часть собственности и имеют наивысший престиж» [1; С. 42].

Отечественные исследователи также высказывают различные точки зрения по поводу понимания термина «элита». Так, один из ведущих исследователей в области элитологии О.В. Крыштановская считает, что «элита – это правящая группа обще-

ства, являющаяся верхней стратой политического класса. Элита стоит на вершине государственной пирамиды, контролируя основные, стратегические ресурсы власти, принимая решения общегосударственного уровня. Элита не только правит обществом, но и управляет политическим классом, а также создает такие формы организации государства, при которых ее позиции являются эксклюзивными. Политический класс формирует элиту и в то же время является источником ее пополнения» [5; С. 73]. И.Е. Дискин под элитами понимает «людей, принимающих стратегические решения, непосредственно влияющих на этот процесс, включая, естественно, противодействие принятию таких решений. Отсюда следует, что к элитам относятся группы людей, как в Центре, так и в регионах России, включенные и в правящие, и в оппозиционные структуры, профессиональные союзы, армию, правоохранительные органы и т.д.» [3; С. 10]. Э.Э. Буренкова определяет элиту как «совокупность индивидов, обладающих властью, принимающих решения относительно содержания и распределения основных ценностей в обществе. Это те, кто в различных сферах деятельности находятся на вершине иерархии, кто занимает какие-либо важные привилегированные позиции в силу своего престижа или богатства. Политическая элита – это тот круг лиц, который действительно осуществляет государственную политику либо непосредственно, либо в силу решающего воздействия на принятие решений» [2; С. 4]. Н.В. Работяжев, вслед за Т. Боттомором, под элитой понимает «тех людей, которые фактически осуществляют власть в обществе в определенный отрезок времени. Политическая элита есть тот слой элиты, который участвует в принятии политических решений (или может влиять на этот процесс) и контролирует их реализацию» [7; С. 18].

Российские исследователи К. Миккульский, Л. Бабаева и др., обобщив и выделив из 140 научных работ (в основном, зарубежных), приводят следующее определение элиты: «Элита общества – это социальный слой, обладающий таким положением

в обществе и такими качествами, которые позволяют ему управлять обществом, либо оказывать существенное воздействие на процесс управления им, влиять (позитивно или негативно) на ценностные ориентации и поведенческие стереотипы в обществе и, в конечном счете, более активно, результативнее, чем все другие слои общества, участвовать в формировании тенденций развития общества, ... одновременно обладая гораздо большим, чем другие группы, суверенитетом в формировании своего собственного положения» [6; С. 5].

Итак, среди отечественных и зарубежных исследователей нет единства в понимании терминов «элита», «политическая элита». Более того, в исследованиях, посвященных элитологической проблематике, широко используются такие понятия, как лидерство (Е.Б. Шестопал, В.Д. Виноградов, Н.П. Пищулин, Г.Г. Силласте и др.), бюрократия (В.К. Борисов, В.П. Макаренко, Е.В. Охотский, П.Д. Павленок, В.Г. Смольков и др.), правящий класс (Ю.Е. Волков, Н.В. Романовский, Н.А. Головин, В.Н. Титов и др.), номенклатура (М. Джилас, М.С. Восленский), а также политический класс, властвующая элита, правящая элита, руководящее меньшинство и др., что явно не добавляет определенности в понятийный аппарат. Также отмечается тенденция к абсолютизации понятия «элита», которое стало применяться ко всем причастным к власти или капиталу.

Для решения существующей проблемы предлагаются два главных подхода: ценностный и структурно-функциональный. Согласно первому подходу, существование элиты объясняется «превосходством» (интеллектуальным, моральным и т.п.) одних людей над другими. Сторонники ценностного подхода при определении критериев для выделения элиты отдают предпочтение критерию достоинств, заслуг, согласно которому властвующая элита должна состоять из наиболее достойнейших, выдающихся, высокоморальных людей.

Согласно второму подходу, существование элиты объясняется исключительной важностью функций управления для об-

щества, которые детерминируют исключительность роли людей, выполняющих эти функции (причем выполнение данных функций осуществляется меньшинством). Для выделения элиты сторонники функционального подхода важнейшим считают альтиметрический критерий (по Дж. Сартори), согласно которому элитная группа является таковой потому, что располагается по вертикальному разрезу строения общества «наверху» и предполагается, что тот, кто наверху, тот и властвует.

Следует согласиться с Г.К. Апиным [1; С. 48], который утверждает, что ценностный подход более применим при идентификации культурной элиты, где можно выделить наиболее выдающихся и достойнейших лиц, а в политологии, политической социологии при определении политической элиты необходимо руководствоваться структурно-функциональным подходом. Действительно, если попытаться применить так называемый «морализаторский» подход к определению политической элиты, то можно прийти к удручающим выводам, как Ж.Т. Тощенко, который констатировал: «Смею утверждать, что нами правят — и в политике, и в экономике — не элиты, а группы людей, к которым наиболее применимы и соответствуют их духу, целям и методам работы такие понятия, как «клики», «кланы», «касты». Они характеризуют специфические социальные образования, сплоченность которых базируется на корпоративном сознании, групповых, а не общественных интересах» [8; С. 130]. Тем самым исследователи пока, к сожалению, не могут использовать ценностный подход при выявлении политической элиты. Поэтому большинство современных элитологов совершенно справедливо рассматривают политическую элиту как группу лиц, стоящих у власти, безотносительно к их моральным и иным качествам. Другой вопрос: следует ли этих лиц называть элитой, так как согласно этимологии слова они все-таки должны быть лучшими, избранными. Отсюда и попытка многих исследователей найти замену этому термину — правящий класс, правящая верхушка, господствующая

щий класс, руководящее меньшинство и т.д., которая ни к чему, кроме путаницы, не приводит. Между тем, словосочетание «политическая элита» можно назвать устоявшимся в современной элитологии, оно применяется в подавляющем большинстве как отечественных, так и зарубежных исследований. Сегодня элитологи в основном уточняют понятие, тем самым, пытаются прийти к единообразию в терминологии.

Итак, определение понятия «политическая элита» является сложной проблемой. Учитывая накопленный теоретический потенциал элитологии, на наш взгляд, политическую элиту можно определить как немногочисленную группу лиц, находящуюся на вершине социальной иерархии, профессионально занимающуюся деятельностью в сфере власти и управления государством (партиями, другими политическими институтами), которая концентрирует в своих руках значительный объем политической власти и принимает стратегические решения общегосударственного уровня (или может влиять на этот процесс).

Важнейшими функциями политической элиты в сфере управления государством и обществом являются:

– стратегическая (определение основных направлений государственной политики, отражающих интересы различных

социальных групп и всего общества в целом);

– организаторская (осуществление на практике выработанного государственного курса, воплощение политических решений в жизнь);

– интегративная (укрепление стабильности и единства общества, устойчивости его политической и экономической систем, профилактика и разрешение конфликтных ситуаций) и др.

Таким образом, несмотря на то, что слово «элита» появилось сравнительно недавно, в научных исследованиях, посвященных элитологической проблематике, можно наблюдать значительное количество различных толкований данного термина, которые не отличаются единством в его понимании. Кроме того, определенные затруднения вызывает и понятие «политическая элита», которое порождает бурные дискуссии, касающиеся выделения характерных качеств данной элиты, отличающих их от других социальных групп, а также правомерности употребления понятия по отношению к социальному слою, находящемуся на вершине социальной пирамиды. Наличие данных фактов можно отчасти объяснить сравнительно молодым возрастом элитологии как науки, которая в данный момент еще находится на стадии становления.

Литература

1. Ашин Г. О понятии «элита» и не только // Власть. – 2005. – № 11. – С. 40-54.
2. Буренкова Э.Э. Трансформации общества и внутренние характеристики элитных групп // Мир России. – 1995. – № 3-4. – Т. 4. – Социология, этнология, культурология. – С. 3-24.
3. Дискин И.Е. Элиты как субъекты российских реформ // Вестник московского университета. Сер. 12. Политические науки. – 1996. – № 1. – С. 10-17.
4. Дука А. «Элита» и элита: понятие и социальная реальность // Общество и экономика. – 2008. – № 6. – С. 132-146.
5. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. – М.: Захаров, 2005. – 384 с.
6. Миккульский К.И., Бабаева Л.В., Таршиш Е.Я. и др. Российская элита: опыт социологического анализа. – М.: Наука, 1995. – Ч. 1. – Концепция и методы исследования. – 41 с.
7. Работяжев Н.В. Механизмы рекрутирования и воспроизводства политической элиты в посткоммунистической России // Проблемы политической трансформации и модернизации России. – М.: МОНФ, 2001. – С. 18-47.
8. Тощенко Ж.Т. Элита? Клань? Касты? Клики? Как назвать тех, кто правит нами? // Социологические исследования. – 1999. – № 11. – С. 123-133.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Очилова В.М., канд. полит. наук, Бурятский государственный университет (БГУ)
Сл. тел.: 8(3012)21-05-62

V. Ochirova, Candidate of Political Science, Doctoral Candidate, Philosophy Department, Buryat State University

Научные интересы: проблемы эволюции политических элит в постсоветский период: особенности формирования, рекрутирования, функционирования, ценностных ориентаций, социально-демографических характеристик политической элиты в полиэтнических регионах России

Areas of expertise: problems of political elite evolution in the post-soviet period: the peculiarities of formation, recruiting, functioning, value orientations, socio-demographic characteristics of the political elite in the polyethnic regions of Russia

УДК 316.6

Романова Нелли Петровна
Nelly Romanova

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА РОССИИ: ОБЩАЯ СИТУАЦИЯ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ МИГРАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

DEMOGRAPHICAL DYNAMICS IN RUSSIA: GENERAL SITUATION AND REGIONAL MIGRATIONAL ASPECT

Рассматриваются основные составляющие демографической динамики России последних десятилетий. Как способ демпфирования общей кризисной демографической ситуации показано, что представленная историей возможность привлечения в страну русских иммигрантов из республик бывшего СССР в 90-х гг. прошлого столетия практически не была использована, а миграционная политика России противоречила ее интересам. Складывающаяся ситуация с концентрацией китайских предпринимателей и трудовых мигрантов в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке позволяет рассматривать ее как нарастающую экономическую экспансию Китая, ведущую к нарушению этнодемографического баланса России и возникновению проблем сохранения государственности в том виде, как она исторически сложилась

Ключевые слова: демографическая динамика, рождаемость, смертность, миграционное saldo, иммиграционная компонента, экономическая экспансия, этнодемографический баланс

In the article main components of demographical dynamics in Russia of recent decades are described. Inefficiency of measures applied for its stabilization is proven. The author speaks on general demographical situation and regional migrational aspect. The main problem is the high concentration of Chinese entrepreneurs and immigrants in the Eastern Siberia and on the Far East. It can be considered as an economical expansion resulting in disturbed ethnodemographical balance in Russia

Key words: demographical dynamics, birth rate, death rate, migrational balance, immigration component, economical expansion, ethnodemographical balance

Статья подготовлена при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям (государственный контракт № 02.740.11.0363).

Результаты социально-экономических преобразований в России, связанные с радикально-либеральными реформами начала 90-х гг. XX столетия, со всей очевидностью показали, что русский этнос находится в глубочайшем кризисе, возможно, самом серьезном и опасном за всю свою историю. Его проявления фиксируются в потере контроля над своими исконными территориями, падении уровня жизни, в изменениях, воз-

можно, необратимых, в сознании этноса, изменениях его внутренних качеств: в утрате национальной самоидентификации — русского «я», утрате национальной гордости и чести. Эти изменения проявляются в утрате инстинкта самосохранения, выразившейся в небывалом доньше разгуле пьянства и взрывном росте наркомании, полностью вышедших из-под контроля и захвативших практически всю территорию страны, в росте числа самоубийств, в полной потере сопротивляемости и нежелании защищаться и отстаивать свои права.

С началом радикально-либеральных реформ Российская Федерация вступила в

продолжающийся по сей день период масштабной депопуляции. За два десятилетия, начиная с 1989 г., когда население Российской Федерации составляло 147 млн чел., к 2002 г. оно сократилось до 145,1 млн, а в первом полугодии 2009 г. составляло уже 141,9 млн чел. [1].

Падение рождаемости происходит на фоне неуклонного снижения продолжительности жизни, начавшегося с 60-х гг. прошлого столетия. В начале 90-х гг. кривые смертности и рождаемости в стране пересеклись. С этого времени фактически началось вымирание населения. Русских при этом вымирает больше, чем представителей других национальностей страны. Это статистический факт. При сокращении населения Российской Федерации с 1989 по 2002 гг. на 1,3 % убыль русских составила 4 млн (со 120 до 116), или 3,35 %. Если в 1979 г. доля русских в населении России составляла 82,6 %, в 1989 г. — 81,5 %, то в 2002 г. она снизилась до 79,8 % [2].

С 2009 г. вплоть до 2018 г. прогнозируется уменьшение численности населения трудоспособного возраста на 1,2...1,4 млн в год, что повлечет за собой обвал численности населения, из которого формируются репродуктивные, воинские и образовательные контингенты. В частности, численность 18-летних мужчин к началу 2016 г. уменьшится вдвое.

Сопоставляя приведенные демографические показатели, становится очевидным, что данная ситуация грозит русскому этносу смертельной опасностью. Вероятные прогнозы на ближайшие 10...20 лет, при условии, что все останется так, как есть, самые неутешительные: к 2050 г. постоянное население страны убудет на 20 млн и составит 121,2 млн чел. Это не просто цифры. В прогнозе динамики экономического развития России до 2050 г., представленном правительству РФ бывшим министром экономического развития Г. Грефом [2], учитываются и демографические предположения, согласно которым население страны к окончанию расчетного периода будет составлять 120 млн чел. — как раз столько, сколько и обещает наиболее пессимисти-

ческий сценарий. То есть борьбу с депопуляцией долгосрочный план министерства не предусматривает. Некоторые эксперты ООН предрекают еще более суровый сценарий, согласно которому население России к середине текущего столетия не превысит 100 млн чел.

Сохраняющаяся в ряде властных структур и общественных институтов недооценка возможных последствий современных параметров демографического развития страны объясняется тем, что они еще не воспринимаются как катастрофические, поскольку динамика ухудшения носит пока эволюционный характер.

Известно, что демографическую динамику любого государства определяют следующие основные компоненты: показатели рождаемости, естественная убыль населения, показатели миграционного сальдо.

В октябре 2006 г. в Москве прошла Всероссийская научная конференция «Национальная идентичность России и демографический кризис», организованная Российской академией наук при поддержке журнала «Власть» [3].

Российский писатель и журналист Б.А. Руденко, изложивший свои размышления о проблеме после работы конференции в статье «Исчезающая Россия. Заметки с всероссийской конференции по демографии», отмечает, что в качестве одного из важнейших выводов, несмотря на некоторые различия в подходах к проблеме, участники конференции единодушно определили следующий. Основным фактором трагедии вымирания населения России является духовное состояние общества. Ощущение беспомощности, незащитности перед криминалом, коррумпированными правоохранительными структурами и чиновничеством, полная неопределенность даже самого ближайшего будущего становятся для людей привычными. Разрушительные последствия многих социальных преобразований приводят к формированию стойкого убеждения в том, что практически любое действие законодательных и исполнительных органов приводит лишь к ухудшению условий жизни. «Размазанное» по году двух-трехразовое

повышение пенсий создает иллюзию социальной заботы, хотя на самом деле все повышения «съедаются» инфляцией, непомерным ростом налогов и сборов, тарифов ЖКХ, стоимости продуктов питания и лекарств, других товаров и услуг.

Капиталистический рынок, в том виде, в котором он сложился в России, губителен для страны и ее населения. Современная модель российской рыночной экономики, ориентированной только на рост прибылей, неприемлема для русского этноса, антисемейна и направлена против рождаемости. Неспособность государства побудить население поверить в то, что у нерожденного поколения есть хоть какие-то гарантии на достойную жизнь, так и не позволит этому поколению появиться на свет.

Не дают ожидаемых результатов принятые общенациональные программы возрождения. Первая из них (и, возможно, важная) — «Доступное жилье» — фактически рушится, столкнувшись с реалиями сложившихся в России монопольно-криминальных отношений на рынке жилья и в жилищном строительстве, изменить которые власть не в силах. Этому же способствует экономический кризис, обнаживший эти реалии еще в большей мере. В то же время опросы показывают, что для молодой семьи на первом месте по важности бытия стоит жилье. На втором — зарплата и только на третьем — различные пособия, связанные с рождением детей, тем более, что обещанных 250 тыс. руб. (в настоящее время 343) после рождения второго ребенка сегодня хватает лишь на приобретение пяти-шести метров жилья. По мнению завсектором Института социологии РАН В. Мукомеля [4], «и зарубежный, и советский опыт демонстрирует: попытки материально стимулировать рождаемость вызывают отклик либо у маргинальных групп населения, либо у представителей этнических групп, которые и так образуют многодетные семьи; для среднего класса это не мотивация».

Только 7 % российских семей воспитывают по три ребенка и более, 28 % — по два, 65 % — по одному. Опросы молодежи демонстрируют угасание потребности ин-

дивида и семьи в детях. Среди однопородных только 33 % семей планирует завести второго ребенка, среди двухдетных — только 7 % думают о рождении третьего [3]. Однако и эта заявленная потребность реализуется лишь на четверть. Сегодняшнее поколение юношей и девушек, если их намерения не изменятся, будут иметь детей в два-три раза меньше, чем поколение их родителей. И это самый точный прогноз рождаемости.

Простое воспроизводство населения обеспечивается в том случае, если поддерживается статистический показатель 2,15 рождений на одну женщину. В последние годы существования СССР этот показатель составлял 1,9, в сегодняшней России — 1,3. Для поддержания численности населения на уровне 143...144 млн чел. необходимо, чтобы в течение 2006-2025 гг. среднегодовые величины рождаемости не были ниже 1,54 млн, смертности не более 2,03 млн чел.

То же духовное состояние общества отчетливо проецируется и в показателях смертности населения. В среднем за четыре года нового, XXI в. число умерших по сравнению с аналогичным предыдущим периодом увеличилось на 220 тыс. и держится на отметке в 2,3 млн чел., причем ежегодная сверхсмертность мужчин трудоспособного возраста достигает почти 400 тыс. чел. Молодые мужчины умирают почти в 3 раза чаще, чем их сверстницы. Причины общеизвестны. Это «болезни» современной цивилизации: алкоголь, наркотики, преступность, психические и сексуальные расстройства. Все сказанное может привести к потере трудовых ресурсов в течение 2006-2020 гг. на уровне 6 млн чел.

Таким образом, в России с 1992 г. происходит депопуляция, вызванная и низкой рождаемостью, и высокой смертностью. При этом от естественной убыли населения основные потери несут русские: их реальная, а не переписная численность сократилась на 7 % (переписная — на 3,3 %), тогда как всего населения страны только — на 1,3 %. В результате за последние 15 лет произошло резкое сокращение государствообразующего этноса, что при сохране-

нии подобных тенденций может привести к взрывному возникновению острейших геополитических проблем.

Приведенные данные позволяют сформулировать вывод, предполагающий постановку традиционного для России вопроса: что делать? Очевидно, что необходимо принимать неотложные меры сначала по стабилизации двух составляющих демографической динамики (рождаемости и смертности), а затем и обращению векторов их развития. Понятно, что это сложнейшая государственная задача и, если учесть, что названные составляющие демографической динамики крайне инерционны, принимать эти меры следует уже «вчера».

Простые рассуждения показывают, что в какой-то мере демпфировать общую кризисную демографическую ситуацию может выверенная миграционная политика за счет формирования положительного миграционного сальдо. Поэтому остановимся на третьей составляющей демографической динамики — миграции, причем на ее иммиграционной компоненте, оставляя за кадром эмиграционную.

Были ли в мировой истории прецеденты, когда эффективная миграционная политика спасала государственность? Были.

Масштабное переселение в начале XVIII в. «организовал» прусский король Фридрих, когда эпидемия чумы сократила население Европы практически наполовину. В восточную Пруссию (ныне Калининградская область РФ) из разных европейских государств зазывались крестьянские семьи. Условия соглашавшимся на переезд предлагались более чем лояльные: всем гарантировалось сохранение языка и веры. «Жилищный вопрос» решался просто: можно было занимать пустые после эпидемии дома. Из королевской казны каждая семья получала земельный надел, пайку зерна, лошадь, корову и более мелкую домашнюю живность. Кроме того, семья на три года освобождалась от всех поборов и податей. Если за три года подворье не разрасталось, т.е., как считалось, семья оказалась неработающей, ее безжалостно изгоняли. Если дела шли успешно — налоговые льготы про-

длевали еще на пять лет [5].

В результате только в течение первого года миграционной «кампании» на восточные земли Пруссии переселились более 12 тыс. семей.

Пример из российской истории. Императрица Екатерина II в середине того же века (1763 г.) издала знаменитый «Манифест о даруемых иностранным переселенцам авантажах и привилегиях», приглашая их занять российские земли. «Авантажи» и «привилегии» были заимствованы у Фридриха Прусского: свобода вероисповедания, освобождение от воинской повинности, льготы по уплате налогов.

Екатерина понимала и требовала: «Чтобы для немцев жизнь в России стала мечтой, необходимо предоставить им более благоприятные условия, чем они имели у себя на родине, и чиновники получили от императрицы четкое руководство к действию: «Мы нуждаемся в населении. Заставьте, если возможно, кишмя кишеть народ в наших просторных пустынях».

Такая четкая и выверенная миграционная политика принесла и эффективные результаты: через шесть лет в Поволжье было уже 120 немецких колоний-переселений. Спустя столетие — более 500.

Более близкие исторические примеры — это опыт послевоенных Германии, Франции и Японии. Франция времен генерала де Голля приняла исторически правильное решение уйти из Северной Африки, поскольку в то время она находилась в трудном экономическом положении. Тогда на родину переселились 1,5 млн французов и часть сотрудничавших с ними арабов (3,3 % к численности населения Франции), что тяжким грузом легло на бюджет страны с числом жителей менее 45 млн чел. Разгромленная Германия с разоренной экономикой вернула в исходные границы Третьего рейха более 10 млн этнических немцев. Это увеличило население страны примерно на 15 %. Разоренная Япония после капитуляции репатриировала из районов оккупации Китая, Кореи, Юго-Восточной Азии и Южного Сахалина около 4,5 млн чел., что увеличило население страны на 5...6 % [6].

Россия могла бы позаимствовать характер отношения этих стран к своим соотечественникам. Начиная с 90-х гг. прошлого века, после распада СССР по ряду причин она оказалась привлекательной для населения бывших союзных республик: именно отсюда в Россию направились основные потоки иммигрантов. Для русских и русскоязычных она оставалась исторической родиной, куда они стремились вернуться, особенно под влиянием неблагоприятных обстоятельств. Что касается представителей титульных национальностей, то в числе причин, побуждающих их покинуть свои страны, были низкая, не соответствующая прожиточному минимуму, оплата труда, не позволяющая содержать семью; высокие уровни безработицы, не говоря уже о полном отсутствии работы, особенно в небольших населенных пунктах; аграрное перенаселение и бедность в сельских местностях; проблемы с жильем; разрушение систем социального обеспечения и отсутствие хотя бы намеков на социальное государство; знание русского языка и известная близость менталитетов как наследие советской эпохи, кажущаяся гарантией того, что «все будет хорошо».

Однако, как можно судить по выводам, к которым пришли эксперты Международной организации по миграции (МОМ) на основе исследования эффекта от принятых в РФ законов «О гражданстве Российской Федерации» и «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», по намерениям русских, оказавшихся за границей в результате ликвидации СССР, переселиться в Россию был нанесен тяжелый удар.

В итоге, к 2002 г. — своего рода кульминации этого процесса — лишь 1300...1600 тыс. переселенцев сумели получить официальный статус вынужденного переселенца или беженца, суливший мизерные льготы, и только 500 тыс. из них эти льготы были реально предоставлены. Согласно полученным результатам, в 1989—2004 гг. в Россию из ближнего зарубежья прибыло 5430 тыс. русских, из которых свыше 2 млн затем вернулись обратно, столкнувшись на истори-

ческой родине «не только с материальными трудностями, но и с неблагоприятным отношением со стороны государства» [7].

Согласно оценкам МОМ, около 5 млн вынужденных переселенцев и беженцев были тогда фактически признаны нелегально находящимися в стране иностранцами, что явно демонстрировало неостребованность потенциала иммигрантов-соотечественников на их исторической родине. Эти «нелегалы» делились на следующие группы: 65 % составили лица, по сути дела смирившиеся со статусом временного трудового мигранта и готовые вернуться в страны исхода; 7 % намеревались использовать Россию в качестве транзитного коридора и уехать на Запад; и только 28 % все еще готовы были остаться в России навсегда, надеясь, в конце концов, получить гражданство [6].

Масштабы понесенных в итоге потерь человеческого капитала и прямого ущерба для российской экономики, цена фактического отказа от привлечения соотечественников для восполнения потерь от естественной убыли населения и «утечки умов», не говоря уже о чисто человеческих трагедиях, до сих пор остаются неисследованными. В 1990-е гг. миграционная политика РФ, по сути, была направлена на сдерживание притока мигрантов. Как подчеркивает Л. Рыбаковский, «Россия в те годы проводила миграционную политику, противоречащую ее национальным интересам» [7].

Теперь те, кто в принципе хотел бы этого, стали намного осторожнее: они внимательно следят за происходящим в стране, за российским законодательством и тщательно взвешивают выгоды от переезда: то, как их встретят власти и местное население, с какими проблемами придется столкнуться и кто и как их будет решать [8].

В итоге в настоящее время принципиально изменился сам характер иммиграции из ближнего зарубежья. На постоянное место жительства в Россию едут меньше, чем с целью временной, причем в основном нелегальной занятости на стройках, в торговле, ЖКХ, на транспорте, в сельском хозяйстве и промышленности. А стране нужно, прежде всего, оседлое население. Экономичес-

кая иммиграция, в основном сменившая в 2002-2003 гг. иммиграцию этническую, в силу своей специфики — острой необходимости заработать деньги, чтобы поддержать живущую на родине семью — могла бы пополнить население России только в том случае, если бы эти трудовые мигранты легализовывались и воссоединялись с семьями. Но это приведет к росту в стране численности работников в основном низкой квалификации.

Между тем, экономика России, как и экономика Забайкалья, в частности, все острее испытывает нарастающую нехватку квалифицированных кадров. Практически все принятые программы интенсивного экономического развития юго-восточного региона Забайкальского края связаны с освоением минерально-сырьевой базы этого региона, которое в принципе невозможно без создания и развития транспортной инфраструктуры. Создание этой инфраструктуры и последующее освоение минерально-сырьевой базы невозможно без привлечения рабочей силы высокой квалификации.

Согласно Федеральной целевой программе «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года» и стратегии развития железнодорожной отрасли России на 2008 — 2030 гг. на территории Забайкальского края планируется осуществить несколько крупномасштабных проектов развития железнодорожной инфраструктуры.

Один из них — это строительство новой железнодорожной ветки Нарын-Лугокан протяженностью 375 км. Она соединит четыре строящихся горно-обогатительных комбината и даст возможность вывозить их продукцию. Стоимость проекта более 37 млрд руб. Сроки реализации 2008-2015 гг. Второй проект с инвестициями более 12 млрд руб. — строительство 125-километровой ветки Приаргунск-Березовское, ведущей к Березовскому железорудному месторождению.

Реализация названных проектов Забайкальского края уже сегодня требует высококвалифицированных кадров рабочих для высокотехнологичных производств в

непрерывно возрастающих масштабах.

Где их взять — это важнейший вопрос. Восточная Сибирь, Дальний Восток и Север остаются для иммигрантов из стран СНГ и Балтии малопривлекательными. Учитывая, что и внутренняя миграция населения РФ обходит стороной названные регионы, за исключением богатых северных районов нефте- и газодобычи, усиливаются опасения, что Восточная Сибирь и в особенности Дальний Восток останутся районами мигрантских предпочтений преимущественно для китайцев, корейцев, вьетнамцев и других народов, населяющих Дальний Восток и Юго-Восточную Азию.

Для подобного заключения есть все основания.

Официальным фактом является расширяющееся экономическое участие Китая в развитии Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока [9]. Заметно участвовавшие визиты представителей КНР в эти регионы наводят на мысль об усиливающейся широкомасштабной экспансии Китая. Только на ближайшие годы запланирована масса проектов в лесной, горнодобывающей и нефтяной отраслях. Самые яркие примеры — это получение китайской компанией «Синьда» права на освоение золотоносного месторождения Туловчиха (Еврейский АО), участие компании «Шуй Коу Шань» в аукционе на разработку уникального Озерного месторождения полиметаллов (Бурятия), ну и, конечно, постоянный интерес к Удоканскому медному месторождению (Забайкальский край). По мнению экспертов, китайское влияние в названных регионах будет только возрастать.

В Забайкальском крае китайцы готовы участвовать в реконструкции дорог [10]. Поднимался вопрос строительства участка железной дороги Хайлар-Лабудалинь-Хэйшантоу-Приаргунск и Мордагэ-Шивэй с выходом на Берёзовское месторождение, находящееся в Нерчинско-Заводском районе Забайкальского края. Китайская металлургическая компания Xiyang Group намерена инвестировать в разработку этого железорудного месторождения до 500 млн долл. На базе Березовского месторождения

планируется построить ГОК и сталелитейное производство. Добыча руды на месторождении начнется в апреле 2010 г. Затем, к концу 2012 г., там же планируется завершить строительство сталелитейного предприятия мощностью до 4 млн т стали в год [11]. Понятно, что реализация всех этих проектов будет осуществляться китайскими специалистами и рабочими при минимальном привлечении русских.

По словам Р. Гениатулина, губернатора Забайкальского края, руководство края и в дальнейшем будет уделять всестороннему сотрудничеству с КНР большое внимание.

Попытки противостоять китайской экспансии и сделать ее выгодной для России пока малоубедительны. Чтобы экспансия в российскую горнорудную промышленность была на пользу и нашей стороне, и китайской, как считает Михаил Парфенов – RBC daily руководитель аналитического центра «Национальная металлургия» – в России необходим механизм первоочередной защиты отечественных производителей, при этом учет интересов иностранных инвесторов должен стоять на втором месте [9].

Официальная экономическая экспансия происходит на фоне массового проникновения китайских мигрантов в нашу страну, их активной предпринимательской деятельности, постепенном формировании постоянных китайских общин в приграничных российских регионах. Появление большого числа китайских мигрантов оказалось слишком внезапным и стремительным. По разным источникам, их численность оценивается от нескольких сот тысяч до двух миллионов человек [12]. Это само по себе вызвало шок в обществе. Тем более, что происходило это в период глубокой ломки старой системы отношений, связей, ценностей, образа жизни.

Китайские торговцы и гастарбайтеры стали играть заметную роль в экономике востока России, а в формирующемся ныне слое мелкого отечественного бизнеса китайцы начинают восприниматься как сильные и опасные конкуренты.

Но основной, пожалуй, конфликтоген-

ный фактор – ощущение того, что «китайцев слишком много», что мигранты лишь авангард, щупальца миллиардного, «изначально экспансионистского» Китая. Однако основной, пожалуй, комплекс страхов и опасений связан с перенаселенностью Китая, превращением его в миграционно-донора мирового масштаба. Огромный демографический дисбаланс, когда над несколькими миллионами восточных россиян «нависают» сотни миллионов обитателей приграничных китайских провинций, становится настоящим кошмаром для многих.

«Известия» отмечают, что на некоторых территориях население при всем желании уже не может сохранять по отношению к чужакам дружелюбный нейтралитет: «Китайцы – слишком сильный раздражающий фактор. И не потому, что они как-то вызывают себя ведут. Потому, что они давят массой. В г. Забайкальск Забайкальского края 5 тыс. китайцев. Это при том, что самих забайкальцев всего-то тринадцать тысяч».

Город Уссурийск Приморского края де-факто уже давно не российско-китайский, а китайско-российский. Переулочек Северный, что рядом с китайской барахолкой, официально переименовали в улицу Муданьцзянскую – в честь города Муданьцзян на северо-востоке КНР. А сами китайцы, пусть и неофициально, называют Приморье Хэй-Хан-Ше, что в переводе – «Северная провинция». «Чем дальше на восток, тем виднее, что Поднебесная активно наращивает свое присутствие в России», – резюмирует издание.

Концентрация китайских мигрантов в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке позволит, с одной стороны, решить массу насущных экономических и социальных задач как регионального, так и общероссийского масштаба, с другой – создает или обостряет множество конфликтов, противоречий и проблем. Характер некоторых выявлен уже сейчас, что позволяет здесь их просто перечислить [12]. Это неизбежная нелегальная составляющая миграционного процесса, незаконные формы ведения бизнеса, уклонение от уплаты налогов и сбо-

ров, демпинг на рынке труда и товаров, вывоз капиталов, культурная разобщенность, импорт криминала, корруммирование государственного аппарата и т.д.

Поэтому оптимальным вариантом представляется управление этим процессом, для чего необходимо готовить общество, формировать общественное мнение, создавать законодательную и институциональную базу. Эта стратегия, по мнению В. Дятлова [12], должна включать:

- тщательный и постоянный мониторинг процесса;
- поощрение диверсификации миграционных потоков, использование максимально большого числа источников иностранной рабочей силы, создание ситуации постоянной конкуренции на рынке труда;
- создание комплексной системы социокультурной адаптации, а иногда ассимиляции мигрантов и их детей;
- создание механизма натурализации, которая могла бы стать инструментом воспитания лояльного и законопослушного жителя, возможно – гражданина России;
- создание гибкой, всеобъемлющей и внутренне непротиворечивой законодательной базы, прежде всего, миграционного законодательства;
- эффективную государственную защиту гражданских и трудовых прав гастарбайтеров, иначе их демпинговый труд изуродует рынок труда вообще;
- жесткую борьбу с нарушителями российского законодательства;
- продуманное разделение прав и полномочий в регулировании этого процесса между

центральными и местными властями;

- максимально возможную легализацию труда гастарбайтеров, что позволит государству контролировать ситуацию, собирать налоги, сводить масштабы криминальности иммигрантских сообществ и коррумпированности госаппарата к социально приемлемому уровню;

- создание правовых и административных условий для жизни и работы временных и сезонных иммигрантов.

Перечисление только этих мер показывает, насколько проблема сложна и трудно реализуема. Прогнозируемый приток в Россию 10...15 млн китайских трудовых мигрантов (пусть даже в большинстве своем временных) может радикально изменить этнический, культурный, социальный состав населения региона с трудно прогнозируемыми сейчас последствиями [12].

Поэтому обозначенная проблема требует огромной, часто незаметной, кропотливой и, главное, повседневной работы. Однако только она может послужить залогом развития Сибири и Дальнего Востока как неотъемлемой части России.

В то же время следует помнить, что придание миграционной компоненте на долгие годы решающего значения в демографической динамике, причем за счет иммигрантов иной этнической культуры, нежели российская, способно привести к возникновению проблем сохранения государственности в том виде, как она исторически сложилась. Очевидно, что масштабы миграции не могут выходить за рамки, после которых нарушится этнодемографический баланс России.

Литература

1. Российский статистический ежегодник: стат. сб. / Росстат. – М., 2009. – С. 90-91.
2. Рыбаковский Л.Л. Русский народ в этнической структуре населения России // «Наука – культура – общество». – 2008. – № 3.
3. Всероссийская научная конференция «Национальная идентичность России и демографический кризис». Доклады центра. – М: Научный эксперт, 2006. Демографический рост замедляется, бедность увеличивается // Наука и жизнь. – 1992. – № 5-6.
4. Мукомель В. Миграционная политика России. Постсоветские контексты. – М., 2005. – С. 328-330.
5. Невинная И. Трудное возвращение // Российская газета. – № 201 (5025).

6. Рыбаковский Л.Л. Миграционная политика в России: теория и практика / Современные проблемы миграции в России: материалы общероссийской научной конференции (11-13 ноября 2003 г.). – Москва: Руза, 2003.

7. Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве / РАН. Ин-т соц.-полит. исслед.: Под ред. проф. Л.Л. Рыбаковского. – М., 2009. – С. 17.

8. Юдина Т. Госпрограмма переселения соотечественников как компонента демографического развития России: некоторые результаты и перспективы / Демографические перспективы России. Материалы междунар. научн.-практич. конф. «Демографич. будущее России: проблемы и пути решения» (М., 19-21 сент. 2008 г.) / Ред.-сост.: С.В. Рязанцев, Р.В. Маньшин. – М., 2008. – С. 464.

9. Китайцы захватывают Сибирь. РБК daily, 11 марта 2010.

10. <http://www.regnum.ru/news/fd-siberia/zabaikal/economy/970012.html>.

11. Шахов М. РБК daily, 20 июля 2009.

12. Дятлов В. Китайцы в Сибири и на Дальнем Востоке – хорошо это или плохо для России? // Азия и Африка сегодня. – 2003. – № 4.

Коротко об авторе _____ **Briefly about the author**

Романова Н.П., д-р социол. наук, профессор, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
rik-romanova-chita@mail.ru

N. Romanova, Dr. Sc. (Sociology), Professor, Chita State University (ChSU)

Научные интересы: демографические процессы в обществе, социология социальных групп, гендерология, проблемы одиночества

Areas of expertise: demographical processes in the society, sociology of social groups, gender studies, problems of loneliness

Науки о Земле

УДК 553.061.15/571.54/55

Барабашева Елена Евгеньевна
Elena Varabasheva

Стремецкая Елена Олеговна
Elena Stremetskaia

РОЛЬ МИКРОБИОТЫ И ОРГАНИЧЕСКОГО ВЕЩЕСТВА В ПРОЦЕССАХ ЭНДОГЕННОГО И ЭКЗОГЕННОГО РУДООБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ОТДЕЛЬНЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ)

MICROBIOTA AND ORGANIC SUBSTANCE ROLE IN ENDOGENOUS AND EXOGENOUS PROCESSES OF ORE GENESIS (BY THE EXAMPLE OF SEVERAL DEPOSITS IN TRANSBAIKALIAN REGION)

Рассмотрена роль биогеохимических процессов в осадкообразовании и концентрировании рудных компонентов биосом. Дан анализ ранее выполненных исследований по определению участия палеомикробиоты и органического вещества в процессах эндогенного и экзогенного рудообразования. На примере Удоканского месторождения Забайкальского края показано непосредственное участие цианобактериальных матов в формировании рудных залежей. Статья представляет интерес для широкого круга специалистов-геологов

Ключевые слова: биогеохимические процессы, цианобактериальные маты, процессы рудообразования, органическое вещество

The article touches upon the problem of biochemical processes in sediment genesis and ore components concentration by bios. It contains the analysis of earlier made investigations on determination of paleomicrobiota and organic substance involvement in the processes of endogenous and exogenous ore genesis. The direct involvement of cyano-bacterial mats in ore lodes formation is shown by the example of Udokan Deposit in Transbaikalian Region. The article is of interest for geologists

Key terms: biochemical processes, cyanobacterial mats, ore genesis processes, organic substance

Роли биохимических процессов в осадкообразовании и концентрировании рудных компонентов биосом было изложено еще В.И. Вернадским в теории наложенного литогенеза. В конце XIX столетия Н.И. Андрусов также обращал внимание на накопление железа и серы серо- и железобактериями. Практически одновременно с ним С.И. Виноградский открыл способность

нитрофицирующих бактерий и некоторых других бактерий окислять неорганические соединения и использовать выделяющуюся при окислении неорганических веществ энергию на усвоение углекислоты, марганца, железа для построения своего тела. В дальнейшем такой способ усвоения и концентрации вещества был выявлен у силиконовых, сульфатредуцирующих, метаокис-

ляющих и других бактерий. В 1943 г. А.Г. Вологдиным впервые были описаны тельца железобактерий из железистых кварцитов Курской магнитной аномалии.

В последнее десятилетие резко возрос интерес к исследованиям роли микроорганизмов, особенно бактериальных сообществ, в процессах рудообразования. Основой этому послужили результаты работ по металлогении вулканогенно-осадочных, гидротермально-осадочных, гидротермальных образований современных бассейнов на примере металлоносных илов и гидротермальных построек «черных курильщиков». Бактериальные системы вносят значительный вклад в виде продуктов бактериального хемосинтеза в общий пул органического вещества донных отложений гидротермальных полей. Механизмы хемосинтеза при этом сводятся к процессам сорбции, гетерокоагуляции, сульфатредукции, биогенного концентрирования золота и других металлов.

В современных бассейнах обнаружены сульфидсодержащие и пленочно-бактериальные корковые обрастания подводных гидротермальных построек с температурой рудообразующих растворов 100...300 °С, что позволяет сделать вывод о формировании сульфидных минералов донных осадков на стадии раннего диагенеза в условиях бактериального преобразования органики осадочного вещества. Кроме того, из современных водоемов выделено и идентифицировано одно семейство, 19 новых родов и около 50 новых видов бактерий, участвующих в процессах рудогенеза. Среди них фототрофные, сероокисляющие, железомарганецокисляющие и редуцирующие, а также бактерии, восстанавливающие окислы тяжелых металлов, включая радионуклеиды. В результате многолетней работы установлена роль микроорганизмов в миграции редких элементов – кадмия, таллия, селена и мн. др. Раскрыт перекисный механизм процессов окисления серы, железа и марганца у бесцветных серобактерий и железобактерий, не связанный напрямую с получением энергии в метаболизме.

Еще в конце прошлого столетия были

описаны случаи сохранения микроорганизмов в карбонатах и кремнях древних докембрийских пород, часть которых была признана цианобактериями. При этом произошел серьезный прорыв, когда с помощью электронного микроскопа начали изучать древние фосфориты и высокоуглеродистые породы (черные сланцы, битуминозные карбонаты), буквально «напичканные» микроорганизмами. Основой этих ассоциаций были цианобактерии и пурпурные бактерии, составляющие подавляющую массу цианобактериальных матов. Одновременно с электронно-микроскопическим изучением пород были начаты уникальные исследования по искусственной фоссилизации (литификации) ныне живущих цианобактерий. Эксперименты, проведенные в Институте микробиологии РАН, подтвердили, что цианобактерии, осаждающая карбонат или фосфат, фоссилизируются с огромной скоростью. Всего несколько часов требуется, чтобы чехлы нитей цианобактерий окаменели. Чаще бактерии не являются элементоспецифическими, а способствуют накоплению тех или иных элементов или соединений как катализаторы или фильтры. Железобактерии образуют породы, богатые окислами железа. Для деятельности анаэробных бактерий характерно образование пирита.

Образование практически всех осадочных пород связывают с деятельностью микробов. Автотрофные и литотрофные бактерии, кроме способности накапливать в своей оболочке минеральное вещество, создают условия, способствующие осаждению на своей поверхности рудного вещества.

Особенным является вопрос о значении микробных сообществ в формировании месторождений полезных ископаемых. Бактериальные сообщества могут выступать в виде цианобактериальных матов в качестве своеобразного фильтра, осаждающая на себе определенные компоненты. Известно, что руды с содержанием более 10% редкоземельных элементов, включая ниобий, соединения урана, меди, а также золотые псевдоморфозы, обязаны своим происхождением цианобактериальным матам, ко-

торые в условиях мелководных бассейнов увеличивали концентрации РЗЭ из вод, поступающих с окружающей суши.

В раннем протерозое обитали циано-бактериальные сообщества, практически не отличающиеся от современных. По-видимому, они успешно существовали и раньше в архее, но появившиеся в середине раннего протерозоя более благоприятные условия позволили им распространиться крайне широко и сохраниться до наших дней в виде кремниевых псевдоморфоз или как органистические мумифицированные оболочки. При отсутствии конкуренции цианобактериальные маты в докембрийских бассейнах занимали все экологические ниши от мелководных участков до акваторий открытого моря.

В протерозое и, вероятно, в позднем архее отложения карбонатов в виде доломитов соответствовали развитию цианобактериального сообщества, образующего слоистые биогенно-осадочные породы — строматолиты. В протерозое в основном формировались кислотоустойчивые формы карбонатов в виде доломитов $\text{CaMg}(\text{CO}_3)_2$ с соотношением $\text{Ca}/\text{Mg}=1/1$. Образование доломитов и их связь с цианобактериальными сообществами объясняется физико-химическими условиями гидросферы протерозоя, благоприятными и для цианобактерий, и для осаждения доломита, либо тем, что благоприятные для образования доломитов условия создавало циано-бактериальное сообщество.

На глинистом субстрате цианобактериальная пленка не успевает разложиться либо из-за быстрого захоронения, либо вследствие медленного анаэробного распада в отсутствие серы. Индикатором восстановительных условий служит отношение $\text{Fe}(\text{II})/\text{Fe}(\text{III})$.

Специфика древних бассейнов севера Забайкалья способствовала широкому развитию микроорганизмов и строматолитовых построек, которые в условиях мелководья распространялись на огромных площадях. Уникальным объектом с точки зрения моделирования рудообразующих систем с их участием является Удоканское

месторождение меди, представленное горизонтами медистых песчаников в составе верхнесакуканской подсерии, входящей в кеменскую подсерию удоканской серии. Выше- и нижележащие стратифицированные подразделения удоканской серии содержат многочисленную мягкотелую фауну и цианобактериальные маты в качестве строматолитов и онколитов.

Представленная модель рудогенеза Удоканского месторождения предполагает двунаправленное поступление рудного вещества в бассейн седиментации. Часть его поступала с берега в виде тиосульфатов золота и серебра и сульфатов меди и железа в составе поверхностных водотоков, размывающих гипергированную поверхность Чарской глыбы. Другая часть в виде глубинных гидротерм, несущих сульфидные комплексы меди и железа, поступала в бассейн в результате формирования Чинейского дайкового комплекса. Поступающее рудное вещество осаждалось, концентрировалось и перерабатывалось в условиях биогеохимического барьера в виде строматолитовых построек.

По морфологии цианобактериальные маты Удокана представляют собой плотные структурные образования с ясно выраженными слоями, окраска которых определяется образуемыми между ними минералами. Верхняя зона мата, занятая цианобактериями и фототрофными бактериями (термофильные маты), имеет желтовато-сероватую окраску. Ниже располагается черная (анаэробная) зона развития сульфидогенов, мощных генераторов сероводорода, которые, соединяясь с железом, образуют пирит, окрашивающий зону в черный цвет. Для нижних слоев анаэробной зоны характерна сложная цепь реакций, осуществляемых различными функциональными группами организмов. Сульфатредукция под матом создавала сероводородный барьер на пути минерализованных гидротерм и обуславливала отложение сульфидов в виде пирита. Ряд рудоносных минералов в матах осаждался хемогенным путем. Цианобактерии Удокана концентрировали, в основном, медь, железо, кобальт, никель. Воз-

можно, что в данном случае мы имеем дело с древними бактериями, сходными с современными *Thiobacillus ferrooxidans*, которые в процессе гипергенеза способствовали растворению, переводу в подвижную форму с последующим накоплением железа и меди, как основных рудных составляющих. Цианобактериальные маты Удокана могли служить своеобразным фильтром, осаждавая на себе из проходящих гидротерм медь и железо, или сорбировать и осаждавая их на своей поверхности.

В намингинской свите, кроме строматолитовых, широко распространены осадочные текстуры микробиального происхождения, приуроченные к границе слоев тонкозернистых песчаников и алевролитов. Текстуры микробиального происхождения образованы в результате биостабилизации песчаного осадка – склеивания частиц слизи, выделяемой теми же цианобактериями. Здесь распространены дисковидные отпечатки, интерпретируемые как микробные сообщества. Подобные отпечатки были обнаружены как в кеменской, так и нижележащей чинейской подсериях. Все дисковидные отпечатки удоканской серии интерпретируются как колонии одноклеточных организмов (бактерий, протистов, грибов).

Модели формирования древних углеродистых черносланцевых формаций, с которыми пространственно и генетически связаны многие рудные месторождения Забайкальского края, разработаны в результате геомикробиологических исследований процессов современного океанического рудообразования. Широкое распространение природных соединений углерода во всех породах (осадочных, изверженных, метаморфических), в продуктах гидротермальной деятельности свидетельствует об участии этого элемента практически во всем многообразии геологических процессов, включая эндогенное и экзогенное рудообразование. Углерод присутствует в породах в виде литифицированных растительных или животных остатков, самостоятельных минералов, изоморфных модификаций в других минералах, продуктов сорбции, га-

зовождких включений и т.д. Органическое вещество создает геохимические барьеры, вызывающие выпадение из растворов и концентрацию многих металлов: цинка, свинца, меди, железа, урана, молибдена, золота и др. По химической активности и роли в процессах литогенеза и рудообразования трудно найти другие соединения, которые могли бы соперничать с соединениями органического углерода.

Флюидные потоки, при подъеме из мантийных очагов, окислялись с нарастающим щелочности, растворением и переносом кремнезема (вероятно с ураном, золотом, сульфидами различных металлов). Рудное вещество, поступающее с эксталяциями мантийных и коровых очагов в зарождающиеся бассейны седиментации, имеющие первоначально мелководный характер, благодаря интегрирующей деятельности сульфатредуцирующих бактерий в застойных условиях седиментогенеза, локализовалось в виде металлоорганических соединений.

Общий анализ металлоносности и количественного соотношения отдельных разновозрастных углеродистых горизонтов месторождений Забайкальского края позволяет сделать вывод о том, что для углеродисто-глинисто-терригенных и углеродисто-карбонатно-вулканогенных пород характерно золото-сульфидно-кварцевое (Дарасун, Талатуй, Итака, Александровское), золото-серебро-кварцевое (Балей, Тасеевское), золото-урановое (Стрельцовское, Антей), золото-полиметаллическое (Любавинское, Хапчеранга), золото-молибденовое (Жирекен, Бугдая), вольфрамовое (Спокойнинское, Бом-Горхон) и другие оруденения. Кроме того, определяющим фактом рудоносности является приуроченность крупнейших золоторудных, золото-урановых и медно-уран-золото-серебряных месторождений к древнейшим глубинным разломам и рифтовым структурам. Эффузивный и интрузивный магматизм играл при этом преимущественно транспортную роль перемещения металлоносных флюидов. Начальное накопление металлов происходило в мелководных, прогреваемых солнечной энергией бассейнах, в форме

металлоорганических соединений, как продуктов вулканизма, биоса и седиментогенеза, преимущественно в придонных «черных илах».

Все главнейшие преобразования органического вещества и связанной с ними химической активности происходят в той части литосферы, где минимальны процессы метаморфизма. Здесь концентрируется подавляющее большинство месторождений рудных и нерудных полезных ископаемых. Предполагается, что образование золотосодержащих углеродистых формаций, уникальных по масштабам минерализации месторождений мира (Витватерсранд, Сухой Лог, Мурунтау и др.), а также Балейского, Дарасунского и Ново-Широкинского месторождений Забайкальского края, связано с коллоидно-биогенным концентрированием металла.

Как показал ряд проведенных анализов на отдельных месторождениях Забайкальского края (Удоканское, Орловское, Балейское, Кличкинское, Ара-Илинское, Ново-Широкинский), резко повышенные, по сравнению с фоновыми, содержания органического углерода в черных сланцах внутри рудных залежей показывают, что черные сланцы активно участвуют в формировании промышленных концентраций золота и цветных металлов, создавая благоприятные условия для их осаждения.

Для разрезов нижнего кембрия в районе с. Георгиевка (Нерчинско-Заводской район) весьма характерно обилие органических остатков в фосфоритах и вмещающих отложениях. В их числе брахиоподы, трилобиты, губки, иглокожие, остракоды и др. Фосфатносные терригенно-карбонатные породы Георгиевки сильно выветрены, заметно изменены, перекристаллизованы в результате частичного окварцевания, что негативно сказывается на изучении первичности их структуры. Только образцы, которые не подверглись этим изменениям, дают необходимую природную картину, что необходимо учитывать при последующих исследованиях.

Верхняя терригенно-карбонатная фосфатносная (процентное содержание P^{2O^5}

в отдельных слоях, по Ю.В. Павленко, достигает 10 %), толща представлена двумя мощными пачками известняков (350 и 150 м) и двумя пачками переслаивания органогенных известняков и кремнистых алевролитов. Органогенные известняки состоят из поперечных сечений археоциат *Aldanocyathus* и др., фрагментов панцирей трилобитов *Sajanaspis*, *Redlichia*, *Proerbia*, *Inouina*, онколитов *Osagia*. В кремнистых и известковистых алевролитах обычны спиккулы протогубок *Protospongia*, микроскелетной фауны *Microdictyon*, *Chancelloria*, *Stellaria* и др., многочисленные двусторонки и гастроподы *Pelagiella*, *Dzabchanella*, *Melopegma*, *Isanella*, хиолиты *Hyolitellus*, биокласт тех же трилобитов, остракоды *Bradoria*, *Indota*, брахиоподы *Bicia*, *Magnicanalis*, образующие «ракушняковый накат», проблематичная трубчатая фауна. В отдельных слоях верхней толщи можно говорить о том, что и цементирующая органические остатки масса представлена отчасти фосфатизированными скоплениями микробиальных матов.

Сходный родовой набор, биоразнообразие и повышенная фосфатизация встречены в кембрийских разрезах Георгиевки первой скелетной фауны планеты установлены в разновозрастных разрезах среднего течения р. Лена, в Казахстане (фосфоритоносный бассейн Каратау), в Монголии (Хубсугульский фосфоритоносный бассейн), Китае (фосфоритоносный бассейн платформы Янцзы), на северо-западе австралийского континента (бассейн Джорджина в штате Квинсленд) и др. Важнейшая роль в процессах фосфатизации отводится биохимическим процессам, которыми определяется распределение фосфора в осадках. При этом большое значение имеют поставки фитопланктона, его распад и переход образующегося свободного фосфора в водной колонне в осадок. Значительная роль принадлежит океаническим бескислородным соединениям, с которыми в целом связывается фосфатогенез. Происхождение фосфатных зерен рассматривается как результат разрушения скелетных частей бес позвоночных и первичных бесструктурных

фосфоритов. Важное значение при этом имели обстановки циано-бактериальных матов, участвующих в процессах фосфатизации. Фосфатные строматолиты или хардграунды широко распространены во многих фосфатоносных бассейнах перечисленных местонахождений, где играли связующую роль в качестве микробных матов.

Фосфатные зерна, образующие основную массу фосфоритов, могли поступать в область их конечного накопления из биоэкологически различных, но пространственно сближенных областей. Это мелководные и отчасти замкнутые части акватории при-

ливо-отливной зоны томмот-атдабанского времени. В них формировались строматолиты, онколиты, реже ракушняки брахиопод и биокластический детрит, которые, как правило, не образуют мощных залежей.

Изучение метаболизма (обмена веществ) бактерий и механизмов, влияющих на осаждение тех или иных элементов, находится в начальной стадии, поэтому можно только предположительно говорить об участии бактерий в накоплении того или иного химического элемента в процессе рудогенеза.

Литература

1. Терлеев А.А. Раннепротерозойская биота из удоканской серии западной части алданского щита (Россия) // Эволюция биосферы и биоразнообразие: сб. науч. тр. — М., 2006. — С. 271-281.
2. Барабашева Е.Е. Биота как показатель фосфатности отложений в Георгиевском национальном парке // Минералогия и геохимия ландшафта горнорудных территорий. Современное минералообразование: Труды II Всерос. симпозиума с междунар. участием и VIII Всерос. чтений памяти акад. А.Е. Ферсмана 24-27 ноября 2008 г. — Чита: ЗабГПУ, 2008. — С. 144-145.
3. Ручкин Г.В. Черные сланцы докембрийских стратиформных месторождений цветных металлов // Углеродистые отложения докембрия и нижнего палеозоя и их рудоносность: тезисы докладов Всесоюзного семинара г. Фрунзе, 11-13 октября 1978. — С. 254-255.
4. Нарсеев В.А. Основные типы золоторудных концентраций в углеродсодержащих толщах // Углеродистые отложения докембрия и нижнего палеозоя и их рудоносность: тезисы докладов Всесоюзного семинара г. Фрунзе, 11-13 октября 1978. — С. 255-256.
5. Татаринов А.В. Микроорганизмы и проблема эндогенного рудообразования в Забайкалье // Геологической службе Бурятии — 50 лет: матер. регион. науч.-пр. конф. — Улан-Удэ: Бурятского гос. ун-та, 2003. — С. 111-113.
6. Секисов А.Г. [и др.] Ядерно-геохимические и биогеохимические критерии оценки перспектив поисков оруденения с дисперсным золотом // Кулагинские чтения: IX Всерос. науч.-пр. конф. — Чита: ЧитГУ, 2009. — Ч. VII. — С. 147-151.
7. Архангельская В.В. Удоканское медное и Катугинское редкометалльное месторождения в Читинской области России: монография / В.В. Архангельская. — Чита: ЧитГУ, 2004. — 520 с.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Барабашева Е.Е., канд. геол.-минер. наук, доцент кафедры гидрогеологии и инженерной геологии, ст. научный сотрудник Геологического научного центра ЧитГУ
Раб. тел.: 8(30-22)35-58-56

E. Barabasheva, Senior Research Assistant of Chita State University Geological Scientific Centre, Candidate of Geological and Mineralogical Sciences, Assistant Professor

Научные интересы: геоэкология, биогеохимия, охрана геологической среды, музееведение

Areas of expertise: geoecology, biogeochemistry, geological environment protection, museology

Стремецкая Е.О., аспирантка, старший научный сотрудник Геологического научного центра ЧитГУ
Раб тел.: 8(30-22) 35-58-56

E. Stremetskaja, Senior Research assistant of Chita State University Geological Scientific Centre, post-graduate student

Научные интересы: геоэкология, охрана геологической среды, музееведение

Areas of expertise: geoecology, geological environment protection, museology

---

УДК 631.432.1.472: 634.1 (471.326)

Захаров Вячеслав Леонидович
Vyacheslav Zakharov

ИЗМЕНЕНИЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПОЧВ ЯБЛОНЕВЫХ САДОВ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ В РЕЗУЛЬТАТЕ ПОДНЯТИЯ ГРУНТОВЫХ ВОД

CHANGE OF MORPHOLOGICAL PARAMETERS OF SOILS IN APPLE GARDENS OF THE TAMBOV REGION AS A RESULT OF GROUNDWATER RISING

Приведены обобщённые данные по изменению морфологических признаков и названия почв за последний жизненный период деревьев яблони. Изучались все типы почв Тамбовской области в слаборослых яблоневых садах

The article contains summarized data on change of morphological parameters of soils. The author enumerates soils in the last vital period of apple-trees. All types of soils in the Tambov region in short-growing apple orchards were studied

Ключевые слова: морфология почвы, яблоневый агроценоз, грунтовые воды

Key words: soil morphology, apple agrocoenosis, groundwater

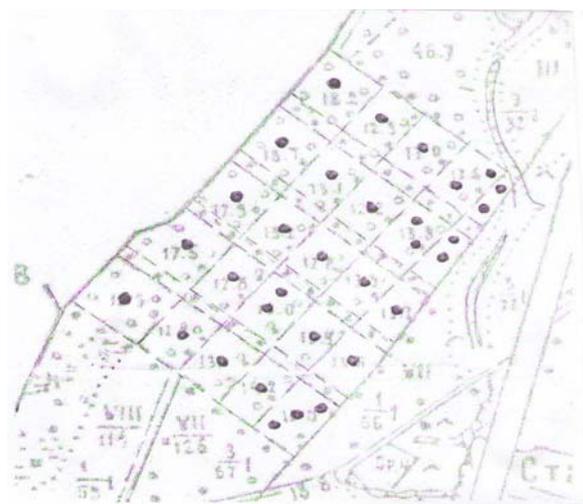
Исследования проводились в плодовых хозяйствах Тамбовской области. Составлялись почвенные карты, морфологические показатели почв хозяйств времени закладки яблоневых садов и данные почвенного обследования в 2001-2007 гг.,

которое заключалось в поквартальном отборе почвенных проб с глубины 0...30 и 30...60 см из междурядий и приствольных полос (рис. 1), закладке разрезов и их диагностике [1].

а)

б)

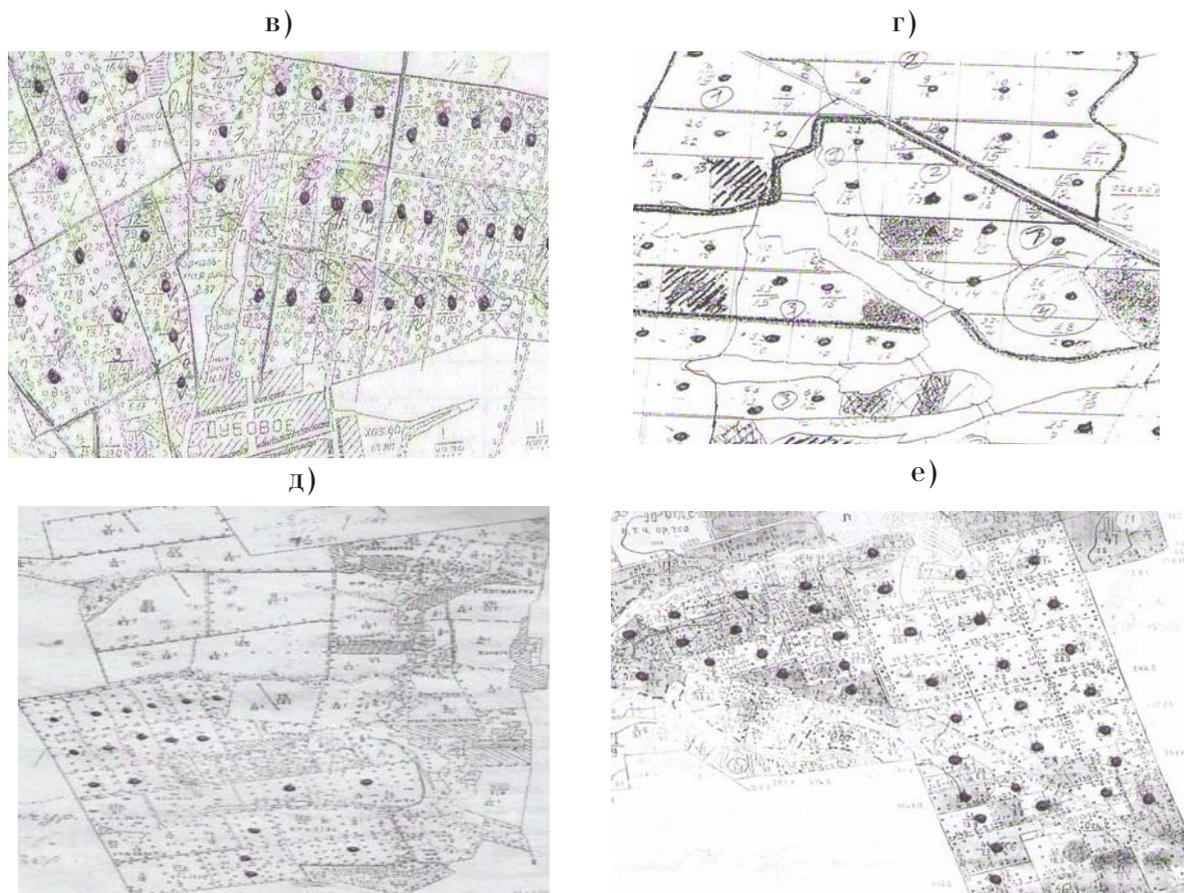

Рис. 1. Картограммы поквартального отбора проб и закладки разрезов в СХПК им. Мичурина (а), ОПХ ВНИИС им. Мичурина (б), ОАО «Дубовое» (в), СХПК «Кочетовский» (г), ФГУП «Комсомолец» (д) и СХПК «Зелёный Гай» (е), 2007 г. (точками отмечены объединённые пробы)

Установлены изменения в морфологии почв, основной причиной которых явилось поднятие уровня грунтовых вод. Во ВНИИС им. И.В. Мичурина Мичуринского района чернозём выщелоченный, тяжелосуглинистый на покровном суглинке

с уровнем грунтовых вод (УГВ) 7 м за 40 лет пребывания в садообороте превратился в другой тип – луговато-чернозёмную выщелоченную мощную почву, в которой на глубине 220 см появились псевдофибры, а УГВ поднялся до 6 м (рис. 2).

а) чернозем выщелоченный

б) луговато-черноземная выщелоченная

Рис. 2. Профиль почвы в саду ВНИИС им. Мичурина в 1961 г. (а) и 2001 г. (б)

В ОПХ ВНИИС им. И.В. Мичурина Мичуринского района с 1987 по 2007 гг. чернозём выщелоченный тяжелосуглинистый на покровном суглинке, подстилаемом аллювием, также трансформировался в луговато-чернозёмную выщелоченную почву. Поднятие УГВ до глубины 6 м превратило чернозём оподзоленный в луговато-чернозёмную среднеоподзоленную почву, при

поднятии вод на глубину 5 м последняя перешла в лугово-чернозёмную средне- и сильнооподзоленную, а в низинах (УГВ = 1,5...3 м) – в чернозёмно-луговую сильнооподзоленную (рис. 3), которая по водному режиму и свойствам занимает промежуточное положение между типом луговых и типом лугово-чернозёмных [2].

а) луговато-черноземная оподзоленная

б) луговато-черноземная среднеоподзоленная

в) черноземно-луговая сильнооподзоленная

Рис. 3. Профиль почвы в саду ОПХ ВНИИС им. Мичурина в 1987 г. (а) и в 2007 г. на ровном участке (б) и в блюдце (в)

На глубине 110 см в чернозёмно-луговой почве стало отчётливо просматриваться оглеение в виде сизо-зелёной окраски, которая уже через час после выкопки разреза становится чёрной – закисное железо FeO окисляется в Fe_2O_3 . Отсюда возникает видовое название этой почвы – глубокооглеенная [3]. Лугово-чернозёмная выщело-

ченная почва с УГВ 5 м перешла в более гидроморфный аналог – чернозёмно-луговую выщелоченную с УГВ = 2 м. Подтип чернозёмно-луговых почв перешёл в подтип чернозёмно-влажно-луговых с УГВ 0,5...1,5 м. Подобные явления наблюдались в СХПК «Кочетовский» Мичуринского района (рис. 4).

а) лугово-черноземная

б) черноземно-луговая

Рис. 4. Профиль почвы в СХПК «Кочетовский» в 1987 г. (а) и 2007 г. (б)

В 2007 г. в садах ОПХ ВНИИС насчитывалось 9 % садонепригодной земли. Это в первую очередь чернозёмно-влажно-луговые почвы низин и открытых ложбин. На возвышенных участках поднятие УГВ не отразилось на чернозёме выщелоченном, оподзоленном и серой лесной почве. В садах ФГУП «Комсомолец» МГАУ Мичуринского района к 2007 г. имелось 10 % блюдце. В основном это чернозёмно-луговые почвы. В СХПК «Зелёный Гай» Мичуринского района с 1987 по 2007 гг. на участках с УГВ глубже 4 м остались без видимого изменения тёмно-серые лесные почвы, чернозём оподзоленный и выщелоченный. Бывшие чернозёмно-луговые почвы с первоначальным УГВ 1,3...3 м перешли в подтип чернозёмно-влажно-луговых с УГВ 0,5 м. Отсутствующая на почвенной карте лугово-чернозёмная почва появилась при поднятии УГВ до 4 м на месте чернозёмов выщелоченных. Сильноосолоделые чернозёмные почвы также занимают блюдцеобразные и вытянутые западины с УГВ глубже 3 м. К 2007 г. в на территории садов имелось 20 % низин. В СХПК им. Мичурина с 1983 по 2007 гг. под садами сократилась площадь чернозёмов выщелоченных почти вдвое, а лугово-чернозёмные и чернозёмно-луговые почвы стали преобладающими типами. В 50 % кварталов теперь имеются низины. В ОАО «Дубовое» Петровского района в результате плоскостной эрозии чернозёма типичного в междурядьях сада гумусовый горизонт переносится с повышенных элементов рельефа в ложбины, на дне которых формируются намытые чернозёмно-луговые почвы с мощностью гумусового горизонта (А+В1) до 157 см и УГВ 1,5...2 м. В 2007 г. они занимали от 10...23 до 70 % от площади яблоневого квартала.

Необходимо отметить влияние яблоневого агроценоза. В приствольных полосах чернозёмные почвы имеют более мощный гумусовый горизонт, на котором при высыхании появляется кремнезёмистая присыпка SiO_2 . Например, чернозём выщелоченный часто приобретает черты чернозёма оподзоленного, а лугово-чернозёмная или чернозёмно-луговая почвы становятся из

выщелоченных оподзоленными. В их профиле появляется элювиальный горизонт A^2B . Прогрессирование подзолистого процесса в приствольных полосах садов является причиной снижения гигроскопичности почвы и смены тяжёлого гранулометрического состава на более лёгкий, что особенно заметно в корнеобитаемом слое. В приствольных полосах подзолистый процесс развит сильнее, чем в междурядьях. Это можно объяснить тем, что яблоня, будучи лесной породой, способствует подкислению почвы вследствие потребления оснований, особенно кальция и выделения органических кислот в почву. Корневая система деревьев, увеличивая водопроницаемость, способствует также большему выщелачиванию карбонатов вниз по профилю, чем в междурядьях, где плужная подошва препятствует вертикальному, но способствует горизонтальному стоку воды в пониженные части рельефа. Поэтому в приствольной полосе глубина залегания верхней границы карбонатов, как минимум, на 20 см больше, чем в междурядье. С увеличением возраста сада эта тенденция усиливается. В междурядьях садов ОПХ ВНИИС вследствие сноса почвы с колёсами транспорта наблюдается сокращение мощности гумусового горизонта в среднем на 20 см, а также появление ореховато-призматической структуры плужной подошвы чаще всего в слое 20...50 см из-за обработки на одинаковую глубину и переуплотнения почвы. В питомнике «Жердевский» Жердевского района с 1986 по 2007 гг. мощность гумусового горизонта чернозёмов типичных в междурядьях уменьшилась на 47,5 см. В приствольных полосах из-за отсутствия механических обработок и ежегодного поступления листового опада яблони 3,86 т/га сухого вещества сохраняется первоначальная зернистая структура почвы.

Таким образом, за жизненный период деревьев яблони почвенный покров Тамбовской области под садами на пониженных элементах рельефа претерпел морфологические изменения, которые привели к необходимости корректировки почвенных карт.

Литература

1. Классификация и диагностика почв СССР. — М.: Колос, 1977. — 223 с.
2. Самойлова Е.М., Макеева В.И. Чернозёмно-луговые почвы и их диагностика // Почвоведение. — 1979. — № 12. — С. 16-21.
3. Шишов Л.Л., Тонконого В.Д., Лебедева И.И. Классификация почв России. — М.: Почвенный ин-т. им. В.В. Докучаева РАСХН, 2000. — 235 с.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Захаров В.Л., канд. с.-х. наук, ассистент кафедры агрохимии и почвоведения, докторант Мичуринского ГАУ
irbis7777@gmail.com

V. Zakharov, Candidate of Agriculture, Assistant, Department of Agricultural Chemistry and Pedology, Doctoral Candidate, State Agricultural University Named after I.V. Michurin

Научные интересы: влияние почвенных условий на рост яблони, почвообразование в садах, изменение облика и свойств почв под садами

Areas of expertise: influence of soil conditions on growth of apple-trees, soil development in orchards, change of properties of soils in orchards

Мязин Виктор Петрович
Viktor Myazin

Килин Владимир Иванович
Vladimir Kilin

*Якубайлик Эдуард
Константинович*
Edward Yakubaylik

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ТЕХНИКИ И ТЕХНОЛОГИИ
ОБОГАЩЕНИЯ СИЛЬНОМАГНИТНЫХ
ЖЕЛЕЗОСОДЕРЖАЩИХ РУД С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ИННОВАЦИОННЫХ РАЗРАБОТОК ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ
(НА ПРИМЕРЕ СИБИРСКОГО РЕГИОНА)**

**PERFECTION OF METHODS AND TECHNOLOGY OF HIGHLY
MAGNETIC IRON ORE CONCENTRATION IN CONNECTION WITH
THE INNOVATIONS OF THE LAST YEARS
(BY THE EXAMPLE OF THE SIBERIAN REGION)**

Приводится анализ инновационных разработок последних лет на обогатительных фабриках, перерабатывающих сильномагнитные железосодержащие руды в Сибири. Показаны основные направления исследований по повышению эффективности техники и технологий магнитного обогащения руд. Охарактеризованы технологические показатели и приводятся результаты использования инноваций на предприятиях ОАО «Евразруда»

Ключевые слова: *обогащение, магнитный сепаратор, инновационные решения, совершенствование техники и технологий, руда*

The article considers the analysis of recent innovations on the concentration plants processing highly magnetic iron ore in Siberia.

The authors describe basic research directions concerning efficiency upgrading of methods and technology of the magnetic ore concentration. Technological factors are characterized, as well as the results of the implementation of the innovations on the enterprises of «Evrazruda» OJSC

Key words: *concentration, magnetic separator, innovative solutions, upgrading of the methods and technology, ore*

В современных условиях повышение эффективности обогатительного производства достигается преимущественно путем развития инновационных процессов, получающих свое выражение в новых технологиях и технических решениях.

Основные инновационные решения применительно к обогащению сильномагнитных железосодержащих руд:

— применение новых магнитных материалов с заданными свойствами для повышения эффективности HgradH;

- разработка и внедрение высокоэффективных магнитных систем магнитных сепараторов;

- внедрение нового способа центробежного разделения сильномагнитных руд;

- совершенствование техники и технологий проектируемых фабрик.

В большинстве своем инновации прочно опираются на патентно-информационный анализ, т.к. именно патентные исследования, опережающие ход развития технологической практики на 15...20 лет, служат катализатором новой техники, новых способов, новых технологий. Разработка, изготовление новых аппаратов, создание новых патентозащищенных методов магнитной обработки и сепарации магнетитовых руд послужили основой для повышения эффективности обогащательного производства на предприятиях ОАО «Евразруда».

На горно-обогащательных предприятиях ОАО «Евразруда» повышение извлечения полезных компонентов из руд является важнейшим способом эффективного и качественного использования минерально-сырьевых ресурсов. Результаты последних исследований направлены на:

- более полное использование горнорудной массы на стадии обогащения с учетом вещественного состава и структурно-текстурных особенностей минеральных комплексов, исследования технологии обогащательности руд при сухой и мокрой магнитной сепарации;

- решение вопросов комплексной и рациональной переработки руд и отходов обогащения;

- повышение эффективности методов сухой сепарации в пульсирующих электромагнитных полях из магнетитового продукта с содержанием железа 42,0 %;

- повышение эффективности сухого магнитного обогащения при снижении крупности разделяемых компонентов;

- использование новых патентозащищенных методов магнитной обработки и сепарации магнетитовых руд, создаваемых аппаратами с новыми магнитными системами, направленными на регулирование у разделяемых частиц интенсивных механических

вращательных моментов, возможности «перешагивания» относительно соседних частиц для объединения в механически прочные высококачественные ассоциаты [2];

- изучение свойств минералов различных фракций по плотности, магнитной восприимчивости, характеру их взаимосвязи;

- комплексное использование вмещающих ценных компонентов, содержащихся в перерабатываемых рудах;

- предобогащение руд методами порционной и крупнокусковой сортировки, расположение комплексов (рентгенометрических, радиометрических, магнитных) в местах ведения горных работ и при освоении малых месторождений;

- широкое внедрение технологии предварительного обогащения руды на базе модульных передвижных конструкций;

- использование дробилок КИД, позволяющих обеспечить крупность дробленого продукта 0...8 (10) мм в открытом цикле;

- переход к схемам тонкого грохочения в операциях классификации;

- повышение глубины обогащения труднообогащаемых мелких классов железа (за счёт использования дополнительных физических сил и применения новых методов магнитной обработки и магнитной сепарации в процессе разделения), позволяющих значительно улучшить разделительные характеристики сепараторов;

- сочетание гравитационных и магнитных методов разделения частиц в транспортирующих массопотоках для стадийного выделения готовых по качеству продуктов;

- селективную флокуляцию труднообогащаемых частиц с использованием аппаратов сдвигающихся и вращающихся магнитными полями и дальнейшее извлечение сформированных флокул на традиционных сепараторах;

- создание конструкций комбинированных аппаратов на основе стационарных, полустационарных и передвижных агрегатов модульного типа;

- переход к технологиям второго поколения, основанным на достижениях в области пограничных знаний физики, химии,

гидродинамики. Технология магнитно-флокуляционного отделения тонкого золота от магнетита с использованием эффекта «перешагивания» магнитных частиц [3], сепараторов с двигающимися и вращающимися магнитными полями [4].

К наиболее сложным задачам последних лет для обогатительных фабрик Сибирского региона относятся:

- внедрение в сепараторах современных магнитных систем из сплава «неодим-железо-бор», вместо заводских ферритобариевых, позволивших повысить магнитную составляющую процесса разделения магнетитовых руд;

- реконструкция технологических схем с внедрением дополнительных стадий обогащения;

- внедрение операций для получения высококачественного концентрата;

- внедрение операций контрольной сепарации отвальных хвостов;

- повышение производительности магнитных сепараторов за счет снижения крупности первичных концентратов (в пределах от 20 мм до 0...13 мм).

- анализ внедрения в практику новых магнитных систем сепараторов. Магнитная система предназначена для создания внешнего магнитного поля в зоне сепарации, под действием которого частицы руды намагничиваются, притягиваются и удерживаются на поверхности разделения. Много-

численные опыты по доизвлечению железа из отвальных хвостов показали, что до 70 % потеря связаны с тонкими и мелкими классами. Исходя из теоретических основ ферромагнетизма, следует, что для извлечения труднообогатимых частиц в магнитный продукт требуются более высокие силовые поля.

В качестве объектов достигнутого технического совершенствования магнитных систем и уровня развития техники послужили магнитные системы сепараторов, широко используемые на практике (барабанного типа ПБС 90/100, ПБС 90/150, ПБС 90/250 и элетромагнитные системы сепараторов для обогащения сильномагнитных руд типа ЭБС 80/170).

Заводская магнитная система сепаратора ПБС 90/100 состоит из шести рядов однополярных ферритобариевых блоков, размер одного блока 80x135x120 мм массой 7 кг, блоки установлены на неподвижном секторе, между которыми расположены пять рядов металлических клиньев, выполняющих роль магнитов противоположной полярности, ещё два ряда магнитов установлены на регулируемом секторе (рис.1). Для сепаратора ПБС 90/100 она представлена восьмиполюсной магнитной системой с углом обхвата 193°. (Индукция поля над магнитами составляет – 110...120 МТл, над металлическими клиньями – 100 МТл).

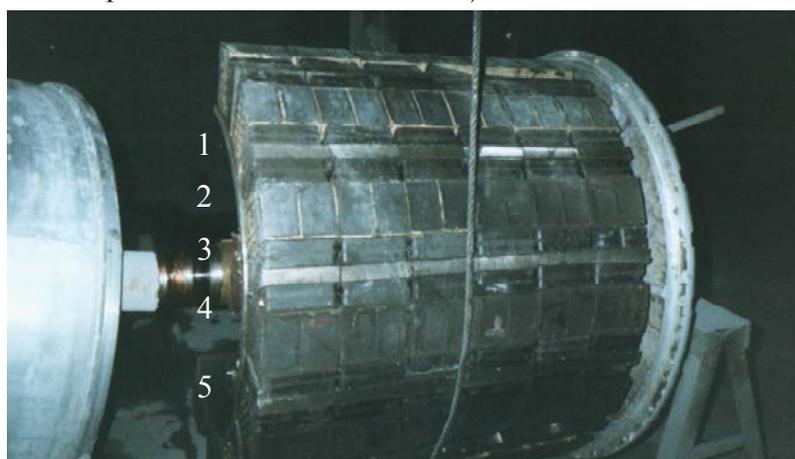

Рис. 1. Общий вид заводской магнитной системы сепаратора ПБС 90/100: 1 – неподвижный сектор; 2 – ряды из однополярных ферритобариевых блоков; 3 – металлические клинья; 4 – магнитные клинья; 5 – регулируемый сектор

Для уменьшения потерь железа при сепарации руд предложено увеличить напряженность рабочего поля в зоне сепарации. Один из вариантов технического решения, реализованного на практике — замена в магнитной системе сепаратора типовых постоянных магнитов из феррита бария новыми постоянными магнитами с высокой энергией, в частности, из материала «неодим-железо-бор» (Nd-Fe-B). Этот материал имеет остаточную намагниченность до 1,2 Тл, коэрцитивную силу H_c — до 20 Кэ, магнитную энергию (ВН) — до 300 Кдж/м. Эти характеристики допускают относительно высокую степень свободы при формировании каждого отдельного блока, что позволяет перейти в XXI в. на новый уровень развития сепараторостроения — поднять величину магнитного поля при снижении веса магнитных систем, частично отказаться от дорогих и более сложных в эксплуата-

ции электромагнитных сепараторов. Другое важнейшее преимущество — осуществлять научно обоснованный выбор магнитов требуемого размера для оптимизации режимов обогащения руд по крупности. Выполненные расчеты и проведенные эксперименты подтвердили, что на поверхности пластины размером 41x41x10 мм, изготовленной из материала «неодим-железо-бор», представляется реальным достигнуть поле порядка 4,5 Кэ. Наиболее значимый рост поля наблюдается при наборе системы из 4...5 магнитов.

При технической модернизации барабанных сепараторов изготовлено и испытано девять вариантов магнитных систем с типоразмерным рядом, мм: 80x80x20, 60x80x20, 40x80x20.

Основные типы реконструированных магнитных систем представлены на рис. 2...4.

Рис. 2. Общий вид магнитной системы сепаратора ПБС 90/100 с магнитами размером 80x80x20 мм из сплава «неодим-железо-бор» (шесть рядов с чередующейся магнитной полярностью):
1 — ряды из неодимовых магнитов; 2 — ряд из ферритобариевых магнитов

Рис. 3. Общий вид магнитной системы сепаратора ПБС 90/100 с магнитами размером 60x80x20 мм из сплава «неодим–железо–бор» (восемь рядов с чередующейся магнитной полярностью):
1 – ряды из неодимовых магнитов; 2 – ряды из ферритобариевых магнитов

При испытаниях использованы системы с количеством рядов из предложенных магнитов от шести до двенадцати с чередующейся полярностью по ходу движения материала, а также с расположением магнитов в шахматном порядке для создания криволинейного движения материала. Чис-

ло магнитов в ряду варьировали 7...10, с учетом изменения расстояния между ними 0...40 мм. Численное изменение индукции на поверхности барабана находилось в пределах 200...250 МТл, а градиент поля – 50...70 МТл/см.

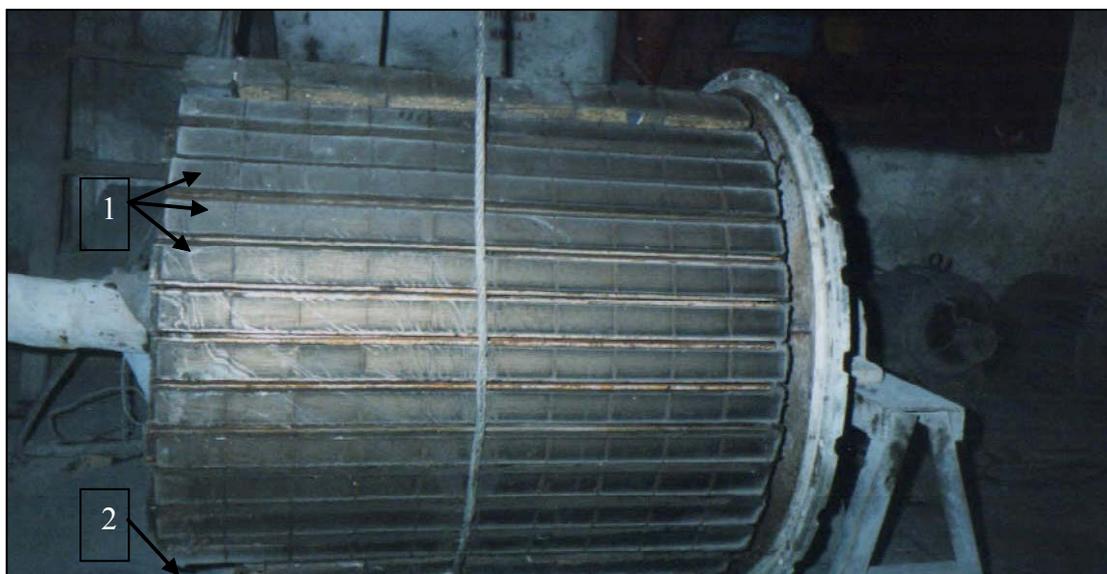

Рис. 4. Общий вид магнитной системы сепаратора ПБС 90/100 с магнитами размером 40x80x20 мм из сплава «неодим–железо–бор» (двенадцать рядов с чередующейся магнитной полярностью):
1 – ряды из неодимовых магнитов; 2 – ряды из ферритобариевых магнитов

Результаты измерения удельной магнитной силы с учетом удаления магнитов от поверхности барабанов представлены на рис. 5.

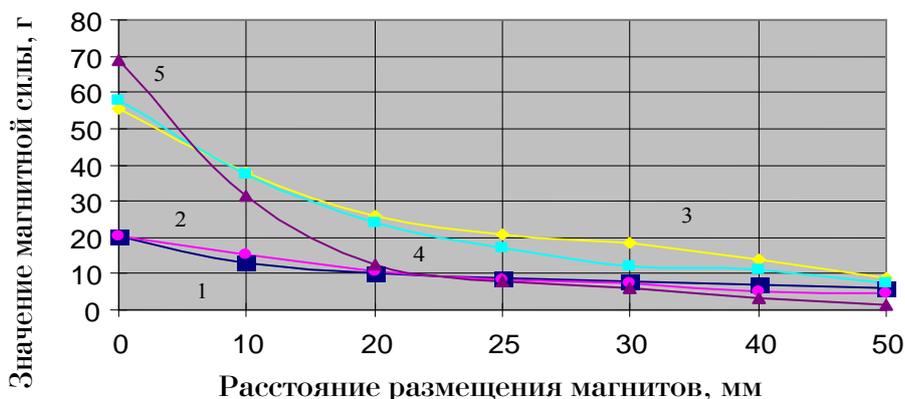

Рис. 5. Изменение удельной силы магнитного поля над магнитными системами сепараторов типа ПБС из:

- 1 — феррита бария (80x135x120 мм — с чередующейся полярностью);
- 2 — феррита бария (80x135x120 мм — однополярного);
- 3 — неодим-железо-бора (80x80x20 мм);
- 4 — неодим-железо-бора (60x80x20 мм);
- 5 — неодим-железо-бора (40x80x20 мм)

Выполненные измерения подтвердили преимущество магнитных систем, представленных магнитами из сплава «неодим-железо-бора». Наиболее четко преимущество последних проявлялось при сепарации мелкого и тонкого материала при удалении на расстояние от поверхности барабана в 20 мм.

По результатам проведенных испытаний рекомендованы следующие компоновочные решения по магнитной системе сепараторов: нулевой ряд из ферритобариевых блоков (для подмагничивания первого ряда), затем восемь-десять рядов из сплава «неодим-железо-бора». Последний ряд выполняется из стандартных блоков феррита бария, размеры которых уменьшены на 20 мм, с целью повышения схода транспортируемого рудного материала с поверхности барабана. Рекомендуемые численные значения магнитной индукции и градиента поля в зоне сепарации составит соответственно 200 МТл и 50 МТл/см (на расстоянии 20 мм от поверхности барабана).

Выполненные промышленные испытания на руде крупностью —8 мм и —20 мм подтвердили эффективность использова-

ния типоразмерного ряда пластин из новых материалов, мм: 60x80x20, 80x80x20. При этом ширина полюса и зазор между полюсами прямолинейно зависят от крупности исходного материала.

Уменьшение полюсного шага приводит к вращению и разрушению флоккул и прядей, высвобождению магнетитовых частиц и, в конечном итоге, к снижению потерь железа. Поэтому требуется увеличить частоту бегущего магнитного поля, численное значение которой (Гц) определяется по известной формуле

$$f = \frac{V}{2S},$$

где V — относительная скорость перемещения частиц материала и многополюсной магнитной системы, м/с;

S — шаг полюсов магнитной системы, м.

Из анализируемой формулы вытекает, что регулирование частоты можно осуществлять путём увеличения скорости или уменьшения полюсного шага. Однако увеличение скорости перемещения материала без увеличения составляющей магнитного процесса разделения ведёт к увеличению

потерь ценного компонента при сепарации железных руд. Следовательно, для повышения эффективности работы сепараторов необходимо стремиться к увеличению полезных сил, действующих в радиальном направлении (магнитная составляющая направлена к центру барабана) при одновременном повышении частоты магнитного поля.

Инновационная разработка последних лет, связанная с усовершенствованием магнитных систем сепараторов (применение сплава «неодим-железо-бор»), позволила увеличить центробежную составляющую процесса разделения рудного сырья. Скорость вращения барабанов увеличена с 1,88 до 3,77 м/с, а частота поля повышена с 15

до 41,9 Гц (при полосном шаге – 0,09 м) и 62,8 Гц (при полосном шаге – 0,06 м).

Выполненный комплекс мероприятий по реконструкции магнитных систем на основе реализации технологических инноваций позволил поднять извлечение железа в первичный концентрат на обогатительных фабриках ОАО «Евразруда» на 0,9 % при одновременном повышении качества первичных концентратов на 0,6 %. Технологические потери магнетитового железа с отвальными хвостами удалось снизить на 0,6 %. Экономический эффект от реализации разработанных мероприятий (по отношению к периоду 2007 г.) составил около 163 млн руб.

Литература

1. Якубайлик Э.К., Звегинцев А.Г. [и др.] Доизвлечение концентрата из железорудных отходов в импульсных градиентных полях // Изв. вузов. Черная металлургия. 1999. – № 8. – С. 10-12.
2. Килин В.И., Килин С.В. Метод подготовки железных руд к сухой магнитной сепарации // Обогащение руд. – 2008. – № 4. – С. 20-24.
3. Килин В.И. Использование вращающихся магнитных полей для отделения тонкодисперсного золота от магнетита // Материалы Международного совещания «Плаксинские чтения – 2004». – Иркутск, 2004. – Ежегодный выпуск.
4. Пат. 2344880. Магнитный сепаратор / В.И. Килин, Э.К. Якубайлик, С.В. Килин. Заяв. 15.07.2007 г. № 2007131162.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Мязин В.П., д-р техн. наук, профессор, Читинский государственный университет (ЧитГУ)

V. Myazin, Doctor of Engineering, Professor, Department of Underground Mining of Mineral Deposits, Chita State University

Научные интересы: техника и технология обогащения полезных ископаемых

Areas of expertise: methods and technology of mineral processing, complex use of the mineral raw materials

Килин В.И., докторант, Читинский государственный университет (ЧитГУ), ОАО «Евразруда», г. Новокузнецк

V. Kilin, doctoral candidate, Chita State University

Научные интересы: «магнитные методы» технологии обогащения железосодержащих руд

Areas of expertise: «magnetic methods» of iron ore concentration technologies

Якубайлик Э.К., институт физики СО РАН, г. Красноярск

E. Yakubaylik, Institute of physics of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Krasnoyarsk

Научные интересы: теоретические основы физики минералов и оценка применимости сепарации магнитных и слабомагнитных руд

Areas of expertise: theoretical bases of physics of mineral resources and estimation of the applicability of magnetic and low magnetic ore separation

УДК 622.258:622:553.042

Овсейчук Василий Афанасьевич
Basil Ovseichuk

ПРОИЗВОДСТВО ПРИРОДНОГО УРАНА НА ОАО «ПРИАРГУНСКОЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ГОРНО-ХИМИЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ» И ЕГО ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ

MANUFACTURE OF NATURAL URANIUM ON THE OPEN JOIN STOCK COMPANY «PRIAR-GUNSKY INDUSTRIAL MINING AND CHEMICAL ASSOCIATION» (PPGHO) AND ITS EFFECT ON AN ENVIRONMENT

На примере ОАО «ППГХО» описаны основные источники загрязнения окружающей среды (литосферы, гидросферы и атмосферы) при добыче и переработке урановых руд. Изложена система мероприятий по улучшению экологической обстановки на уранодобывающем комплексе

Ключевые слова: охрана окружающей среды, уран, радиоактивное заражение

In the article by the example of the joint stock company «PPGHO» the main sources of contamination of an environment (lithosphere, hydrosphere and atmosphere) at mining and processing of uranium ore are described. The system of measures on improvement of ecological conditions on a complex enterprise extracting uranium ore is suggested

Key words: environmental protection, uranium, radioactive infection

ОАО «Приаргунское производственное горно-химическое объединение» (ППГХО) – крупнейший уран-производящий центр на юго-востоке Забайкальского края. Добыча урана ведется с 1968 г. Два месторождения отработаны карьерами: «Красный камень» и «Тулукуевский». В настоящее время пять месторождений отрабатываются четырьмя подземными рудниками: 1, 2, 8 и «Глубокий». Подземный рудник 7 законсервирован. В стадии строительства находится рудник 6.

Производственной базой предприятия являются 19 месторождений Стрельцовского рудного поля со средним содержанием урана 0,2 %, расположенных на площади в 150 км². В эксплуатацию в той или иной мере вовлечены 11 месторождений. Переработка руд ведется на гидрометаллургическом заводе с 1974 г. сернокислотным выщелачиванием с извлечением урана по сорбционно-экстракционной схеме. Досто-

верных разведанных запасов достаточно для обеспечения настоящих объемов производства на 45 лет. Вместе с тем, селективная добыча относительно богатых руд в последние годы делает более бедные руды нерентабельными для традиционной добычи. Их планируется отрабатывать методами блочного подземного и кучного выщелачивания. Достаточный опыт ведения работ данными технологиями накоплен на предприятии начиная с конца 70-х гг. прошлого столетия. После пуска рентгенометрической обогатительной фабрики весь объем добываемой руды пропускается через нее, где руда делится на 4 сорта:

- 1) пустая порода;
- 2) «забалансовая» руда;
- 3) «рядовая» руда;
- 4) «богатая» руда.

Первые два сорта считаются «хвостами» производства и не участвуют в дальнейшей переработке, они складываются в отдельные

отвалы. «Бедная» руда после дополнительного дробления до размера куска менее 50 мм складывается в штабели и подвергается кучному выщелачиванию, а «богатая» руда отправляется на гидрометаллургический завод для последующей переработки. Уран, извлеченный из руды как кучным выщелачиванием, так и гидрометаллургическим способом, после целого ряда технологических операций превращается в концентрат природного урана (закись-окись урана), который и является готовой продукцией ППГХО.

За 40 лет работы объединения образовалось значительное количество твёрдых, жидких и газообразных отходов. Общая площадь радиоактивного загрязнения составляет 842 га: 723 га в промышленной зоне с уровнем радиоактивности 60...240 мкр/час и 119 га – в санитарно-защитной зоне и зоне наблюдения с активностью до 60 мкр/час.

Основными источниками загрязнения окружающей среды являются:

- 30 горных отвалов на площади 340 га, содержащих более 150 млн т породы и более 2,7 млн т забалансовых руд. Отвалы являются источниками загрязнения поверхности земли в результате продуцирования радиоактивной пыли и подземных вод посредством попадания продуктов распада урана и радия в почву с атмосферными осадками;

- шахтные воды, общий годовой объём которых превышает 8,5 млн м³. С 1993 г. они подвергаются очистке на специальной установке, но при аварийных ситуациях сброс «грязных» вод происходит на поверхность земли с дальнейшим загрязнением подземных вод.

- при извлечении урана на гидрометаллургическом заводе в окружающую среду переходит значительное количество отходов, которые, в основном, поступают в хвостохранилища;

- при переработке руды кучным выщелачиванием основным источником загрязнения является радиоактивная пыль, образующаяся в результате ветровой эрозии поверхности рудных штабелей, и утечки

продуктивных (насыщенных ураном) растворов при повреждении защитных экранов днища рудных штабелей;

- при транспортировке руды от рудников до рудоперерабатывающего комплекса (РПК) происходит просыпание руды из самосвалов на полотно и обочины транспортных дорог, что загрязняет поверхность земли и служит дополнительным источником образования радиоактивной пыли;

- в результате ведения горных работ в недрах образуется значительный объём пустот, в которых накапливаются продукты распада урана и радия, который сопутствует урану. Основным источником опасности является радон – 222, радиоактивный газ. Радон через тектонические разломы, трещины проникает на поверхность земли, скапливаясь в пониженных складках рельефа.

В зоне ведения подземных горных работ мощными вентиляционными системами рудников на поверхность выбрасывается около 1500 м³/сек шахтного воздуха, загрязненного шахтной пылью, газами взрывных работ, радоном и продуктами распада радиоактивных элементов.

Хвостохранилище является значительным источником экологической опасности. Наиболее значимая радиоактивная эманация связана с радоном – 222 и короткоживущими продуктами распада вследствие пыления пляжей. Возможные фильтрационные утечки через ложе хвостохранилища могут существенно загрязнить подземные воды.

В районе пос. «Октябрьский», находящегося в зоне ведения горных работ, возникла неординарная ситуация, связанная с фильтрацией на поверхность продуктов распада урана и радия через тектонические разломы и трещины и скапливанием их в погребах домов и пониженных складках рельефа (рис. 1). Такое положение дел создало ситуацию, близкую к экологической катастрофе. Было принято решение о переселении жителей пос. «Октябрьский». Разработана программа переселения и ежегодно выделяются средства из госбюджета на эти цели.

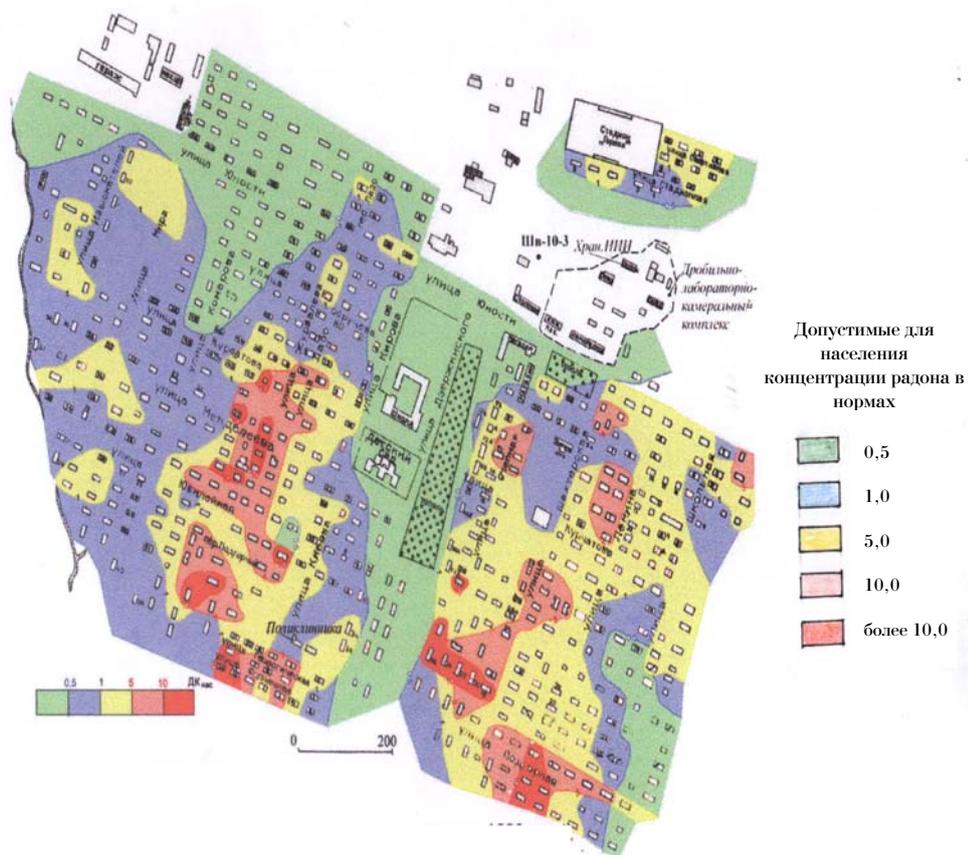

Рис. 1. Радиозоологическая обстановка по радону в пос. Октябрьский

Согласно программе, полное переселение жителей поселка должно быть завершено в 2010 г.

Система охраны окружающей среды ОАО «ППГХО» включает:

- отдел охраны окружающей среды, координирующий деятельность всех служб и подразделений в данном направлении;
- соответствующие службы подразделений, контролирующие содержание вредных химических веществ в атмосфере и в жидких отходах;
- службу радиационной безопасности и радиозоологии.

С целью снижения отрицательного влияния производства урана на окружающую среду проводятся следующие мероприятия:

- орошение пылящих поверхностей отвалов и подъездных дорог;
- рекультивация отработанных отвалов;

– утилизация безрудных отвалов для внутрипроизводственных нужд;

– укрепление дамб хвостохранилищ, повышение гребня и отметок экранирования ложа дамб;

– внедрение системы скважин водоперехвата ниже дамбы хвостохранилищ;

– разработка системы гидрогеологического мониторинга;

– модернизация установок по очистке шахтных вод и хозяйственно-бытовых стоков.

Экологическая обстановка по радиационному фактору и токсичным химическим веществам в настоящее время в основном соответствует санитарным нормам и требованиям экологической безопасности.

Восстановление окружающей среды в полном объеме будет осуществляться по мере вывода из эксплуатации отдельных участков производства.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Овсейчук В.А., д-р техн. наук, профессор, Читинский государственный университет (ЧитГУ), ведущий научный сотрудник Читинского института природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН
MKS3115637@yandex.ru

B. Ovseichuk, Doctor of Engineering, Professor, Department of Underground Mining of Mineral Deposits, Chita State University; Leading Scientific Employee, Chita Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, Russian Academy of Sciences

Научные интересы: геология, геотехнология урановых месторождений, охрана окружающей среды, радиационная безопасность

Areas of expertise: prospecting, exploration, technological estimation of deposits; geo-technology of mining of uranium deposits

---

УДК 621.86/87

Озорнин Сергей Петрович
Sergey Ozornin

Якимов Артем Викторович
Artyom Yakimov

АЛЬТЕРНАТИВНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРИБОРОВ БЕЗОПАСНОСТИ ГРУЗОПОДЪЕМНЫХ МАШИН

ALTERNATIVE APPLICATION OF MODERN CRANE SAFETY SYSTEMS

Рассматриваются перспективные возможности применения приборов безопасности ONK160 и OGM240 для целей оценки остаточного ресурса грузоподъемных машин. Также затрагиваются вопросы расчета стоимости аренды грузоподъемной техники, исходя из имеющихся сведений о выработке ее ресурса

Ключевые слова: кран, регистратор, интенсивность, эксплуатация, ресурс, модель, нейронная сеть, конкуренция, цена, аренда

This paper deals with applicability of modern crane safety systems – such as ONK160 and OGM240 – to structure health monitoring. Economic benefit of the proposed equipment is considered

Key words: crane, logger, intensity, operation, service life, model, neural network, competition, price, rent

Результаты анализа специфики работы грузоподъемных машин (ГПМ) выявили значительную неравномерность интенсивности эксплуатации (НИЭ), особенно ярко проявляющуюся в классе пневмоколесных стреловых кранов. Данное наблюдение подводит к заключению о несостоятельности традиционного подхода, применяемого для оценки остаточного ресурса ГПМ. Причиной этого является учет всего лишь одного параметра – наработки в моточасах. Естественным будет предположить дальнейшее развитие методов оценки остаточного ресурса в направлении увеличения количества контролируемых параметров, в частности, для учета НИЭ.

Идея учета интенсивности эксплуатации ГПМ в целях повышения точности

оценки остаточного ресурса не нова. В руководящих документах, например, в РД 10-112-2-09, для оценки наработки крана приводится такой показатель, как характеристическое число N_T [1]:

$$N_T = \sum_{i=1}^C \left(\frac{Q_i}{Q} \right), \quad (1)$$

где C – число рабочих циклов (поднятых грузов), выполненных от начала эксплуатации;

Q_i – масса груза, поднятая в i -м в цикле, т;

Q – максимальная грузоподъемность крана, т.

Расчет характеристического числа опирается на информацию, хранящуюся в памяти регистратора параметров (РП).

Данные электронные устройства ведут непрерывную запись значений параметров, характеризующих условия работы ГПМ. Традиционным стало их объединение с приборами безопасности. Регистратор параметров приборов ОНК160 и ОГМ240 (рис. 1) «помнит»:

- 1) наработку крана в моточасах;
- 2) суммарное число рабочих циклов;
- 3) массу поднятых грузов;
- 4) дату, время и основные параметры работы крана: углы поворота, линейные размеры и пр.;

5) параметры крана: тип и параметры стрелы, максимальная и минимальная высота, вылет, путь и азимут, установки для скоростных режимов работы механизмов крана;

6) параметры координатной защиты [2, 3].

Однако состав данных достаточно обширен, чтобы ограничиться лишь расчетом характеристического числа. Наиболее интересными представляются сведения о геометрической конфигурации крана. Их применение позволит проводить более детальный анализ условий работы металлоконструкций. Неизвестны работы, предлагающие аналогичные решения для целей оценки остаточного ресурса применительно к ГПМ, находящимся в эксплуатации.

Рис. 1. Вид панелей управления приборов безопасности ОНК160 (слева) и ОГМ240 (справа)

Наиболее важной проблемой, возникающей в данном случае, является выбор методов расчета, обеспечивающих приемлемую точность и, что не менее важно, оперативность получения результатов. Наиболее оптимальным вариантом видится использование гибридных моделей на ос-

нове аналитических функций и нейронных сетей. Последние применяются для моделирования высоконелинейных процессов, зависящих от широкого спектра параметров. Традиционные конечно-элементные методы в данном случае непригодны ввиду своей ресурсоемкости.

В горной промышленности все больше интерес проявляется к схемам аренды техники, позиционирующимся на показателях отработанного ресурса [4, 2 стр.]. Акцентированная в начале статьи НИЭ в практике эксплуатации ГПМ служит доводом в пользу аналогичных схем на рынке аренды строительных машин.

Спрос на аренду строительной техники в России в последние годы увеличился. Уровень конкуренции на данном сегменте следует признать достаточно высоким. Одним из путей выживания предприятия, занимающегося услугами аренды ГПМ, является повышение гибкости системы ценообразования.

Наиболее распространенный прием дифференцирования цен на предприятиях, предоставляющих услуги аренды строительных машин, состоит в применении системы следующих ставок:

- 1) часовая;
- 2) сменная;
- 3) месячная.

Ряд крупных предприятий имеет более гибкую ценовую политику, и величина ставки определяется исходя из следующих показателей:

- 1) продолжительности аренды;
- 2) времени года;
- 3) стоимости техники;
- 4) коэффициента использования фонда времени техники;
- 5) фирмы производителя;
- 6) технических характеристик техники;
- 7) опциональных услуг арендного предприятия, как то монтаж/демонтаж машин и пр. [5].

Одним из критериев стоимости аренды ГПМ предлагается ввести величину выработанного ресурса. Связь между стоимостью аренды и машино-ресурсом будет осу-

ществляться посредством коэффициента учета условий эксплуатации (КУЭ):

$$C_{AP} = K_{КУЭ} * C_{БАР}, \quad (2)$$

где C_{AP} — стоимость аренды только за эксплуатацию ГПМ, руб.;

$K_{КУЭ}$ — коэффициент условий эксплуатации, $K_{КУЭ} \in [1, n]$, n — выбирается таким образом, чтобы C_{AP} была выше, чем таковая у конкурентов (при тех интенсивности эксплуатации);

$C_{БАР}$ — базовая стоимость аренды только за эксплуатацию (выбирается с расчетом минимальной окупаемости), руб.

При учете только характеристического числа расчет КУЭ проводится так:

$$K_{КУЭ} = f(N_T),$$

где $f()$ — нелинейная функция, условиями подбора которой являются диапазоны значений C_{AP} , N_T .

Организационная схема работы представлена на рис. 2. Информация о работе грузоподъемной машины хранится в регистраторе параметров прибора ОГМ240, откуда она считывается на обыкновенную SD карту через определенные периоды времени. Затем на вычислительной машине, где установлено программное обеспечение для расчета арендной стоимости с учетом КУЭ,

производится анализ данных, собранных на SD карте с целью определения значения коэффициента КУЭ и последующего расчета стоимости аренды.

Рис. 2. Перенос информации с бортовой системы ОГМ240 на настольный компьютер для последующей оценки КУЭ

Внедрение коэффициента КУЭ в практику расчетов стоимости услуг аренды ГПМ позволит не только повысить гибкость системы ценообразования предприятия и таким образом привлечь новых клиентов, но и обеспечить больший срок службы парка машин.

Литература

1. Краны стреловые общего назначения и краны манипуляторы грузоподъемные: метод. рекомендации по экспертному обследованию грузоподъемных машин. Ч. 2 [Электронный ресурс]: РД 10-112-2-09 : утв. ООО «НИИКраностроения» 27.03.09: введ. в действие с 01.05.09. — Режим доступа: <http://www.nadzor-info.ru/RD%10-112-2-09.rar>. (Дата обращения: 10.05.2010).
2. НПП Резонанс: системы защиты и управления строительно-дорожных машин [Электронный ресурс], 2010. — Режим доступа: <http://www.rez.ru>. — Загл. с экрана.
3. ООО Арзамаскранприбор: продажа и сервисное обслуживание приборов безопасности, ограничителей грузоподъемности ОНК-160, ОНК-140, ОПГ-1 для стреловых, железнодорожных, мостовых, порталных, башенных кранов, трубоукладчиков, подъемников, кранов манипуляторов [Электронный ресурс], 2010. — Режим доступа: <http://www.arzkranpribor.com>. — Загл. с экрана.
4. Charles R.F. Damage prognosis: the future of structural health monitoring // Philosophical transactions of the royal society. — 2007. — № 5. — [Electronic resource]. — Системные требования: Acrobat Reader 5. — Режим доступа: <http://institute.lanl.gov/ei/shm/pubs/PTRS%20Prognosis%2006.pdf>. — (Дата обращения: 10.05.2010).
5. Николаев С.Н. О путях достижения успеха в бизнесе по аренде строительной техники [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.stm-ural.ru/news/id38/str=10>. — Загл. с экрана. — (Дата обращения: 10.05.2010).

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Озорнин С.П., д-р техн. наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, академик МАНЭБ, декан АТФ, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
Служ. тел. (7-30-22)442027

S. Ozornin, Doctor of Engineering, Professor, Corresponding Member of the RANS, IAELPS academician.

Научные интересы: организация систем технического обслуживания и ремонта машин

Areas of expertise: management of machinery maintenance systems

Якимов А.В., аспирант, Читинский государственный университет (ЧитГУ), специалист ООО «УНЦ ТЭС»
Тел. +79144594694

A. Yakimov, graduate student, crane safety inspector, UNC TES.

Научные интересы: системы мониторинга технического состояния машин

Areas of expertise: structure health monitoring

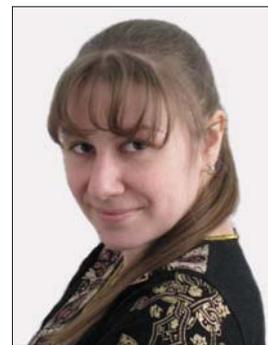

УДК 551.4.07+528.88: 551.435.48

Савельева Полина Юрьевна
Polina Saveleva

**ПАЛЕОГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКОЕ
КАРТИРОВАНИЕ НА ОСНОВЕ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДОВ ГИС И ДЗ
(НА ПРИМЕРЕ УЧАСТКА СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ
р. КАТУНЬ)**

**PALEOGEOMORPHOLOGICAL MAPPING ON
THE BASIS OF GIS AND RS TECHNIQUES
(BY EXAMPLE OF THE KATUN RIVER
MIDDLE STREAM AREA)**

Выделены этапы изменений рельефа района за четвертичный период. Основные результаты представлены в виде палеогеоморфологических карт, построенных с помощью данных ГИС и ДЗ

Ключевые слова: палеогеоморфология, четвертичный период, эрозионные террасы, Горный Алтай

The stages of the relief region changes during quaternary period are identified. The main results are given in paleogeomorphological maps, is drawn up by GIS and RS data

Key words: paleogeomorphology, Quaternary period, erosional terraces, Mountain Altai

В последние годы все больше внимания уделяется восстановлению палеогеографических обстановок и условий формирования рельефа Горного Алтая в позднем кайнозое, необходимых для понимания естественных природных процессов и их влияния на ландшафтно-климатические условия [2].

Целью нашей работы явился анализ геоморфологического строения и скоростей эрозионного вреза, на основе которого мы попытались проследить развитие рельефа района среднего и нижнего течения долины р. Чуя в четвертичном периоде (рис. 1). Характерной особенностью геоморфологического строения речных долин рек Горного Алтая является наличие широко распространенной серии высоких и средних террас, которые приурочены к среднему течению р. Катунь, нижнему и среднему течению р. Чуя. Согласно принятой модели геологического строения, рыхлые отложения, слагающие высокие террасы, объединяются в среднелепесточную Ининскую тол-

щу, а средние террасы – в позднелепесточную Сальджарскую толщу. Формирование таких террас связывают с неоднократными прорывами в плейстоцене ледниково-подпрудных озер, существовавших в районе Чуйской и Курайской впадин [2, 3, 6].

Дешифрирование материалов дистанционного зондирования является одним из ведущих методов при геоморфологическом картировании. Каждый масштаб снимков несет дополняющую друг друга информацию о рельефе, которую можно рассматривать как информационный банк геоморфологических данных. Нами были использованы аэрофотоснимки крупного масштаба и космический снимок Landsat. При создании геоморфологических карт изначально проводилось дешифрирование материалов, на основе которого был составлен предварительный вариант геоморфологической карты. Заверка границ выделов и изучение их геологических разрезов проводилась при полевых исследованиях.

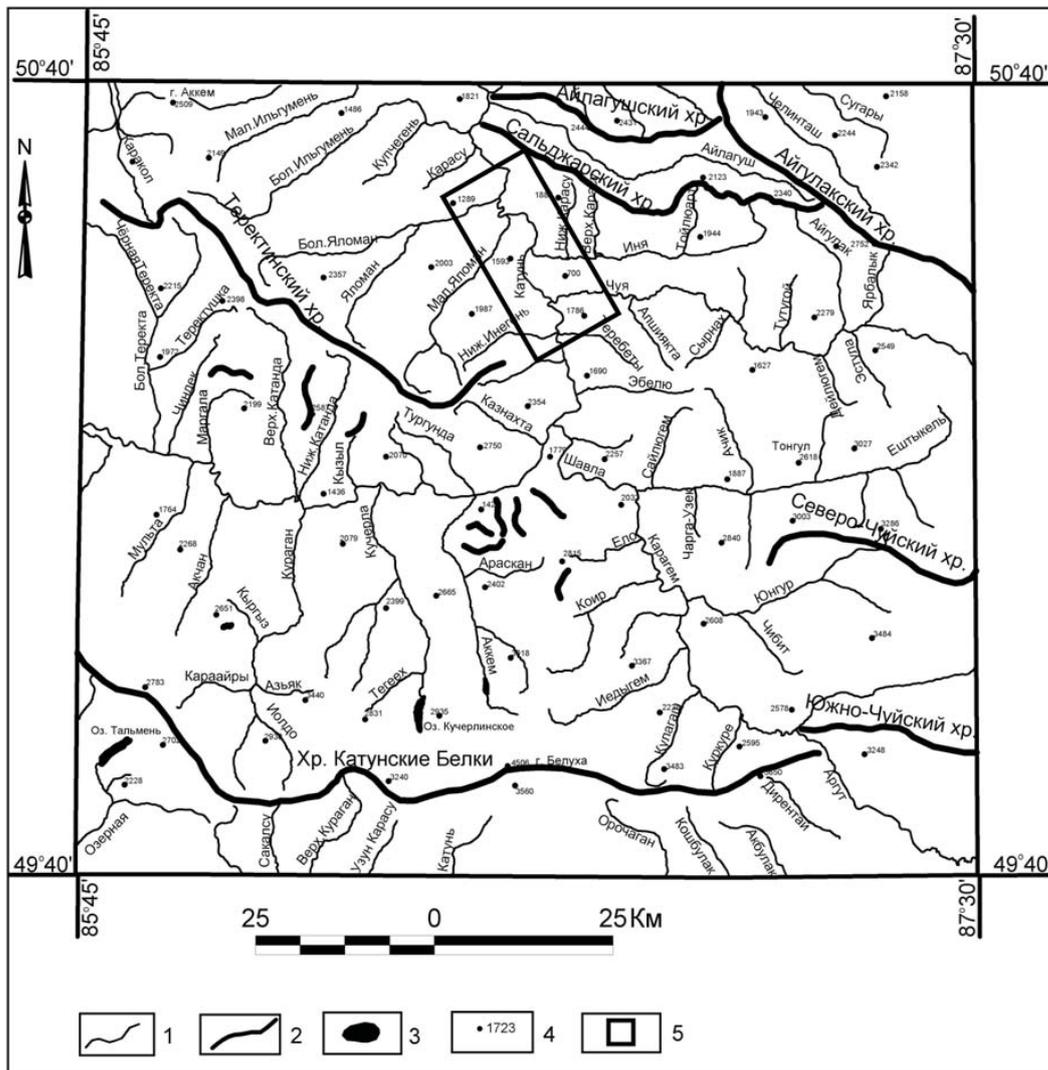

Рис. 1. Орографическая схема исследуемого района

Условные обозначения: 1 – реки; 2 – хребты; 3 – озера; 4 – отметки высот; 5 – район исследования

Геоморфологические карты, составленные по морфогенетическому принципу, отражают результат крупных преобразований рельефа. Анализ пространственных взаимоотношений позволил сделать вывод о развитии одних геоморфологических поверхностей и их связи с другими. Взяв за основу распространение этих морфогенетических элементов, учитывая данные о внутреннем строении генетически однородных поверхностей и результаты предыдущих исследователей, нами были построены карты, отражающие крупные этапы изменения ре-

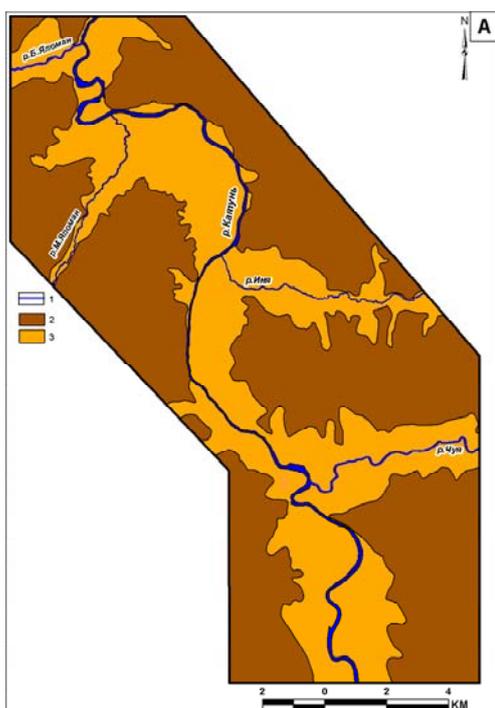
льефа в районе долины среднего течения р. Катунь в четвертичном периоде.

Применение компьютерных технологий в современном картографировании позволяет оперативно редактировать и дополнять карты на этапе составления. Геоморфологическая карта, построенная на основе морфогенетических принципов, является не только конечным продуктом, но и базой данных для дальнейшего анализа [5]. Подготовка и оформление электронной версии карт осуществлялись с использованием программного обеспечения ARCGIS 9.3.

Этапы формирования рельефа района в четвертичном периоде

На рис. 2, а...2, е представлены карты этапов изменения рельефа района долины среднего течения р. Катунь в четвертичном периоде.

Первый раннеплейстоценовый этап (рис. 2, а). Время максимума горно-долинного оледенения, сопровождающегося похолоданием, усилением склоновых процессов, становлением мерзлоты во внеледниковой зоне, обеднением биоты и иссушением климата [2].

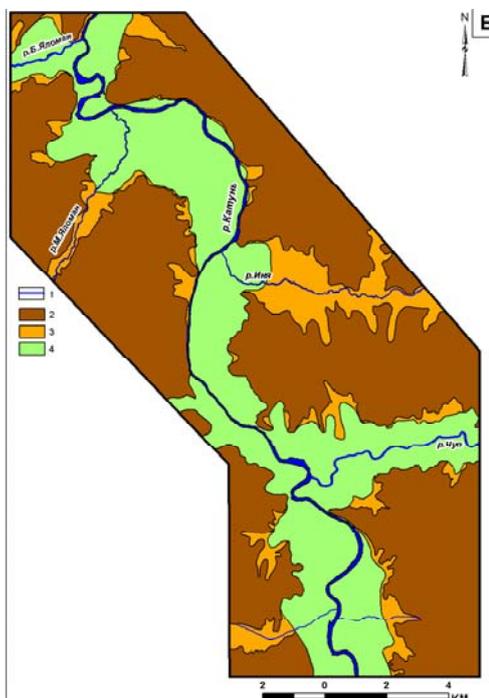
2, а. Раннеплейстоценовый этап

Условные обозначения: 1 – крутые склоны, сложенные коренными породами; 2 – склоны средней крутизны, перекрытые маломощным чехлом рыхлых отложений; 3 – современное положение рек

Формируются эрозионные долины крупных рек: для рек Катунь и Чуя – широкие магистральные; для Ини и Малого Яломана – открытые широкие короткие; для Большого Яломана – узкая, длинная с крутым продольным уклоном русла относительно уровня в приустьевой части [6]. В одном случае обломочного материала, пос-

тупающего в реки, было столько, сколько она способна вынести и переотложить его ниже по течению без изменения высотного положения дна долин. В другом случае рыхлого материала поступает меньше, тогда происходит размыв коренного ложа долины, пока не выработается новый продольный профиль для поддержания динамического равновесия. Происходит накопление маломощных пролювиально-делювиальных и аллювиально-делювиальных отложений.

Второй средне-позднеоплейстоценовый этап (рис. 2, б).

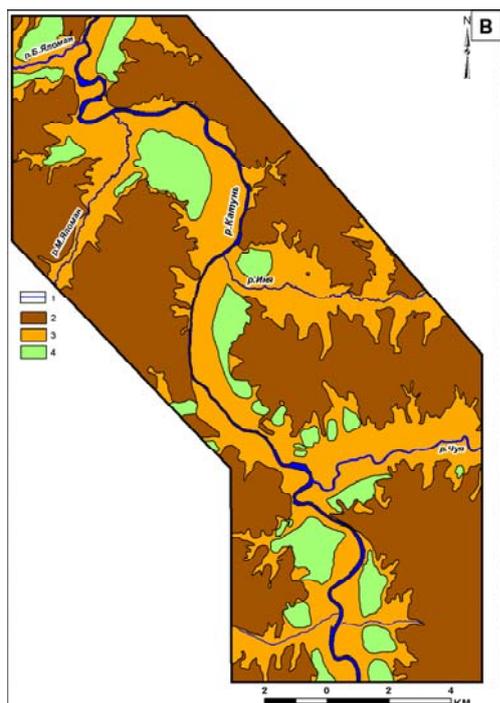
2, б. Средне-позднеоплейстоценовый этап

Условные обозначения: 1 – крутые склоны, сложенные коренными породами; 2 – склоны средней крутизны, перекрытые маломощным чехлом рыхлых отложений; 3 – уровень заполнения долин рек отложениями Ининской толщи; 4 – современное положение рек

Время деградации горно-долинного оледенения, сопровождающееся резким изменением среды, повсеместным таянием ледников, образованием талых вод и вскрышей массы ледниково-подпрудных

озер. Катастрофические прорывы озер в верхнем течении долины р. Чуя являлись основной причиной обводнения долин рек. В результате катастрофических паводковых событий, повторяющихся, по меньшей мере, семь раз, шло накопление мощных осадков Ининской толщи [2, 3, 6]. Паводки затронули также более мелкие притоки р. Катунь. В долине Большого Яломана обводнение спровоцировало образование оплывов, оползней, вовлекая их в грязевые потоки и переотлагая в пределах долины. В долины Малого Яломана и Ини грубообломочный материал преимущественно проникал со стороны магистральной долины р. Катунь. Приустьевая часть р. Иня практически полностью перегораживается плотной из дресвяников. Происходит расширение мелких эрозионных долин [6].

Третий позднеплейстоценовый этап (рис. 2, в).

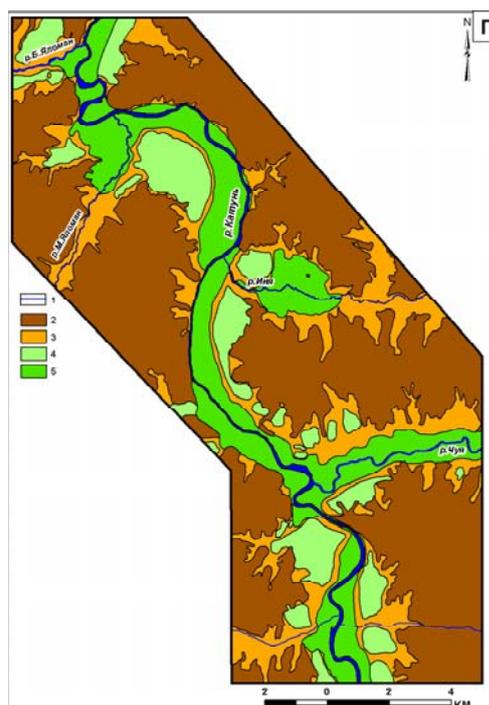

2, в. Позднеплейстоценовый этап

Условные обозначения: 1 – крутые склоны, сложенные коренными породами; 2 – склоны средней крутизны, перекрытые маломощным чехлом рыхлых отложений; 3 – высокие террасы, сложенные отложениями Ининской толщи; 4 – современное положение рек

После спада паводка и увеличения количества обломочного материала до величины, превышающей выносную способность реки, путем врезания речного потока происходит скульптурная постройка лестницы высоких террас. В это же время расширяются и углубляются мелкие эрозионные долины [4, 5].

Четвертый позднеплейстоценово-раннеголоценовый этап (рис. 2, г).

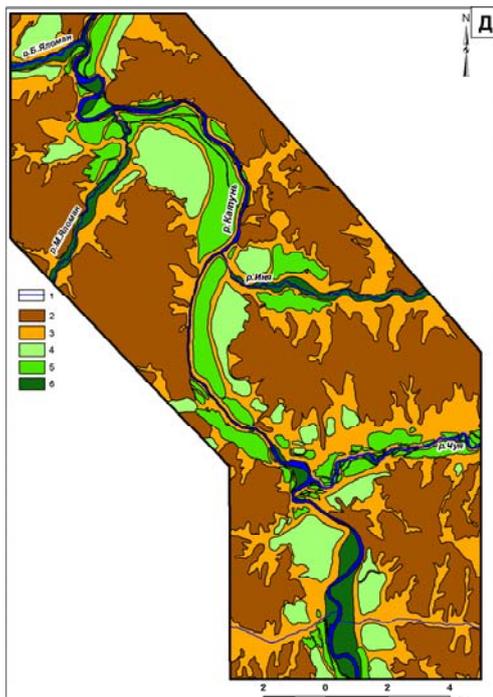
2, г. Позднеплейстоценово-раннеголоценовый этап

Условные обозначения: 1 – крутые склоны, сложенные коренными породами; 2 – склоны средней крутизны, перекрытые маломощным чехлом рыхлых отложений; 3 – высокие террасы, сложенные отложениями Ининской толщи; 4 – уровень заполнения долин рек отложениями Сальджарской толщи; 5 – современное положение рек

Эпоха серии кратковременных потеплений и похолоданий сопровождалась ростом ледников, вспышкой неотектонической активности, а затем и деградацией ледников и прорывом мелких подпрудных озер в Курайской и Чуйской котловинах [2]. В результате этих процессов формируются грубообломочные отложения Сальджарской

толщи на уровне 80...100 м относительно современного уреза рек. Катастрофические паводки носили, по меньшей мере, трехкратный характер [2, 3, 6]. В районе устья р. Иня прорезается узкое ущелье, через которое глыбово-валунный материал, поступающий с долины Катунь, не способен проникнуть вглубь долины. За пределами этого ущелья формируется широкая эрозионная долина, в которой при обводнении сначала шло заполнение привнесенными паводком дресвяниками, а позднее формировалась субозерная обстановка. Если в долине Малого Яломана продолжала существовать обстановка широкого залива, то в долине Большого Яломана материал, принесенный во время образования Сальджарской толщи, не способен прорезать осадки, сформированные в эпоху Ининских паводков, поэтому не проникает вглубь долины [6].

Пятый раннеголоценовый этап (рис. 2, д).

2, д. Раннеголоценовый этап

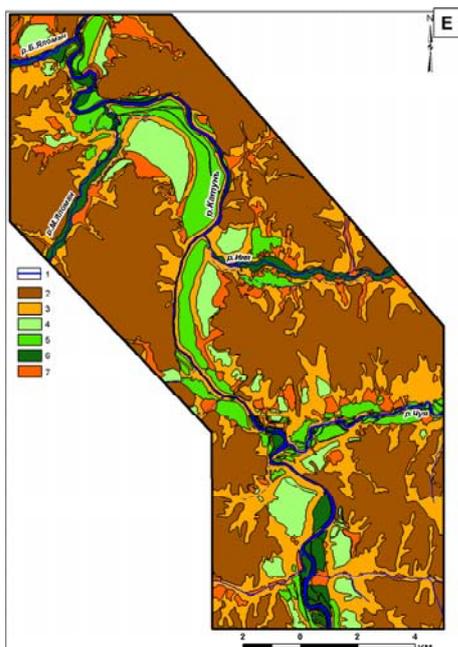
Условные обозначения: 1 – крутые склоны, сложенные коренными породами; 2 – склоны средней крутизны, перекрытые маломощным чехлом рыхлых отложений; 3 – высокие терра-

сы, сложенные отложениями Ининской толщи; 4 – средние террасы, сложенные отложениями Сальджарской толщи; 5 – поймы, сложенные аллювиальными отложениями; 6 – современное положение рек

Время деградации горно-долинного оледенения. Более теплые и мягкие климатические условия и ослабление тектонической активности стабилизировали ход геологических процессов, способствовали уменьшению эрозионно-денудационных процессов [2]. Реки в процессе своей эрозионной деятельности врезаются в грубообломочные отложения Сальджарской частично Ининской толщ, формируют комплекс средних террас [4]. В долинах рек эродируемый рыхлый материал переносится вниз по течению, переотлагается в виде аллювиальных отложений.

Шестой голоценовый этап. Климатические условия приближены к современным, тектонические движения не приводят к существенной перестройке рельефа [1, 2]. В накопившихся ранее пойменных отложениях в результате аллювиального врезания происходит формирование серии низких террас [4]. Эрозионная деятельность затронула не только долины оврагов и мелких рек, но и древние площадки террас, которые подвергаются частичному размыву. Высокие и средние террасы под действием денудации подвергаются частичному размыву. Отложения, слагающие террасы, выносятся и переотлагаются на склонах.

Современное состояние рельефа (рис. 2, е). Резко континентальный климат региона, характерный для горной области, и современная сейсмическая активность способствуют дальнейшим преобразованиям рельефа. Периодическая активизация сейсмических процессов приводит к возникновению обвальнo-осыпных и оползневых форм. Происходит дальнейший врез рек Катунь и Чуи. На склонах формируются эрозионные долины, овраги, идет вынос рыхлого материала и переотложение его вниз по течению.

2, в. Современное состояние рельефа

Условные обозначения: 1 – крутые склоны, сложенные коренными породами; 2 – склоны средней крутизны, перекрытые маломощным

чехлом рыхлых отложений; 3 – высокие террасы, сложенные отложениями Ининской толщи; 4 – средние террасы, сложенные отложениями Салджарской толщи; 5 – поймы и низкие террасы, сложенные аллювиальными отложениями; 6 – шлейфы, конуса, овраги, балки, склоны, сложенные современными склоновыми отложениями; 7 – современное положение рек

В результате проведенных исследований в районе среднего течения р. Катунь начиная с раннего плейстоцена выделено семь этапов развития рельефа, которые удалось отобразить в виде серии палеогеоморфологических карт, построенных в электронном варианте на основе данных ДЗ и полевых исследований. При выделении этапов развития рельефа района за основу были взяты резкие преобразования геоморфологических элементов, обусловленные сменой рельефообразующих процессов, поэтому временные границы между этапами проведены не совсем строго.

Литература

1. Богачкин Б.М. История тектонического развития Горного Алтая в кайнозое. – М.: Наука, 1981. – 132 с.
2. Бутвиловский В.В. Палеогеография последнего оледенения и голоцена Алтая: событийно-катастрофическая модель. – Томск: ТГУ. – 1993. – 253 с.
3. Парначёв С. В. Геология высоких алтайских террас (Яломано-Катунская зона). – Томск: ТГУ. – 1999. – 137 с.
4. Зольников И.Д., Мистрюков А.А., Середнёв М.А., Лабкина И.А. Строение и генезис средних террас Яломано-Катунской зоны (Юго-Восточный Алтай) // Геоморфология. – 2004. – № 3. – С. 75-84.
5. Мистрюков А.А., Савельева П.Ю. Геоморфологическое картирование экосистем устья реки Чуи с использованием ГИС-технологий // Сибирский экологический журнал. – 2005. – № 6. – С. 973-983.
6. Зольников И.Д., Мистрюков А.А. Четвертичные отложения и рельеф долин Чуи и Катунь. – Новосибирск: Параллель, 2008. – 182 с.

Коротко об авторе

Савельева П.Ю., инженер Института геологии и минералогии СО РАН, аспирантка, Новосибирский государственный университет (НГУ)
poli@igm.nsc.ru

Научные интересы: геоморфологическое картирование, палеогеоморфология, дистанционное зондирование, четвертичная геология, региональная геология

Briefly about the author

P. Saveleva, Engineer, Institute of Geology and Mineralogy, SB RAS, Post-graduate student, Department of General and Regional Geology, Novosibirsk State University

Areas of expertise: Geomorphological mapping, paleogeomorphology, distant exploration, Quaternary geology, regional geology

РАБОТА ДИССЕРТАЦИОННЫХ СОВЕТОВ ЧитГУ В ПЕРВОМ ПОЛУГОДИИ 2010 г.

В первом полугодии 2010 г. работу по рассмотрению и проведению защит диссертационных работ соискателей ученых степеней проводили три диссертационных совета Читинского государственного университета.

Диссертационный совет Д 212.299.01 по специальностям: 25.00.11 – геология, поиски и разведка твердых полезных ископаемых, минерагения (геолого-минералогические науки); 5.00.13 – обогащение полезных ископаемых (технические науки); 25.00.22 – геотехнология (подземная, открытая и строительная) (технические науки).

Диссертационный совет Д 212.299.02 по специальности: 25.00.36 – геоэкология (технические науки).

Диссертационный совет Д 212.299.03 по специальностям: 22.00.08 – социология управления (социологические науки); 23.00.02 – политические институты, процессы и технологии (политические науки).

За рассматриваемый период в диссертационных советах было успешно защищено 18 диссертаций – 1 докторская и 17 кандидатских.

1. Диссертация Шарاپова Николая Михайловича на тему «Совершенствование методологии восстановления качества поверхностных вод природных водных объектов на уровне субъекта федерации (на примере Забайкальского края)» на соискание ученой степени доктора технических наук (25.00.36).

Диссертация подготовлена в ГОУ ВПО «Читинский государственный университет». Научный консультант – академик РАН, д-р геол.-минер. наук, профессор В.И. Осипов.

Научная новизна: впервые предложено разделить систему нормирования качественного состава вод на две категории: 1) вода, забираемая из водных объектов и используемая человеком в различных целях; 2) вода природных водных объектов, как ресурс. Предложена методика комплексной сравнительной оценки качества вод, позволяющая ранжировать водные объекты по привносу загрязняющих веществ. Предложено разрабатывать водохозяйственные программы не по створу, а по участкам для водотоков (по времени – для водоемов).

Предложена методика разработки временного норматива допустимых воздействий на водный объект.

2. Диссертация Кириллова Максима Владимировича «Совершенствование технологии детоксикации активного ила с целью его безопасной утилизации в агросистемах» на соискание ученой степени кандидата технических наук (25.00.36).

Диссертационная работа выполнена в ГОУ ВПО «Уральский государственный университет путей сообщения». Научный руководитель – д-р биол. наук, профессор А.М. Асонов.

Научная новизна: установлены зависимости процесса десорбции тяжелых металлов с активных илов от массы биосорбента (тростник обыкновенный) в разные периоды вегетации; динамика концентрации тяжелых металлов в вегетативных органах тростника в сезонном разрезе; зависимости процесса десорбции тяжелых металлов с активных илов от фракционного состава и дозы сорбента (опока); влияние технологии на содержание тяжелых металлов в активных илах. Разработаны технологии подготовки активного ила, загрязненного тяжелыми металлами; комплексе сооружений для реализации биосорбционной технологии регенерации активного ила, загрязненного ионами тяжелых металлов.

3. Диссертация Шербатюка Андрея Петровича «Защита атмосферного воздуха от загрязнения отработавшими газами автомобилей в регионах с резкоконтинентальным климатом

(на примере г. Чита)» на соискание ученой степени кандидата технических наук (25.00.36).

Диссертация выполнена в ГОУ ВПО «Читинский государственный университет». Научный руководитель – д-р техн. наук, профессор В.Н. Заслоновский.

Научная новизна: для территории города с неблагоприятными климатообразующими факторами определены объемы выбросов токсичных и вредных веществ в составе ОГ автомобильных бензиновых ДВС; получены закономерности, отражающие влияние различных факторов на накопление токсичных и вредных веществ в нижних точках котловин в условиях резко континентального климата и содержание токсичных и вредных веществ в ОГ автомобильных бензиновых ДВС; предложено техническое решение, позволяющее обеспечить запуск ДВС на газообразном топливе в холодное время года и таким образом стимулировать перевод автомобильных бензиновых ДВС на альтернативное (газообразное) топливо в регионах с длительным холодным периодом года. Рассчитан ущерб и эколого-экономическая эффективность перевода автомобилей с бензиновыми ДВС на альтернативное газовое топливо.

4. Диссертация Лапкина Германа Ивановича «Усовершенствование эколого-ориентированных технологий для управления водным балансом системы гидрозолаудаления (на примере ТЭЦ – 1, в г. Чита)» на соискание ученой степени кандидата технических наук (25.00.36).

Диссертация выполнена в ГОУ ВПО «Читинский государственный университет» и Институте природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН. Научный руководитель – д-р техн. наук Д.М. Шестернев.

Научная новизна: разработана графическая функциональная модель природной технической системы «ТЭЦ - 1, г. Чита» и оценено ее влияние на деградацию криолитозоны и экологическое состояние окружающей среды. Разработана методика создания противоточного экрана из композитных материалов с заранее заданными свойствами. Предложена и защищена патентом эколого-ориентированная технология применения природных сорбентов для круглогодичной очистки техногенных стоков ТЭС. Разработана технология управления

положительным водным балансом системы гидрозолаудаления для снижения техногенного воздействия тепловой электростанции на подземные и поверхностные воды.

5. Диссертация Головневой Татьяны Игоревны «Комплексная оценка антропогенного загрязнения почв территории Иркутской области и разработка мероприятий по их восстановлению» на соискание ученой степени кандидата технических наук (25.00.36).

Диссертация выполнена в ГОУ ВПО «Иркутский государственный технический университет». Научный руководитель – канд. техн. наук, доцент Е.А. Мусихина.

Научная новизна: произведена комплексная оценка загрязнения почв по пространственно-временной методике; установлена зависимость изменения качественных характеристик почв при применении saniрующих агентов; разработана методика комплексной оценки почв применительно к Иркутской области с возможностью адаптации к другим территориям; предложен метод определения величины ущерба окружающей среде на основе эффекта наложения областей антропогенного воздействия; определена возможность прогнозирования антропогенного загрязнения территорий различного вида токсикантами с целью создания буферных зон; предложена технология санирования почв, определены условия ее реализации к влиянию антропогенных факторов на экосистемы применительно к территориям Иркутской области.

6. Диссертация Филипповой Елены Владимировны «Обоснование технологии восста-

новления лесных водосборов, нарушенных пожарами и сплошными рубками, в условиях Забайкалья» на соискание ученой степени кандидата технических наук (25.00.36).

Диссертация выполнена в ГОУ ВПО «Читинский государственный университет». Научный руководитель — канд. техн. наук, доцент Н.М. Шарапов.

Научная новизна: впервые на основании многолетних данных и экспедиционного обследования модельного водотока в Забайкальском крае отслежено влияние залесенности на количественные и качественные показатели стока с учетом многолетних данных по вырубкам и лесным пожарам и обоснована наиболее рациональная технология восстановления лесных водосборов.

7. Диссертация Фалейчик Ларисы Михайловны «Методы и технологии для оценок экологического состояния природно-технических систем с использованием математического и геоинформационного моделирования» (25.00.36).

Диссертация выполнена в Институте природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН и ГОУ ВПО «Читинский государственный университет». Научный руководитель — д-р техн. наук, профессор И.П. Глазырина.

Научная новизна: разработана и реализована в виде программно-аналитического комплекса методология прогноза и оценки состояния природных и природно-технических систем, последствий техногенных воздействий на окружающую среду. Разработано ГИС-приложение для построения регулярной прямоугольной расчетной сетки для привязки к ней информации о подстилающей поверхности и подготовки ее для использования в численной модели гидродинамики атмосферы. Разработан и реализован в среде ГИС сценарий прогнозной оценки ущерба от техногенного вмешательства в геоэкологическую среду. Предложен алгоритм построения интегральных социо-эколого-экономических индикаторов качества геоэкологической среды, основанный на использовании аналитических возможностей геоинформационных систем.

8. Диссертация Дмитриевой Ларисы Юрьевны «Разработка технологии прогнозирования изменений почвенного покрова под антропогенным воздействием (на примере Иркутской

области)» на соискание ученой степени кандидата технических наук (25.00.36).

Диссертация выполнена в ГОУ ВПО «Иркутский государственный технический университет». Научный руководитель — канд. техн. наук, доцент Е.А. Мусихина.

Научная новизна: предложен универсальный способ повышения адекватности комплексной оценки ущерба на основе пространственно-временной методик; разработан способ визуализации границ возможного антропогенного воздействия от локального объекта на периферию окружающего пространства с учетом фактора времени. Впервые установлена интерференция плотности антропогенного воздействия. Показана зависимость медико-демографических показателей состояния здоровья населения от характера антропогенного воздействия на почвенный покров. Выполнен расчет эколого-экономического ущерба, наносимого почвам территории Иркутской области на основе пространственно-временной методик. Создано техническое программное средство для расчета интерференции плотности наложения от различных типов воздействия.

9. Диссертация Бузиной Марины Викторовны «Повышение эффективности и надежности гелиосистем с учетом рискообразующих факторов на стадии проектирования» на соискание ученой степени кандидата технических наук (25.00.36).

Диссертация выполнена в ГОУ ВПО «Читинский государственный университет». Научный руководитель — канд. техн. наук, доцент В.Г. Телешов.

Научная новизна: для Забайкалья выполнен анализ солнечно-климатических факторов и проведено зонирование Забайкальского региона по условиям использования гелиосистем; выявлены доминирующие климатические, технологические, экологические и экономические факторы, определяющие возможность и эффективность использования солнечной энергии на базе предлагаемых гелиосистем; обоснован принцип оценки эффективности и сравнения вариантов гелиосистем на этапе проектирования на базе использования коэффициента риска, учитывающего рискообразующие факторы климатического, технологического и экономического характера.

10. Диссертация Гудзя Михаила Михайловича «Карбонатные формации и месторождения Восточного Забайкалья» на соискание ученой степени кандидата геолого-минералогических наук (25.00.11).

Диссертация выполнена в ГОУ ВПО «Читинский государственный университет». Научный руководитель – д-р геол.-минер. наук, профессор А.И. Трубачев.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в выделении и обосновании Восточно-Забайкальской минерагенической провинции карбонатных формаций и месторождений на основе ряда критериев; выявлении закономерностей размещения и условий формирования формаций и месторождений.

11. Диссертация Дядина Валерия Ивановича «Обоснование и разработка метода электродинамической сепарации труднообогатимых металлоносных песков» на соискание ученой степени кандидата технических наук (25.00.13).

Диссертация выполнена в ГОУ ВПО «Читинский государственный университет». Научный руководитель – д-р техн. наук, профессор В.П. Мязин.

Научная новизна: созданы устройства генерации импульсного бегущего магнитного поля для извлечения из массопотоков мелких проводящих частиц ценного компонента и разработан способ управления их траекториями в рабочем пространстве электродинамического сепаратора; разработана конструкция сепаратора с импульсным бегущим магнитным полем, защищенная патентами РФ; обоснованы мето-

дологические принципы построения технологических линий для извлечения мелких электропроводящих частиц из металлоносных песков с помощью электродинамической сепарацией при разработке континентальных и прибрежно-морских россыпей.

12. Диссертация Гавриловой Надежды Анатольевны «Обоснование технологии подземного выщелачивания урана многоствольными скважинами (на примере Хиагдинского месторождения)» на соискание ученой степени кандидата технических наук (25.00.22).

Диссертация выполнена в ГОУ ВПО «Читинский государственный университет». Научный руководитель – д-р техн. наук, профессор В. М. Лизункин.

Научная новизна: разработана патентозащищенная рядная система подземного выщелачивания на основе многоствольных скважин; усовершенствована методика технико-экономического обоснования их рациональных параметров; установлены зависимости изменения трудоемкости и себестоимости вскрытия продуктивного пласта, добычи 1 кг металла и продолжительности физико-химического процесса многоствольными скважинами для разработанных конструкций при определении их области применения.

13. Диссертация Пакулова Владимира Васильевича «Совершенствование технологии выемки маломощных крутопадающих жил на основе малогабаритных самоходных машин (на примере Дарасунского золоторудного месторождения)» на соискание ученой степени кандидата технических наук (25.00.22).

Диссертация выполнена в ГОУ ВПО «Читинский государственный университет». Научный руководитель – д-р техн. наук, профессор Г.Г. Пирогов.

Научная новизна: разработана технология отработки маломощных крутопадающих жил слабонаклонными слоями с закладкой выработанного пространства; доказана целесообразность применения гидравлической закладочной смеси на основе гранулированных хвостов обогащения, позволяющих повысить производительность закладочных работ и сокращать накопления на земной поверхности твердых отходов вредных и токсичных веществ.

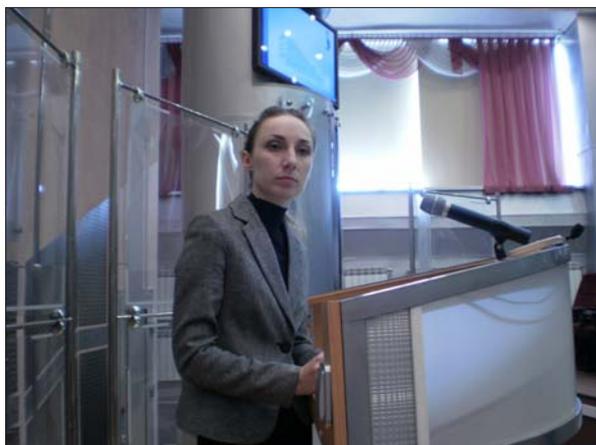
14. Диссертация Курчина Георгия Серге-

евича «Повышение эффективности отработки мощных пологопадающих нерудных залежей камерно-столбовыми системами (на примере месторождений Норильского промышленного района)» на соискание ученой степени кандидата технических наук (25.00.22).

Диссертация выполнена в Институте горного дела, геологии и геотехнологий «Сибирского федерального университета». Научный руководитель – канд. техн. наук, профессор С.А. Вохмин.

Научная новизна: усовершенствованы классификации количественных и качественных потерь нерудного сырья. Предложен показатель, позволяющий формировать оптимальное содержание компонентов в товарном сырье и определять технологический контур с уровнем потерь и разубоживания. Усовершенствован методический подход к нормированию показателей извлечения. Разработана методика количественной оценки потерь и разубоживания при камерно-столбовых системах. Подготовлены и внедрены «Руководство для нормирования и планирования потерь и разубоживания при системах разработки с открытым очистным пространством». Испытаны и внедрены новые паспорта буровзрывных работ, позволяющие снизить потери полезного ископаемого в массиве.

15. Диссертация Алюшиной Алёны Анатольевны «Альтерглобализм в условиях современного процесса демократизации» на соискание ученой степени кандидата политических наук (23.00.02).

Диссертация выполнена в ГОУ ВПО «Забайкальский государственный гуманитарно-

педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского». Научный руководитель – д-р филос. наук, доцент Д.А. Крылов.

Научная новизна: концептуализированы современные идеи альтерглобализма и определены возможности их реализации в условиях демократизации. Выявлены особенности влияния альтерглобализма на общественно-политические отношения в условиях демократизации. Исследованы причины появления и развития антиглобализма как реакции на экономическую эксплуатацию «периферии» в интересах глобальных игроков (ТНК, правительства стран первого мира), на идеологическое манипулирование, информационное и культурное давление, которая приводит к новой интеграции общественных и политических сил на глобальном уровне.

16. Диссертация Ивановой Марии Владимировны «Политика социального государства по отношению к потребительству в условиях политической модернизации России» на соискание ученой степени кандидата политических наук (23.00.02).

Диссертация выполнена в ГОУ ВПО «Читинский государственный университет». Научный руководитель – д-р филос. наук, профессор В.С. Дробышевский.

Научная новизна: выявлены главные цели и задачи политической модернизации, на которые должна быть ориентирована политика социального государства в отношении потребительства; систематизированы данные о потребительстве как феномене постиндустриального общества, определена его политическая значимость и дана его оценка; определены основные функции социального государства и его политическая роль в модернизирующемся обществе; выявлены условия формирования идеологии потребительства в современной России; проанализирована роль потребительства в российской политической модернизации. Определены основные направления государственной политики противодействия потребительству и её влияние на политический транзит в России.

17. Диссертация Батомункуевой Аги Дунгилаевны «Формирование управленческих компетенций учащихся гимназии: социологический анализ» на соискание ученой степени кандидата социологических наук (22.00.08).

Диссертация выполнена в ГОУ ВПО «Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского». Научный руководитель – д-р социол. наук, доцент М.Б. Лига.

Научная новизна: разработана и апробирована методика эмпирико-социологического исследования формирования управленческих компетенций на этапе допрофессионального образования. Описана организационно-технологическая основа формирования управленческих компетенций учащихся гимназии, содержащая исторический, нормативно-правовой, организационный, кадровый и социокультурный ресурсы. Осуществлен социологический анализ модели формирования управленческих

компетенций учащихся гимназии, включающей следующие компоненты: управленческие компетенции, организационно-технологическая основа, основные принципы функционирования, технологии формирования управленческих компетенций.

18. Диссертация Лавриковой Виктории Николаевны «Управление природно-техногенной безопасностью субъекта Российской Федерации (на примере Забайкальского края) на соискание ученой степени кандидата социологических наук (22.00.08).

Диссертация выполнена в ГОУ ВПО «Читинский государственный университет». Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент В.И. Аленочкин.

Научная новизна: выявлены особенности государственной политики, от реализации которых в значительной мере зависит управление природно-техногенной безопасностью на уровне региона; разработана методика исследования управления природно-техногенной безопасностью в Забайкальском крае; дана оценка природно-техногенной безопасности Забайкальского края. предложена и обоснована модель управления природно-техногенной безопасностью в Забайкальском крае.

Н. П. Котова, главный ученый секретарь

Книгоград

Дробышевский В.С., Романова Н.И. Коррупция и антикоррупционные системы: монография. – Ч. 1. – Чита: Поиск, 2010. – С. 304.

Монография состоит из трех частей, в которых рассматриваются общие вопросы исследования коррупции и формирования антикоррупционных систем (ч. 1); проблемы определения специфики коррупционных и антикоррупционных отношений (ч. 2). В ч.

3 представлены результаты социологических исследований по вопросам коррупции и антикоррупционной борьбы.

Работа может представлять интерес как для исследователей проблем борьбы с коррупцией, так и для практических работников.

Мальшев Е.А., Сокол-Номоконов Э.Н., Сокол-Номоконов В.А. Планирование и прогнозирование развития региональных энергетических систем: анализ современного состояния и проблем экономического прогнозирования и планирования развития электроэнергетических систем: монография. – Ч. 1. – Чита: ЧитГУ, 2010. – 135 с.

Монография посвящена актуальным теоретическим и практическим проблемам планирования и прогнозирования развития электроэнергетических систем Российской Федерации.

Рассматриваются вопросы современного состояния и проблем прогнозирования и планирования развития электроэнергетических систем в России и за рубежом. Особое внимание уделено существующим документам отраслевого и территориального планирования и их прогностическим разделам. Анализируется имеющийся в распоряжении практиков методический инструментарий.

Рекомендована для специалистов электроэнергетической отрасли, специалистов территориального планирования, служащих и руководителей органов государственной власти и местного самоуправления, аспирантов экономических и технических специальностей и научных работников, занимающихся изучением проблем электроэнергетики.

Юбилейные даты

Поздравляем сотрудников Читинского
государственного университета

Рубцов Юрий Иванович –
доцент кафедры БЖД ИСиЭ

Бурнашева Наталья Николаевна –
доцент кафедры химии ЭИ

Колесова Тамара Ивановна –
доцент кафедры математики ЭИ

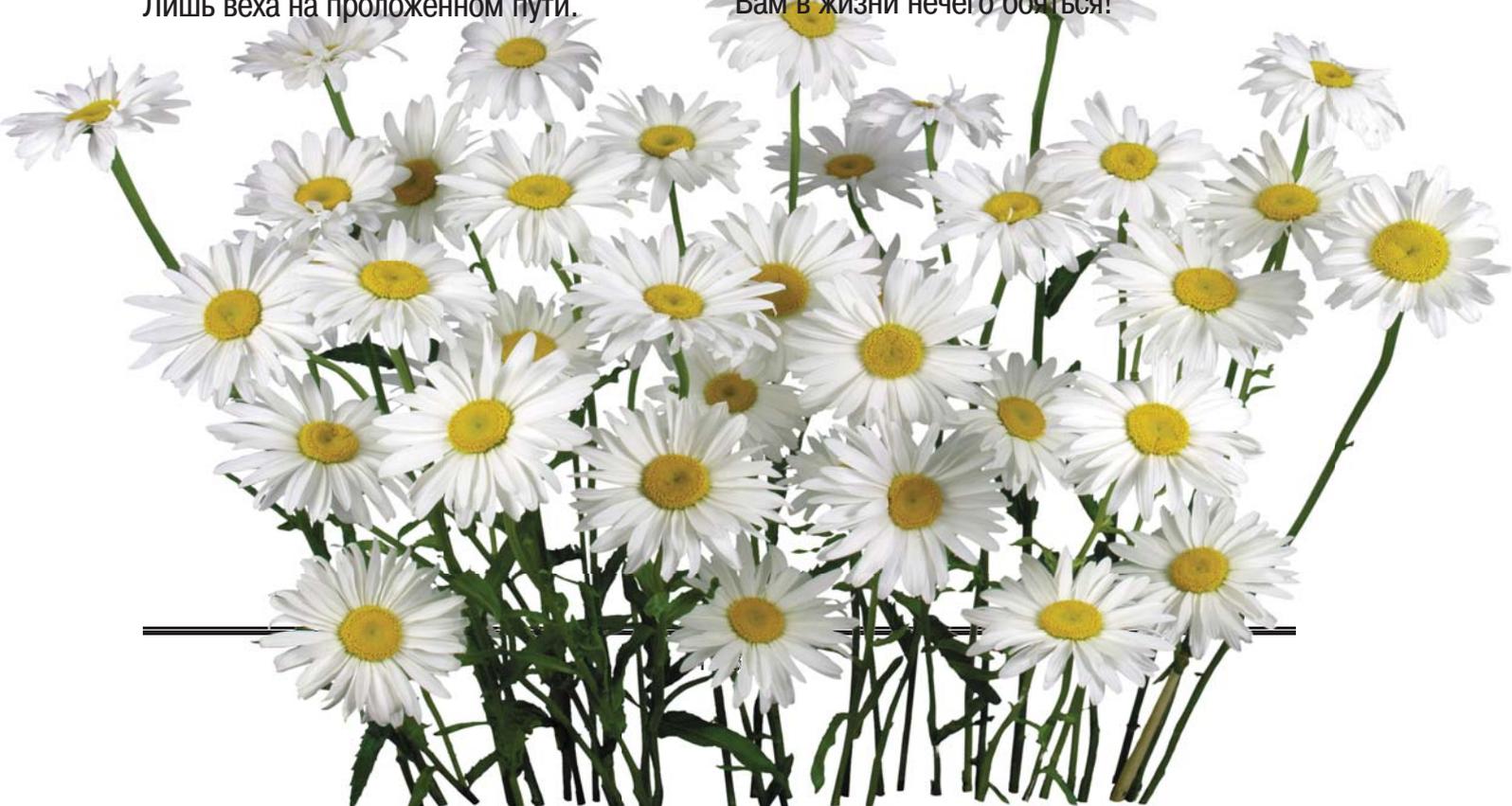
Михайлов Леонид Александрович –
доцент кафедры ЭТАЭМ ЭИ

Климкова Ольга Ивановна –
инженер-метролог кафедры ТМик ИТТС

Бутин Константин Сергеевич –
старший научный сотрудник ГНЦ

Пусть возраст мудрость лишь приносит,
И пусть Вас не тревожит он,
Ваш юбилей – еще не осень,
А только бархатный сезон.
Ваш юбилей – не больше чем начало,
Лишь веха на проложенном пути.

Живите так, чтоб сотни было мало,
Чтоб сил хватило и еще прожить.
Пусть счастье никогда не покидает,
Пусть весело глаза искрятся,
Пока костер души пылает –
Вам в жизни нечего бояться!

Содержание

Философские науки

Букин А.Г. Культурно-символьная политика Забайкальского края: формирование топонимического пространства культуры A. Bukin Cultural and Symbolic Policy in Transbaikalian Region: Forming the Toponymic Space of Culture	4
Скачков А.С. Общественно-субъектная суть «социальной автотрофности» A. Skachkov Social-Subjective Meaning of «Public Autotrophy»	8

Филологические науки

Афанасьева Е.Ф. Принципы классификации согласных фонем эвенкийского языка E. Afanasieva To the Question about Principles of the Classification of the Evenk Consonant Phonemes	14
Кобец Е.В. Политический дискурс конца XX – начала XXI вв.: прагматика юмора как шаг к пониманию и ломке стереотипов восприятия (на примере речей политических лидеров федерального и республиканского уровней: В.В. Путина и А.И. Лебеда) E. Kobets Political Discourse in the End of the XX – Beginning of the XXI Century: Humorpragmatics as a Step to Understanding and Change of Perception Stereotypes (by the Example of Speeches of V.V. Putin and A.I. Lebed – Political Leaders of Federal and Republican Level)	21
Огдонова Ц.Ц. Языковая ситуация как научный концепт и ядро формирования научного дискурса Ts. Ogdonova Language Situation as a Scientific Concept and Basis of Scientific Discourse Formation	28

Педагогические науки

Пиралова О.Ф. Гуманитарный аспект оптимизации инженерного образования O. Piralova Humanitarian Aspect of The Optimization of the Instruction of Engineering Personnel	34
Северов В.Г., Баракова И.С. Формирование социокультурной компетентности будущего практико-ориентированного специалиста малого бизнеса V. Severov, I. Barakova Formation of Social and Cultural Competence of Future Practice-Focused Small Business Expert	40
Старостина С.Е. Концепция профессионально направленного естественнонаучного образования студентов гуманитарных специальностей S. Starostina Conception of Professionally Oriented Natural Science Education of Students of Humanitarian Specialties	44
Чернышёва А.В. Возможности специальных дисциплин в формировании готовности студентов к профессиональной деятельности специалиста по социальной работе A. Chernysheva Potential of Specialized Disciplines in Shaping Students Readiness For Professional Roles in Social Work	50

Искусствоведение

Шейко А.Н. Общие принципы популяризационной деятельности Дальневосточного художественного музея	
--	--

A. Sheiko General Principles of Popularization Activities of the Far Eastern Art Museum	55
--	----

Политология

Дашкевич В.В. Германская модель социальной политики: вызов времени V. Dashkevich The Challenge of German Social Policy Model	63
---	----

Очирова В.М. Понятие «политическая элита» в контексте научного знания V. Ochirova To the Problem of the «Political Elite» Notion	68
---	----

Романова Н.П. Демографическая динамика России: общая ситуация и региональный миграционный аспект Nelly Romanova Demographical Dynamics in Russia: General Situation and Regional Migrational Aspect	74
--	----

Науки о Земле

Барабашева Е.Е., Стремечкая Е.О. Роль микробиоты и органического вещества в процессах эндогенного и экзогенного рудообразования (на примере отдельных месторождений Забайкальского края) E. Barabashева, E. Stremetskaya Microbiota and Organic Substance Role in Endogenous and Exogenous Processes of Ore Genesis (by the Example of Several Deposits in Transbaikalian Region)	83
--	----

Захаров В.Л. Изменение морфологических показателей почв яблоневых садов Тамбовской области в результате поднятия грунтовых вод V. Zakharov Change of Morphological Parameters of Soils in Apple Gardens of the Tambov Region as a Result of Groundwater Rising	90
---	----

Мязин В.П., Килин В.И., Якубайлик Э.К. Совершенствование техники и технологии обогащения сильномагнитных железосодержащих руд с использованием инновационных разработок последних лет (на примере Сибирского региона) V. Myazin, V. Kilin, E. Yakubaylik Perfection of Methods and Technology of Highly magnetic Iron Ore Concentration in Connection With the Innovations of the Last Years (by the Example of the Siberian Region)	95
---	----

Овсейчук В. А. Производство природного урана на ОАО «Приаргунское производственное горно-химическое объединение» и его воздействие на окружающую среду B. Ovseichuk Manufacture of Natural Uranium on the Open Joint Stock Company «Priar-Gunsky Industrial Mining and Chemical Association» (PPGHO) and its Effect on an Environment	102
--	-----

Озорнин С.П., Якимов А.В. Альтернативное применение современных приборов безопасности грузоподъемных машин S. Ozornin, A. Yakimov Alternative Application of Modern crane Safety Systems	106
---	-----

Савельева П.Ю. Палеогеоморфологическое картирование на основе использования методов ГИС и ДЗ (на примере участка среднего течения р. Катунь) P. Saveleva Paleogeomorphological Mapping on the Basis of Gis and Rs Techniques (by Example of the Katun River middle Stream Area)	110
--	-----

Работа диссертационных советов ЧитГУ в первом полугодии 2010 г.	116
Книгоград	122
Юбилейные даты	123

ВЕСТНИК

ЧИТИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 6 (63)

2010

Научный редактор д-р социол. наук Н.П. Романова

Литерат. редактор А.А. Шалавина

Технический редактор М.А. Витовская

Подписано в печать 25.08.2010

Сдано в производство 27.08.2010

Форм. бум. 60 x 84 1/8

Печать офсетная

Уч.-изд. л. 12,6

Тираж 500 экз.

Бум. тип. № 2

Гарнитура Bodoni

Усл. печ. л. 12,4

Заказ № 122

ЧИТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

РИК ЧитГУ

672039, Чита, ул. Александро-Заводская, 30

Раб. тел.: 41-67-18; E-mail: rik-romanova-chita@mail.ru
